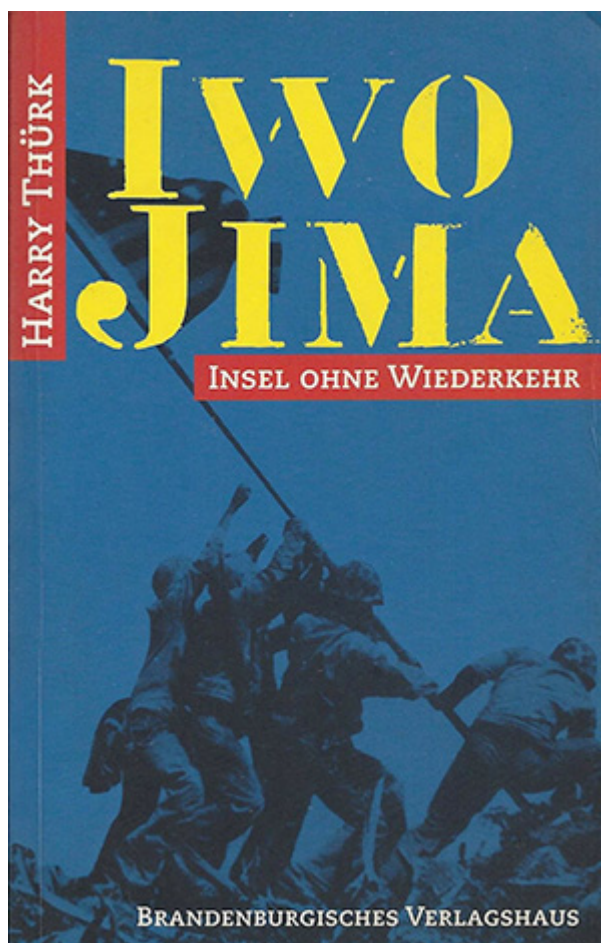

Гарри Тюрк

ИВОДЗИМА

Остров без возврата. Прыжок к Японии

Издательство «Бранденбургишес Ферлагсхаус», Берлин, 1996

Перевод с немецкого: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2016

Оригинал: Harry Thürk, Iwo Jima. Insel ohne Wiederkehr. Der Sprung nach Japan. Brandenburgisches Verlagshaus, Berlin, 1996.

О книге: Тридцать шесть дней длилась битва за пустынный вулканический остров Иводзима, который в 1945 году был, за исключением Окинавы, вероятно, самым важным аванпостом Японии в Тихом океане, пока он сам не превратился в цель наступления американцев. 22 000 японских солдат защищали превращенный в крепость остров. Только немногие остались живы после битвы. Но также и наступавшие американцы потеряли почти 7000 человек погибшими, самые высокие потери, которые когда-либо понес Корпус морской пехоты США.

США нуждались в Иводземе как в стартовой площадке и запасном аэродроме для бомбардировщиков В-29, которые атаковали Токио и другие японские города.

На основании документов и рассказов оставшихся в живых участников боев Гарри Тюрк написал это захватывающее повествование о битве, которая сравнительно мало известна в Европе, хотя у нее было решающее значение для исхода Второй мировой войны на Дальнем Востоке.

Это еще одна интересная работа как для читателей, уже знакомых с такими документальными книгами Гарри Тюрка как «Пёрл-Харбор», «Сингапур», «Мидуэй», «Бирма» и другими, так и для всех тех, кто хотел бы больше узнать об истории Второй мировой войны на Тихом океане.

От переводчика: Книга популярного немецкого писателя Гарри Тюрка (1927-2005) «Иводзима. Остров без возврата» была последней в ряду его документальных произведений, посвященных Второй мировой войне на Тихом океане. Первой его книгой на эту тему был опубликованный в 1965 году в ГДР «Пёрл-Харбор. История одного внезапного нападения», за ним в 1970 последовала работа «Сингапур. Падение цитадели». Эти книги были переведены на русский язык и изданы еще в советское время.

Уже после объединения Германии Гарри Тюрк написал последующие книги, посвященные этой теме: «Мидуэй. Перелом в войне на Тихом океане, 1942» (1991), «Бирма. Ад полузабытой войны» (1995) и «Иводзима. Остров без возврата» (1996). Так Тюрк, начав с нападения японцев на американскую военноморскую базу Пёрл-Харбор в 1941 году, закончил эту серию работой о захвате американцами важного японского форпоста – острова Иводзима – в февралемарте 1945 года.

Сам Тюрк определял жанр этих своих произведений как «документальные романы». Он, считавший сам себя в первую очередь рассказчиком, не хотел писать сухие, чисто научные труды, поэтому помимо реальных исторических лич-

ностей включал в число героев книг и вымышленные персонажи, глазами которых читатель как бы наблюдал за происходящим. (В «Иводзиме» читатель следит за событиями глазами американских военных корреспондентов, участвовавших в боях. Тюрк не случайно избрал именно их своими героями – этот опыт был близок ему лично, потому что он сам был военным корреспондентом ГДР во Вьетнаме и освещал также другие конфликты в Юго-Восточной Азии в 1960-1970-х годах.) Тем не менее, все «документальные романы» Тюрка всегда опирались на факты.

В отличие от книг, написанных Тюрком во времена ГДР и посвященных более близким событиям (Вьетнамская война, путч в Индонезии, события в Камбодже и т.д.), в книгах, изданных им уже после объединения Германии, автор занимает более объективную позицию, описывая происходящее не «чёрно-белыми» красками. Хотя его симпатии и на стороне американцев, он не демонизирует японцев и добросовестно старается передать их мотивы и намерения.

Из этой книги читатели смогут больше узнать о битве за Иводзиму, известную нам преимущественно по американским художественным фильмам. Этому способствует и легкий, удобочитаемый стиль автора, принесший ему заслуженную популярность как в ГДР, так и в объединенной Германии.

* * *

Переводчик благодарит Игоря Ландера (Одесса) за помощь и консультации.

(В.К.)

СОДЕРЖАНИЕ

Под прицелом
Остров Курибаяси
Крепость из пепла
День «Д»
Камикадзе
Пляж «Зеленый»
Сурибати
Холмы смерти
Джунгли из камня
Китано-Пойнт
Токио в огне

Под прицелом

Фрэнк Уоллес уже довольно долго ждал перед дымящимся от жары бабьего лета баракон из гофрированных стальных листов, прежде чем появились первые генералы и адмиралы. Сегодня Уоллес должен был получить информацию о третьем этапе боевых действий американских вооруженных сил в Тихом океане. Первый этап был отмечен победой флота у атолла Мидуэй, второй этап – высадкой на дальних тихоокеанских островах, которые Япония использовала как передовые посты в направлении Австралии. В качестве следующего этапа планировался теперь прыжок уже к самой Японии. Первые совещания на эту тему уже прошли на Гуаме, насколько это было известно Фрэнку Уоллесу, репортеру армейской еженедельной газеты «Yank». Но это было уже всё. Цель кампании еще не была названа, она скрывалась в тайне, чтобы добиться эффекта внезапности. Но, вероятно, ему удалось бы сегодня схватить хотя-бы какой-то намек, когда участвующие в операции офицеры позже встретятся с адмиралом флота Честером Уильямом Нимицем, главнокомандующим американских соединений в центральной части Тихого океана. Нимиц только недавно перенес свою штаб-квартиру на остров Гуам.

Ровно через одну неделю после воздушного нападения на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года японские войска оккупировали расположенный дальше всего к

западу от Гавайев остров Гуам. Относящийся к Марианским островам остров с середины шестнадцатого столетия находился под испанским господством и только в конце девятнадцатого века был отобран у испанцев США.

Расположенные южнее остальные Марианские острова были в то время немецкой колонией. После окончания Первой мировой войны они были затем по Версальскому договору переданы Японии как так называемые подмандатные территории.

Япония очень быстро осознала их военно-стратегическое значение, устроила почти на всех из них военные базы и использовала их затем как опору своей империалистической политики. Теперь американские вооруженные силы, начиная с южной части Тихого океана, захватили их один за другим в результате тяжелой борьбы. В конце концов, пал и Гуам, 20 июля 1944 года.

Адмирал флота Нимиц не терял времени, чтобы устроиться здесь, в то время как Дуглас Макартур с подчиненными ему войсками в юго-западной части Тихого океана получил задание отвоевать у японцев Филиппины.

Вторая мировая война в Европе медленно подходила к концу. Можно было предвидеть, что также союзная Германии Япония не сможет выдержать давление союзников намного дольше. Но чтобы нанести Японии окончательный удар, недостаточно было вернуть японские базы в южной части Тихого океана и захваченные японцами во всей Юго-Восточной Азии территории – пришло время планировать прыжок в саму метрополию, на Японские острова.

Фрэнк Уоллес наблюдал за постепенно прибывающими офицерами, среди них был и Рэймонд Эймс Спрюэнс, герой Мидуэя, который теперь командовал действующим в этой акватории Пятым флотом. С привычно молодцеватой выправкой адмирал ответил на приветствие часового перед баракком. Генерал-лейтенант Холланд М. Смит, командующий силами американского Корпуса морской пехоты на Тихом океане, последовал за ним, добродушный немолодой господин, который приветливо кивнул Фрэнку Уоллесу. За стеклами его очков сверкнули два хитрых глаза: – Никаких комментариев, Фрэнки, извините!

Он знал Уоллеса с августа 1942 года, когда войска Соединенных Штатов воспользовались шоком поражения японского флота при Мидуэе и осуществили первый морской десант на занятом японцами острове Гуадалканал, входящим в цепь Соломоновых островов. Связанная с большими потерями, но, в конечном счете, решающая операция, ликвидировавшая угрозу для морских путей между Америкой и Австралией. Но Гуадалканал принес также важные сведения для дальнейшего проведения американцами морских десантных операций, привел к

техническим разработкам и развитию тактики, что было необходимо, чтобы окончательно сломить мощь Японии в южной части Тихого океана. Тогда, на «The Canal», как морские пехотинцы прозвали Гуадалканал, репортер «Yank» и познакомился с генералом морской пехоты, который сейчас так дружелюбно подмигнул ему здесь. И для Фрэнка Уоллеса, невысокого, мускулистого мужчины, которого корпус морской пехоты сначала обучил как любого другого морпеха, а после этого надел на него как на военного репортера форму лейтенанта, не было сомнения: где появлялся Холланд М. Смит, там готовилась десантная операция.

- Ты не скажешь мне ничего нового, – заметил лаконично Стив Рид, который присоединился к Уоллесу. Высокий, тощий, рыжий парень, тоже лейтенант морской пехоты, тоже работающий в «Yank», и с огромной камерой «Speed Graphic», болтавшейся у него на груди, по которой в нем легко можно было узнать фотографа.

Он и Уоллес были вместе на Гуадалканале и на нескольких других островах, через которые американские войска пробились, наконец, до этого места. Фронтальная редакция «Yank» находилась здесь, в одном из других барачков из волнистых стальных листов, которые так же заржавели, как и место встречи генералитета, и, которые, если верить словам солдат, все еще пахли японцами. Все же, это относилось уже к области военных легенд, согласно которым каждая армия мира якобы издавала свой собственный и неповторимый запах.

- Это мог бы быть Кюсю, – предположил Уоллес.

Но старый друг Рид только покачал головой. Нет, для японской метрополии, так он думал, время еще не пришло. И, кроме того, на Кюсю находился не только Нагасаки, миллионный город, но и Кагосима, военно-морская база, с которой приходилось считаться. Все это нужно было сначала «размягчить», как это называлось на военном языке, т.е. нанести предварительно настолько сильные удары, чтобы ослабить противника, лишить его воли к сопротивлению.

- Тогда, вероятно, Окинава?

Уоллес еще в первой половине дня посмотрел на карту, так как он уже предвидел, что объяснений о ближайшей операции от командования пока не будет, во всяком случае, их не будет для репортеров.

- Острова Рюкю вообще, – размышлял он дальше. – Некоторые говорят, что у Японии это что-то вроде хвоста, который свисает на юг. И если хотят кого-то рассердить, то тянут его как раз за хвост...

Фотограф молчал. Его внимание привлекли к себе новые прибывающие офицеры, которые выходили из джипов и шли к бараку. Адмирал Ричмонд К. Тёрнер коротко кивнул репортерам и остановился затем у двери барака, чтобы подождать своего старого друга, генерала морской пехоты Гарри Шмидта, который только что вылезал из джипа. Маленький, проворный генерал, имя которого происходило от его немецких предков, вытер рукавом рубашки пот со своего загорелого крестьянского лица.

Гарри Шмидт командовал Пятым десантным (амфибийным) корпусом. Он подчинялся адмиралу Тёрнеру, который был официально командующим амфибийных соединений американского флота на Тихом океане. Кроме войск Шмидта, к ним относился еще Третий корпус. Тёрнер и Шмидт были знакомы с первых дней так называемых «прыжков по островам», когда морская пехота отвоевывала у японцев одну островную базу за другой, на Маршалловых островах, Соломоновых островах и островах Гилберта.

- Привет, Гарри, – поприветствовал его адмирал. Он был существенно выше, чем Шмидт, смотрел на генерала сверху вниз, но даже если приветствие и показалось несколько жестким, то это вводило в заблуждение, так как оба высокопоставленных офицера слишком часто воевали вместе, чтобы не быть уже давно личными друзьями. Также Шмидт кивнул репортерам, и когда Уоллес непочтительно крикнул ему: – Мы в деле? Шмидт только рассмеялся и заверил: – Не волнуйтесь, ребята, вы получите полную программу!

Спрюэнс, Тёрнер, Шмидт и Смит, их еще с их первых совместных десантных операций называли «Командой» – не хватало еще только Марка Митчера, маленького адмирала, который предпочитал носить кепку для игры в гольф, лицо которого было еще больше изборозжено морщинами, чем у Шмидта, и он командовал 58-й оперативной группой – «Task Force 58», быстрой авианосной группой, самолеты которой потопили уже немало японских кораблей.

- Если Спрюэнс встречаются с Тёрнером и Смитом у Нимица, и если при этом к ним присоединяется еще и Гарри Шмидт, то неизбежно нам скоро придется поработать, – предположил Рид. Он зажег сигарету, и, как бы готовя себя к любым случаям, он поправил «Speed Graphic». Прямо-таки бесформенная камера, при виде которой невольно вспоминалось об истоках фотографии. Формат 13 на 18, снимает на кассеты с листовой пленкой (фильмпак), громоздкая, если сравнить ее с малоформатными фотоаппаратами немецкого производства, но зато чрезвычайно надежная и благодаря большому размеру кадра снимает качественнее, чем все «малыши». Впрочем, она была предписана в Корпусе, так как тыловые службы с их системами проявки были рассчитаны именно на нее. Ко-

гда Рид держал ее перед лицом и крутил маховик установки дистанции, его голову едва можно было увидеть.

Еще один джип примчался сюда и остановился перед баракком. Кёртис Лемэй, генерал военно-воздушных сил, приехал последним. Он командовал 21-м бомбардировочным командованием, в котором использовали новые мощные бомбардировщики В-29.

- Можешь говорить, что хочешь, но дело пахнет жареным, – заметил Рид мимо своей сигареты. Уоллес согласился с ним. Поэтому стоило бы подождать совещания, вероятно, один из участников, все же, хотя бы намекнет на что-то полезное. Собственно, с другой стороны, это не имело большого смысла, так как даже если бы они и узнали, где с высокой вероятностью должна была начаться новая крупная операция, то из-за секретности публиковать эту новость все равно было бы нельзя. Но оба репортера «Yank» все же ждали.

В бараке было жарко, хотя вентиляторы постоянно гоняли душный воздух. Офицеры, все уже не молодые люди, страдали от жары, хотя война уже давно удерживала их в местах, в которых господствовал тропический климат. Теперь они сидели перед сделанной из влажного песка моделью неизвестного им всем острова: Иводзимы.

Между Марианскими островами и Японией имелась еще вытянутая цепь маленьких и очень маленьких островов, Бонинских островов (японцы называют их островами Огасавара) и вулканических островов. Они принадлежали Японии и были населены перед войной. О нынешнем их народонаселении ничего не было известно, только то, что острова, если это допускала ситуация, были заняты японскими войсками и были укреплены.

- Генерал Лемэй доложит о самом важном аспекте, – сообщил Нимиц.

Лемэй был сторонником жесткого, эффективного ведения войны, получил в руки для этого замечательные инструменты и умел использовать их самым рациональным способом. Он был своего рода перфекционистом и был убежден, исходя в особенности из опыта войны в Европе, в том, что бомбардировочная авиация играет решающую роль в борьбе с державами «Оси». Это было также исходной точкой его соображений, которые он докладывал теперь; медленно, в добросовестно сформулированных предложениях, что далеко не всегда можно было ожидать от офицеров.

- ВВС выполнили всю работу в Европе. Это было недавно доказано при вторжении на французское побережье. Промышленный хребет противника был сломан,

моральный дух населения упал. При этих обстоятельствах, которые мы осознанно вызвали, даже самые хорошие сухопутные войска больше не смогут успешно сражаться. Мы рассчитываем, что будущей весной война в Европе закончится.

Напротив, Япония еще сильна, и население в большинстве своем поддерживает императора. Мы не должны думать, что уже добились победы только потому, что смогли отобрать у них ряд тихоокеанских островов. На метрополию война пока что едва ли сильно повлияла. К этому добавляются огромные территории в Китае и Маньчжурии, в Корее и на Формозе, на которые могут опереться японцы. Чтобы поставить и этого противника в то же положение, что Германию, ВВС должны перейти к систематическим бомбардировкам территории самой Японии. До сих пор это не удалось, вопреки нескольким попыткам. Если не учитывать рейд Дулиттла на Токио с его шестнадцатью самолетами с авианосца «Хорнет», мы только лишь однажды смогли атаковать Японию с воздуха, а именно в ходе эксперимента, который мы предприняли в середине июня с одной из наших баз в Китае. Мы атаковали Кюсю, военные заводы. Умеренный успех. Итак, если мы не найдем новые пути, чтобы буквально разбить японскую метрополию нашими тяжелыми бомбардировщиками, мы не скоро достигнем цели.

(ВВС как отдельного вида вооруженных сил в США не было до 1947 года. Формально они во время Второй мировой войны еще подчинялись сухопутным войскам (армии) и назывались Военно-воздушными силами Армии США – United States Army Air Forces (USAAF или AAF). Для большей простоты автор всюду в книге использует термин ВВС в отношении Военно-воздушных сил Армии США – в отличие от авиации ВМС. – прим. перев.)

У Лемэя был дар быстро объяснять стратегические и тактические факторы, и он мог говорить внушительно. Теперь он без обиняков объяснял, что необходимо захватить Иводзиму, чтобы дальше действовать против Японии, а именно с помощью бомбардировочного флота, что уберегло бы наземные войска от высоких потерь и продолжительных боев. Главной силой размещенного на принадлежащих к Марианским островам островах Сайпан и Тиниан 21-го бомбардировочного командования были новые самолеты В-29 «Superfortress» («Суперкрепость»). Этот разработанный концерном «Боинг» стратегический бомбардировщик дальнего действия был принят на вооружение ВВС только в конце 1943 года. В-29 был очень сложным четырехмоторным самолетом с большой бомбовой нагрузкой и высокой боевой эффективностью. Его дальность полета превышала 5000 км, на высоте примерно 7000 м он достигал еще максимальной скорости примерно 570 км/ч и мог нести при благоприятных условиях до десяти тонн бомбовой нагрузки. Защитное вооружение состояло из десяти умело расположенных 12,7-мм пулеметов, которые находились в пулеметных башенках сверху и снизу

фюзеляжа и в хвосте, что существенно мешало противнику атаковать этот самолет.

- В двух словах, у нас есть следующая проблема, – разъяснял Лемэй, – если мы хотим эффективно бомбить Японию, мы должны захватить новую базу на полпути между нашими авиационными базами на Марианских островах и самой Японией. Большая дистанция полета туда и обратно и опасность быть атакованным японскими истребителями, принуждают нас вести наши бомбардировщики на высоте более 10 000 м. Это требует большего количества горючего, и вследствие этого мы должны сокращать бомбовую нагрузку на каждый самолет с десяти до примерно трех тонн. И, наконец, целенаправленная бомбардировка больше не возможна с высоты 10 000 м. Неэффективность и высокие потери – таковы последствия. Кроме того,...

Он подошел к модели и указал на два места: – Это оба японских аэродрома на Иводзиме. Здесь, севернее, строится третий. Истребители-перехватчики. И радиолокационные станции определяют местонахождение наших бомбардировщиков в полете настолько рано, что японцы успевают своевременно принять меры. Внезапность, наше большое преимущество, вследствие этого исключается. Господа, я прибыл из Тиниана, чтобы разъяснить вам, что мы должны овладеть Иводзимой. Я надеюсь, что мне это удалось.

Его сила убеждения была достаточна, тем более что Спрюэнс, как и Тёрнер, были еще раньше полны решимости больше не давать противнику покоя.

- Мы должны подождать несколько дней, – заметил Смит. Он знал, что через несколько дней, после «размягчения» силами авианосных самолетов адмирала Митчера, примерно четверть миллиона американских солдат под командованием Макарура высадутся на сушу на остров Лейте, чтобы отобрать Филиппины у японцев. Когда Смит говорил теперь о нескольких днях, которые нужно было подождать, он только имел в виду то, что нужно дождаться вторжения на Филиппины. Как только можно будет увидеть, что оно, пусть даже с задержками, развивается успешно, можно было бы открыть следующий фронт: Иводзима.

Другие тоже, кажется, знали о планах Макарура. Наконец, Спрюэнс указал на то, что Объединенный комитет начальников штабов в Гонолулу порекомендовал точно это, а именно принять решение для Иводзимы и приступить к подготовке операции, тем не менее, начало операции должно было зависеть от успехов Макарура на Филиппинах.

Генерал-лейтенант Холланд М. Смит, командующий морской пехотой на Тихом океане, командир, пользовавшийся большим уважением своих подчиненных.

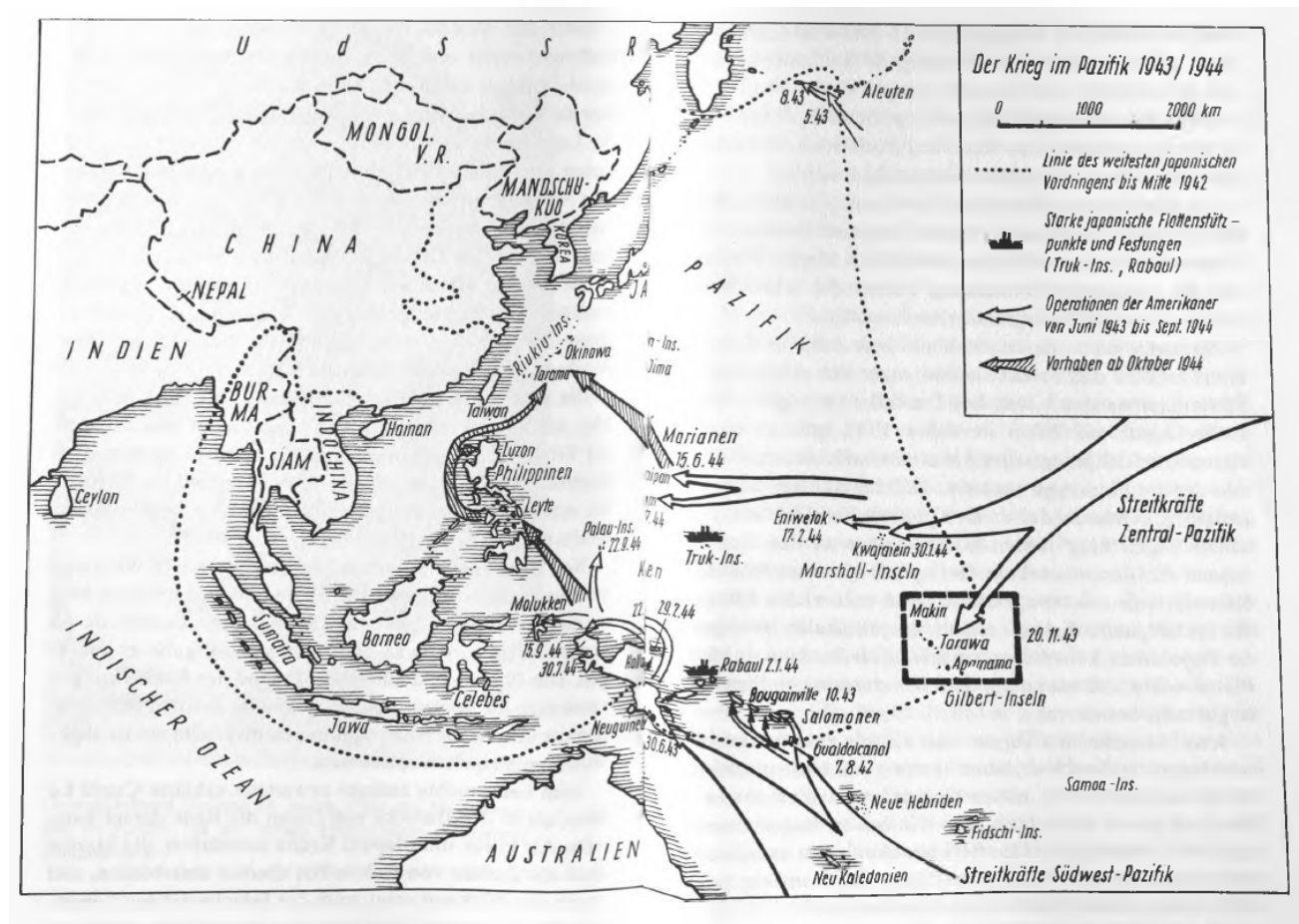
Среди членов Объединенного комитета начальников штабов различных видов вооруженных сил, учреждения, аналогичного генеральному штабу, естественно, были разные представления о значимости каждого представленного вида вооруженных сил. Сухопутные войска выступали за безотлагательное вторжение в японскую метрополию, причем они приводили исторические примеры – только захват значительных частей территории государства вызывал в большинстве случаев капитуляцию страны.

Военно-морские силы аргументировали, что такое изолированное в море островное государство как Японию можно было в принципе принудить к капитуляции путем разрыва морских транспортных путей. Поэтому морская блокада – это подходящее средство.

Военно-воздушные силы придерживались точки зрения, которую Кёртис Лемэй представлял также в бараке на Гуаме, и которая могла опираться на опыт в Ев-

ропе: стратегические бомбардировки, ковровые бомбежки днем и ночью привели, наконец, к краху сил противника.

Теперь начальники штабов договорились в Вашингтоне, где они, как правило, располагались постоянно, о том, что нужно покровительствовать не какому-то одному из этих вариантов, а комбинировать их, чтобы окончательно заставить Японию капитулировать. Планирование последнего этапа тихоокеанской войны объединяло самые существенные элементы из предложений отдельных видов вооруженных сил и объединяло их в согласованном подходе.

Боевые действия на Тихом океане, 1943-1944.

- Я и не ожидал ничего другого, – заявил Кёртис Лемэй, когда в бараке на Гуа-ме речь зашла об этом. – ВВС должны изматывать силы Японии, военно-морской флот должен полностью воспрепятствовать притоку любого сырья, и когда это окажет свое воздействие, то территорию должен будет захватывать пехотинец.

Он тонко улыбнулся, когда он прибавил: – И чтобы начать этот процесс, ВВС нужна Иводзима. Устранение систем предупреждения и истребителей противника на этом острове и использование взлетно-посадочных полос для наших бомбардировщиков являются предпосылками победы!

Маленький генерал-майор Гарри Шмидт, командир Пятого десантного корпуса морской пехоты, заметил иронично: – Которую мы потом должны обеспечить, или как?

Лемэй взглянул на него с обезоруживающей ухмылкой: – Ты попал в точку, Гарри!

Возражение Спрюэнса, что флоту, вероятно, придется стоять на заднем плане, чтобы все получилось, вызвало в ответ саркастичное замечание Тёрнера: – Но, пожалуйста, не слишком далеко на заднем плане, дружище!

Спрюэнс не обиделся на это, так как каждый в этом кругу знал, что он к тому времени стал одним из самых опытных морских командиров. Во время незабываемого нападения В-26 Дулиттла на Токио в 1942 году он командовал крейсером, который двигался вместе с авианосцем «Хорнет», с которого стартовали самолеты, и защищал его. И при Мидуэе он окончательно доказал, что он мог умно командовать также большими соединениями в критических ситуациях, когда его неожиданно назначили командиром оперативной группы вместо заболевшего адмирала Хэлси. С тех пор он достиг успехов во многих боях в южной части Тихого океана, без сенсаций, не увеличивая искусственно свою популярность. Каждый на флоте знал, что под командованием Спрюэнса моряки были в хороших руках.

Теперь откашлялся Тёрнер, и когда все замолчали, полные надежды, он, не придавая ненужной строгости своим словам, попросил: – О'кей, господа, давайте-ка мы более детально рассмотрим эту Иводзиму, прежде чем мы слишком увлечемся. В этой плоской ножке ягненка что-то есть. Нам следует изучить территорию и затем подсчитать некоторые дистанции — до Кюсю, до Токио. Насколько больше тонн бомб можно будет тогда загрузить в В-29, если они будут взлетать с Мотоямы, а не с Тиниана. Самый большой японский аэродром на Иводзиме называется Мотояма. Посмотрим, как это выглядит на практике.

Хотя Уоллес и прождал несколько часов перед бараком, пока совещание, наконец, не закончилось, он так ничего и не узнал. Только Гарри Шмидт остановился на мгновение рядом с ним и произнес: – Мы услышим друг о друге, Уоллес, как только свинью зарежем. Я никогда не забываю о хорошей команде репортеров. А где Рид?

- Он будет рядом, – заверил Уоллес.

В редакции «Yank» ничего не говорили о совещании, которое, несомненно, заложило фундамент начавшейся только спустя несколько месяцев операции против Иводзимы, и ничего об этом не сообщали. Было однозначное указание поступать именно таким образом. Только Уоллес и Рид беседовали еще раз об этом, и тогда Рид высмеял это табу.

- Когда я еще работал в Спрингфилде, штат Миссури, в газете «Advertiser», у нас был строгий запрет сообщать о проститутках на Элм-стрит. До тех пор, пока однажды одна частная местная радиостанция не высмеяла нас. Диктор тогда сказал: «Advertiser» думает, что если он кого-то не знает, то его и не существует. Неправильно. За это время мы установили три тысячи восьмьсот семнадцать мужчин, которые пользовались услугами дам с Элм-стрит. Ни одна из них якобы не известна «Advertiser». Новый мэр, напротив, которого мы должны выбирать, еще не оказал услуг никому в городе, но о нем эта газета сообщает три раза в неделю. Как – по сравнению с этим вниманием – можно было так совсем не заметить несколько дюжин дам, которые уже оказали услуги столь многим мужчинам среди местных жителей? Такие услуги, кстати, которые мэр, даже если его выберут, никогда не мог бы никому оказать».

- И так, ты думаешь, дело обстоит и с Иводзимой, – поинтересовался Уоллес.

- Это пример табу!

Уоллес только сказал: – Ты выбрал не ту профессию, Стив. Тебе следовало бы стать комиком!

Остров Курибаяси

Майор Эплтон на своем В-29 пролетел чуть меньше девяти часов на высоте почти 10 000 м, когда наблюдатель сообщил: «Токио». Было 24 ноября 1944 года. На Филиппинах наступление против японцев хоть и продвигалось вперед, но приходилось считаться с тем, что оно продолжится еще и в следующем году. И хотя решение о сроке атаки на Иводзиму к тому времени уже было принято, этот срок все время переносился, чтобы не создавать еще один очаг крупных боев помимо Филиппин, прежде чем Макартур захватит Манилу и сломит там сопротивление.

Но и в этот промежуток времени японцам нельзя было позволить чувствовать себя в безопасности в их метрополии. ВВС должны были постоянно грозить противнику, стратегические бомбардировки должны были систематически продол-

жаться и при все еще неблагоприятных обстоятельствах. Поэтому В-29 периодически стартовали со своих баз на Тиниане и Сайпане в направлении Японии.

Самолет Эплтона, как и другие машины его эскадрильи, нес на борту вместо возможных десяти тонн только примерно пять тонн бомб, чтобы летать на большей высоте и из-за этого оставаться недостижимым для японских истребителей-перехватчиков, которые поднимались с Иводзимы, а позже из самой метрополии. Однако на такой высоте уменьшалась скорость полета, двигатели больше не получали достаточно кислорода. Кроме того, оледенение крыльев оказывало тормозящее воздействие. После девяти часов полета, это Эплтон констатировал не впервые, одиннадцать членов экипажа уже устали и, собственно, их следовало бы сменить. Но никаких шансов на это не было. Сначала нужно было осуществить атаку, затем уже последовал бы обратный полет на Тиниан, который, возможно, без бомбовой нагрузки мог бы быть почти на час короче по времени, чем полет сюда. Если все получится, то часть экипажа сможет во время обратного полета получить возможность недолго поспать. Для этого на самолете был автопилот – хитроумная система, которая сэкономила силы и одновременно уверенно держала машину на курсе.

Моторы работали спокойно и равномерно. Все контрольные приборы показывали нормальные показатели. Тут Эплтон получил сообщение от наблюдателя, что цель лежит под ними.

Пилот действовал строго по инструкциям, которые были приняты в 21-м бомбардировочном командовании. Насколько это было возможно с такой высоты, он разглядел цель, направился к ней и отцепил бомбы. На этот раз они должны были попасть в комплекс цехов.

- Бомбы сброшены, – сообщил бомбардир.

Эплтон не знал о том, какой именно объект он бомбил, и о воздействии бомбардировки он тоже не особо заботился. После сообщения о том, что бомбы успешно сброшены, он привычно закрыл бомбовые шахты, набрал скорость и, описав круг, направил тяжелый самолет на обратный курс.

Он глубоко дышал, насколько это было возможно под кислородной маской, и был теперь готов реагировать на возможные тревожные известия с хвоста или из башенок в фюзеляже, где наблюдатели сидели за многоствольными крупнокалиберными пулеметами. Майор Эплтон уже несколько недель вылетал с Тиниана, и его самолет больше не поражал его неожиданными эскападами. Он достаточно долго обучался в Соединенных Штатах на В-29. Хотя «птица» была немного медлительной, зато она была настоящей рабочей лошадкой, и это пол-

ностью компенсировало некоторые из ее маленьких коварств. В-29 пошел в производство уже через несколько месяцев после нападения Гитлера на Польшу, как так называемый бомбардировщик с защитой полусфер. Это было в то время, когда Соединенные Штаты еще не вступали в военные действия, однако уже очень хорошо заботились об эффективной обороне и накапливали вооружение. Этот разработанный за рекордное время тяжелый самолет относили к чудесам техники, которые могла творить Америка. В сентябре 1942 года первый прототип уже летал. И хотя было много проблем с этой машиной еще перед окончанием испытаний, несколько авиазаводов были созданы для производства В-29 в различных местах в США. Даже когда Эдди Аллен, один из самых знаменитых летчиков-испытателей Америки, и его экипаж погибли при испытаниях, разработка самолета продолжалась. В 1943 году разработка самолета была закончена. Технические улучшения и устранение дефектов должны были производиться уже в ходе серийного производства. Затем в начале апреля 1944 года первый В-29 приземлился в Карачи. Большая дальность полета делала этот самолет особенно подходящими для огромных удалений на азиатском театре военных действий. Поэтому случилось так, что уже в середине июня 1944 года, пока все новые экипажи обучались полетам на стратегических бомбардировщиках на большом учебном полигоне над морем в Мексиканском заливе, первые вылетевшие из Южного Китая В-29 уже бомбили японские сталеплавильные комбинаты в городе Явата на острове Кюсю. Затем самолеты с тех же баз совершили налет на Аньшань в оккупированной Японией Маньчжурии, где они тоже разбомбили заводы по производству вооружения. Также Формоза получила свою долю. Теперь на очереди была уже сама Япония. Еще нужно было преодолевать большие расстояния, но перспектива вскоре получить возможность взлетать с более близких к Японии баз становилась все реальнее. И тогда появилась бы настоящая мощь В-29.

- Истребитель спереди! – загремело внезапно в наушниках Эпплтона. Одновременно самолет затрясся от выстрелов с башенки в носовой части. Там наверху стреляли вперед четыре крупнокалиберных пулемета.

Эпплтон едва ли мог что-то видеть. Хотя облаков не было, но кристаллы льда и водный конденсат затуманили стекла. Инстинктивно пилот потянул штурвал на себя, так как у японских истребителей была новая наступательная тактика. Из-за того, что их машины больше не могли достигать удовлетворительной скорости на той высоте, на которой летали В-29, чтобы атаковать противника в классическом стиле сзади сбоку с несколько более высокой позиции, японцы в последнее время подлетали к большим бомбардировщикам спереди, стреляли при этом из всех стволов и отворачивали только буквально в последнюю секунду. Последствием такой атаки были в большинстве случаев многочисленные попадания в районе носовой части, до места пилота, частично также в крыльях воз-

ле фюзеляжа и в примыкающих к фюзеляжу двигателях. Таким способом можно было уклониться от подлетающих «Зеро» вверх или вниз, но что бы ни делали, опасность была очень велика. Эпплтон надеялся, что сможет пролететь на своей машине над истребителем, после чего спаренные пулеметы под фюзеляжем могли продолжить стрелять по нему, а затем, наконец, еще верхняя пулеметная башенка на фюзеляже.

Первые пули с треском ударили в кабину. Тут и там треснуло стекло. Если не случится чего-то похуже, то с такими повреждениями можно было справиться, так как В-29 был достаточно прочен и надежен.

Баки были самозатягивающимися, и даже если один из моторов выходил из строя, бомбардировщик мог «доползти» до дома. Но все обернулось намного хуже.

Атакующий «Зеро» принадлежал к одному из созданных недавно в Японии специально из-за стратегических бомбардировок истребительных подразделений, которым управлял летчик морской авиации капитан-лейтенант Микихико Сакамото, еще молодой, фанатично решительный человек. Он установил в своем «Зеро» устройство, которое само удерживало самолет на курсе, что-то вроде автопилота. Сакамото не впервые вылетал против американских «Суперкрепостей», и он знал, что едва ли возможно было сбить их обычным способом. Вместе с несколькими другими сослуживцами он решился на более радикальный способ ведения боя, который японское командование ввиду обострившейся ситуации не запрещало, но в настоящий момент еще не требовало официально: таран. Он оставлял для летчика только очень небольшой шанс выжить. Атаковать В-29 фронтально на большой высоте, на которой также двигатель «Зеро» не мог работать на полную мощность, требовало мужества. Речь шла буквально о долях секунд, если пилот «Зеро» перед столкновением обеих машин хотел еще спастись, выпрыгнув с парашютом. Если он выпрыгнет слишком рано, то «Боинг» еще сможет, вероятно, увернуться от мчащегося к нему «Зеро». Если же он промедлит хоть на мгновение, то он либо столкнется с бомбардировщиком вместе со своим самолетом, либо будет разорван огненным шаром взрыва.

У капитан-лейтенанта Сакамото, как и у других, никогда не было возможности потренироваться в осуществлении таранов. Но при его атаке на «Боинг» Эпплтона удача была на стороне японца. Он выпрыгнул точно в правильную секунду, когда он, как ему показалось, уже слышал шум моторов бомбардировщика через грохот двигателя своего «Зеро».

Для майора Эплтона и одиннадцати его членов экипажа больше не было спасения. «Зеро» Сакамото с треском врезался в носовую кабину, сильный взрыв разорвал оба самолета и превратил их в огненный шар.

На одном из многочисленных временных полевых аэродромов, которые в последнее время были созданы вокруг Токио, в этот момент стоял генерал-лейтенант Тадамити Курибаяси и смотрел на небо. Относительно маленький мужчина со своим животиком производил на людей, которые не знали его, почти добродушное впечатление. Но эта внешность была обманчивой. Тот, кто был с ним знаком, знал, что он был одним из самых суровых жестких и решительных воинов Японии.

Тадамити Курибаяси прибыл несколько дней назад с Иводзимы в Токио, чтобы потребовать подкреплений для острова. Комендантом Иводзимы его назначили не случайно. К этому времени офицеры генерального штаба Японии уже разгадали тактику американцев: продвигаться вперед, отвоевывая по очереди один остров за другим. Им было ясно, какое значение имела бы Иводзима как база для американских бомбардировщиков и истребителей. Даже самым инертно мыслящим среди них это стало понятно в середине 1944 года, когда американские войска захватили Марианские острова, что стоило Японии потерь в 60 000 человек только погибшими. Сеть японских авиационных баз в южной части Тихого океана была разорвана. Американцы не только использовали захваченные японские аэродромы, но и строили новые, с которых их дальние бомбардировщики могли угрожать Японским островам. Кроме того, они с захваченных баз подводных лодок могли эффективно атаковать морские транспортные пути Японии. На южных островах они стягивали сильные войска и накапливали боевую технику в невообразимых масштабах. Все это должно было быть целенаправленно применено против японской метрополии.

Некоторые японцы называли цепь поражений, которые постигли их страну в 1944 году, началом конца, и моральный дух значительно упал. Премьер-министр Хидэки Тодзио, много лет считавшийся прославленным человеком, мужественно противостоящий Америке, в июле вместе со своим кабинетом ушел в отставку. Император, как поговаривали вполголоса, даже сам уже задумывался о мире. Политики с подобными представлениями взяли на себя самые важные государственные функции, среди них генерал Куниаки Коисо и адмирал Мицунаса Ёнай. Все же и они не думали о том, чтобы начать мирные переговоры. Союзники требовали безусловной капитуляции, и ни один японский политик не был готов потерять лицо, оставив свою страну на милость врагам.

Зенитная артиллерия стреляла ежедневно. Над Токио лопались осколочные снаряды, которые взрывались слишком низко, иногда в небе возникал огненный

шар, если один из вражеских самолетов был сбит. Но это происходило слишком редко, чтобы вселить надежду. Превосходство американцев в воздухе можно было отчетливо почувствовать даже над японской метрополией. Горькое осознание для каждого японца.

Тадамити Курибаяси было 54 года, и он уже больше 25 лет был кадровым военным. Он начинал как кавалерист и как молодой офицер был с 1928 по 1930 годы заместителем военного атташе в японском посольстве в Вашингтоне. Позже, когда его назначили в восточную Маньчжурию, в 1938 году, когда японцы прощупывали границы с советской Сибирью, чтобы узнать, могло ли бы нападение на север решить проблемы Японии с сырьем легче, чем южный вариант, он уже командовал танковой частью. Тогда он был только полковником. Однако, вопреки поражению, которое потерпели его войска на озере Хасан, так как их танки типа 89В с 57-мм пушкой и двумя пулеметами слишком уступали советским машинам, Курибаяси в 1940 году после своего возвращения в Японию получил звание генерал-майора и стал командиром бригады. Он был, как говорилось в хвалебных речах при награждении его орденом, «человеком с тигриным сердцем».

В 1943 году, когда война против Америки бушевала уже почти два года, командование направило ставшего к тому времени генерал-лейтенантом Курибаяси в Токио и поручило ему возглавить 1-ю дивизию императорской гвардии, элитное соединение, которое охраняло императорский дворец.

Отныне его все чаще видели по вечерам в кафе «Куре», где он, однако, всегда пил только свой чай и в лучшем случае иногда болтал с несколькими высокопоставленными офицерами. Семейной жизни для него не существовало.

После катастрофы в южной части Тихого океана летом 1944 года, когда японские внешние бастионы были по очереди потеряны, Токио вспомнил о значении последнего южного оборонительного поста – Иводзимы. Курибаяси был назначен командующим войсками на этом острове и получил приказ превратить его всеми доступными средствами и всеми возможными методами в неприступную крепость и воспрепятствовать тому, чтобы американцы смогли создать там важнейший трамплин для наступления на японскую метрополию.

Тадамити Курибаяси не был по-настоящему доволен результатами своего посещения в Токио, когда он стоял теперь на краю взлетно-посадочной полосы и ждал. Помимо стыда от того, что он должен был смотреть на вражеские самолеты, бомбившие столицу, он чувствовал положение, в котором находилась его родина, в целом постыдным. Здесь нужны герои, думал он, чтобы слава Японии буквально не пропала! Он пытался получить дополнительную тяжелую инже-

нерную технику для Иводзимы, чтобы ускорить последующее усиление защитных позиций. Также потребовалось бы большее количество пушек, затем автоматические винтовки, мины, колючая проволока, цемент и много других технических вспомогательных средств, от освещения до радиолокаторов. В недалеком будущем, так заверяли его, то, что еще имелось в наличии, будет доставлено к нему по морю. То, что еще имелось в наличии!

Курибаяси каждый раз чувствовал неудержимый гнев, когда ему отвечали с такими отговорками. Надо надеяться, что эти бюрократы в генеральном штабе, по крайней мере, помнили о том, что на его острове нет гавани, и послали один из этих специальных кораблей, с которых груз мог быть отправлен на сушу с помощью лихтеров. Отсутствие гавани несло для Иводзимы опасности, так как американская военная авиация, судя по опыту, не стала бы бездейтельно смотреть на то, как остров, который американцы сами хотели захватить, готовился к обороне. Вероятно, разгрузку с лихтерами следовало бы делать ночью...

Адъютант прервал его мысли, когда он, щелкнув каблуками, доложил: – Самолет готов, господин генерал!

Курибаяси кивнул. Он уже увидел «Хамаки», который механики толкали к месту взлета. G4M «Мицубиси», сконструированный, собственно, как бомбардировщик, быстрый двухмоторный самолет, который использовался иногда также как самолет связи. Как весной 1943 года, подумал Курибаяси, когда командующий флотом Исороку Ямамото сел в такой самолет для инспекционного полета 17 апреля на Соломоновых островах. Американцы, вероятно, из радиообмена, который они подслушивали, узнали о полете адмирала. Они отправили эскадрилью истребителей, которые подкараулили его над Бугенвилем и сбили самолет адмирала через несколько минут, хотя наперерез им и бросилось звено истребителей «Зеро».

Горькая потеря, думал Курибаяси, но, вероятно, это была милость для великого старого адмирала, командовавшего многими морскими операциями, от Пёрл-Харбора до Индийского океана, что ему уже не довелось испытать стыд начинающегося поражения.

Курибаяси втиснулся на свое сиденье, застегнул ремень безопасности и дал адъютанту сигнал к вылету.

«Хамаки», снова подумал он, в то время как машина катилась все быстрее и поднялась, наконец, в воздух. Такой же самолет, как тот, на котором летел Ямамото, тогда. Вероятно, это был мой последний визит в Токио. Если приобретенный мною за долгие годы военной службы инстинкт не обманывает меня, то

американцы с их нападением на Иводзиму будут ждать ровно до того момента, пока ситуация на Филиппинах не решится окончательно в их пользу. Тогда они придут. Курибаяси не был суеверен, но он также больше не питал иллюзий. Великолепный план превратить Восточную Азию и большие территории южной части Тихого океана, такие богатые области как Голландскую Ост-Индию, Малайю или Бирму, в сферу доминирования Японии, не осуществился. То, что еще недавно воспевали как «Великую восточноазиатскую сферу совместного процветания», хотя это не было ничем большим, чем несколькими покоренными Японией бывшими колониями других государств, распадалось снова. Попытка объединения мечом, после того, как эти территории были захвачены тоже мечом, потерпела неудачу. Отдельные части находили новых господ. Во всяком случае, с тихоокеанскими островами американцы, вероятно, уже никогда больше не расстанутся.

Все же, вопреки этому малоутешительному пониманию, Курибаяси был полон решимости превратить свой остров в крепость, которая должна будет стоять американцам многих, многих их сыновей, прежде чем они завладеют ею.

Генерал не верил в чудесное действие призывов «Банзай», с которыми его солдаты должны были воодушевлять себя на великие подвиги. Он, в принципе, был трезвым и расчетливым человеком. Победа была бы гарантирована, если бы Япония владела лучшей боевой техникой: более быстрыми самолетами, более сильными танками, новыми орудиями, более современным огнестрельным оружием пехоты – и все это в больших количествах. Но на это больше никак нельзя было рассчитывать. Империя будет сломлена, Курибаяси видел, как это начинается. Всё, что оставалось, было упорное сопротивление, до самого конца. Это было делом чести. И вот на этом и основывались планы Курибаяси. Нет, он сделает все, чтобы американцы дорого заплатили за Иводзиму, если уж это было неизбежно, что остров попадет в их руки!

Пока Курибаяси предавался своим мыслям, на пляже, недалеко от Кацууры, над которым G4M пролетел на еще незначительной высоте, прежде чем он начал круто подниматься над морем, по песку полз человек. Его раздробленная нога причиняла ему сильную боль, и он не был уверен, доберется ли он до ближайшего поселения. Капитан-лейтенанта Микихико Сакамото, когда он выпрыгивал из «Зеро», таранившего бомбардировщик, ударило хвостовым рулем высоты. Он стискивал зубы и полз вперед. Незадолго до прыжка с парашютом он еще успел разглядеть поблизости несколько домов. Если силы не покинут его полностью, то, может быть, он выживет.

Повезло ли ему? Он не знал этого, потому что для него судьба Японии, кажется, была уже решена. Но он продолжал ползти...

Крепость из пепла

Они лежат как раз на полпути между Японией и Марианскими островами, горстка небольших островов, частично крохотные, необитаемые, без растительности, без фауны, порождения давно угасших вулканов: вулканические острова. Только один из них был заселен, на нем жило чуть больше тысячи человек, которые добывали здесь из земли серу для Японии, трудоемкая работа, которую делали вечно грязные, плохо пахнущие рабы.

Немного севернее есть еще один архипелаг, тоже с подобными свойствами: Бонинские острова. Японии вряд ли был какой-то толк от всех этих крохотных клочков суши в море, пока она не начала развиваться в империалистическую державу и не осознала ценность баз для внешнего пояса обороны. Таким образом выбор пал также на Иводзиму, самый большой из вулканических островов. Его форма походила на остро сужающуюся книзу каплю, из-за чего одаренные богатым воображением американцы сравнивали ее с ножкой ягненка. Но таким гротескным, как оно звучит, такое сравнение вовсе не является.

Восемь квадратных километров, преимущественно мертвая, растертая ветрами горная порода лавы и в южной оконечности кратер угасшего вулкана, Сурибати. Конус из неровной, крошащейся горной породы, круто поднимающийся вверх, в дикой уникальности, от которой пытались отвлечь только несколько полуголых баньяновых деревьев у его подножья.

К северу от этого голого конуса земля была в основном плоской, только изредка перемежающаяся отельными холмами. Остров был здесь шириной всего почти 1500 метров, затем начинались пляжи из песка лавы, смешанного с тем, что наносило море. Но изборожденная крохотными холмами равнина не переходила мягко в пляж, а спадала круто, так что каждый, кто приходил с пляжа, должен был преодолеть барьер несколько метров высотой, который как вал проходил параллельно к пляжу.

Для транспортных средств, даже гусеничных машин, было крайне трудно преодолеть это естественное препятствие. Кроме того, японские защитники зарыли в этих отвесных склонах свои минометы, противотанковые пушки и бесчисленные пулеметы «Намбу». Японцы догадывались, что пляжи привлекут противника, когда он начнет наступать, и подготовились к этому. Между пляжами в южной части Иводзимы, находящимися на расстоянии всего полутора километров друг от друга, находился первый, полностью оборудованный аэродром. Хотя его взлетно-посадочные полосы состояли только из утрамбованного песка лавы, но все-таки он был самым большим на острове. В его близости, как и вокруг Сурибати, защитники закопали многочисленные танки, хотя они располагали значи-

тельным количеством распределенных по всему острову, хорошо замаскированных орудий. Эти танки были более современного типа 95 «Ха-Го», выпускавшиеся «Мицубиси», и оснащенные скорострельными 37-мм пушками, частично уже 57-мм пушками, и двумя пулеметами.

Примерно в двух с половиной километрах к северу от первого аэродрома, там, где остров был шире всего, почти пять километров, располагался второй аэродром, тоже с твердыми взлетно-посадочными полосами, и прикрытый бесчисленными небольшими бункерами и огневыми позициями, которые едва ли можно было разглядеть в ставшей теперь скалистой местности. Земля здесь состояла, как и южнее, из толстого слоя песка лавы, в котором легко можно было устраивать укрепления. Зато машины на крупнозернистом грунте двигались с большим трудом, и пешеходы при каждом шаге проваливались до лодыжек.

Иводзима, сфотографированная с американского самолета-разведчика. Взлетно-посадочные полосы аэродромов можно отчетливо разглядеть. В крайней южной оконечности гора Сурибати. Перед восточным берегом воронки от снарядов.

Гряды холмов с их неровными, зазубренными скалистыми краями простирались на чуть больше чем два километра вглубь до северного окончания острова. Они делали территорию непросматриваемой, хотя возвышения были едва ли выше ста метров, смесь рифов, ущелий, оврагов и в некоторых местах отдельных плато. На одном из этих плато должен был появиться третий аэродром, но пока еще все оставалось на стадии первых подготовительных работ. Не хватало тяжелой техники, и Курибаяси во время своего визита в Токио не получил согласия на ее получение.

Скалистые рифы, которые возвышались у северного берега чуть выше, чем на сто метров и заканчивались в изрезанных ущельями утесах над морем, представляли собой странную картину. Эта местность и лежащая на юге гора Сурибати были самыми высокими точками острова. С них можно было просматривать всю местность – для защитников огромное преимущество. Они могли бы наблюдать за наступающими как из галереи, в то время как те с трудом пробирались бы через песок. И в утесах имелись бесчисленные естественные и искусственно устроенные укрытия, стрелковые ячейки, пещеры и крошечные бункеры и похожие убежища, которые были связаны друг с другом длинными системами туннелей. В них хранились оружие и боеприпасы. Также баки с водой были здесь размещены, так как на острове не было питьевой воды. Тот, кто хотел бы здесь во всем разобраться, должен был быть настоящим гением, так как даже строители этой уникальной оборонительной системы едва ли ориентировались там настолько хорошо, чтобы можно было говорить об ориентации. Такой же неполной была статистика о вооружении и оснащении 14 000 солдат армии и 7000 морских пехотинцев, которые должны были защищать Иводзиму. Они были хорошо подготовлены и обучены в обращении со всеми видами вооружения. Их в большинстве случаев очень маленькие, рассчитанные только на двух-трех человек бетонированные убежища были построены настолько умело, что одно могло поддерживать другое, и так по всей площади острова. В бункерах и в отвесных склонах южного побережья, где японские стратеги считали высадку американцев наиболее вероятной, располагалась примерно половина защитников. Другая половина в качестве резерва пряталась в пещерах и туннелях в скалах в центральной части и в северной части острова. Эти туннели служили в спокойное время уже как казармы. Строителями подземных сооружений были опытные саперы, они установили там системы вентиляции и даже подумали о том, что при штурме противник будет использовать огнеметы. Поэтому они оборудовали подступы прямоугольными шлюзами, которые невероятно затрудняли продвижение вперед. Бункеры были построены в большинстве случаев по унифицированной модели. Потолок состоял из, по крайней мере, одного метра железобетона и толстого слоя песка лавы. Это защищало бункеры от почти всех видов легкой и средней артиллерии. В зависимости от величины и цели соответствующего сооружения имелось несколько выходов для каждого бункера.

Такие укрытия были построены не только для солдат, но и для орудий и минометов, даже для временных военных госпиталей – генерал Курибаяси при планировании позаботился обо всем.

Вооружение было, по сравнению с состоянием японской военной промышленности, посредственным. Так пехотинцы не располагали ультрасовременным автоматическим стрелковым оружием, а были в большинстве случаев вооружены старыми магазинными винтовками «Намбу», от примкнутого штыка которой традиционалисты, которые доминировали в армии вплоть до генерального штаба, обещали, однако, дополнительное психологическое воздействие. Представление, которое было абсолютно устаревшим. Хотя в последнее время японцы пытались копировать американскую самозарядную винтовку «Гаранд» М-1, но до сих пор существовало лишь совсем мало ее экземпляров. Японские солдаты не могли прибегнуть к такому технически зрелому оружию, как например, американская автоматическая винтовка Браунинга (BAR) или американский пулемет М-3, так как в этой области японские оружейники не добились прогресса. Было только несколько образцов трофейного оружия, запас патронов для которых, однако, был крайне ограничен.

Зато оснащение минометами было образцовым. Кроме так называемого «коленного миномета», очень легкого, малокалиберного траншейного миномета, был еще 90-мм миномет, и сверхтяжелый 320-мм миномет, воздействие мин которого – как американские солдаты очень хорошо знали – было чудовищным.

(«Коленный миномет» – неправильное, но распространенное в западных странах неформальное «прозвище» японского 50-мм легкого миномета типа 89. Обычно пишут, что этот миномет переносился японскими солдатами прикрепленным ремнем к ноге, отчего сами японцы называли его «ножной миномет». На самом деле, благодаря небольшим размерам миномет мог удобно крепиться к поясу, как холодное оружие. Так или иначе, к несчастью для американских солдат, кто-то из переводчиков неправильно перевел это название на английский язык, обозначив его как «коленный миномет» (*Knee Mortar*). Эта ошибка привела к серии несчастных случаев у солдат, которые пытались использовать трофейные минометы соответственно их названию – упирая в колено. – прим. перев.)

Кроме 47-мм противотанковых пушек с бронебойными снарядами на Иводзиме были размещены гаубицы калибром 120 и 150 мм. Новым оружием были 200-мм неуправляемые ракеты. Чтобы запустить ракету, достаточно было косо закрепленной доски, на которую клалась ракета.

Генерал Курибаяси попробовал все в Токио, чтобы получить траншейные экскаваторы и бульдозеры, чтобы построить еще более глубокие укрытия и как можно быстрее достроить третий аэродром, но получил отказ. Даже его протесты в

генеральном штабе не привели к успеху. Он объяснял собравшимся генералам: «Если я смогу после нападения американцев быстро отремонтировать взлетно-посадочные полосы, то самолеты с крейсирующих далее в западном направлении авианосцев или с Окинавы смогут приземляться у нас, дозаправляться, пополнять запасы боеприпасов, и сразу же взлетать для атак на находящиеся перед островом американские транспорты снабжения. Только таким образом я могу отрезать доставленные на берег американские войска от их снабжения. Мы все знаем, насколько малоэффективно воюют американцы, если они не могут положиться на свое превосходное тыловое обеспечение. Мы могли бы сначала уничтожить их десантный флот, а затем и сами высадившиеся на берег войска».

Его начальники одобрительно кивали, высказывали ему также свое почтение за его умный план, но практически они ничем не могли помочь ему. Больше не было резервов, которые можно было бы мобилизовать для Иводзимы. Вместо этого они проинструктировали его, чтобы он компенсировал недостающую технику и вооружение более высоким боевым духом. Менее дисциплинированный человек, чем Курибаяси в этот момент, конечно, не только покачал бы головой.

Поэтому Тадамити Курибаяси не испытывал особой радости и уверенности, когда он под вечер вылез из кабины «Хамаки» на южном летном поле. Он взглянул на Сурибати, где тени были уже очень длинными. Ничто не шевелилось. Даже ни одно животное не мелькнуло мимо. Таинственное место. Только к северу, на убогой, потрепанной равнине с ее почти смешными холмами время от времени тонкие маленькие столбы дыма. Там скала под слоем песка лавы была пористой, и оттуда выходили пары серы, которые придавали острову свой неповторимый смрад. Чертов остров, думал Курибаяси, но американцы непременно захотят овладеть им. Предпоследний бастион перед Токио! И сам Токио они тоже хотят захватить...

Маленький вездеходный автомобиль привез его напрямик через ухабистые дорожки на север к его штаб-квартире. Она располагалась в одной из скальных башен высотой сто метров на утесах над морем. Здесь он стоял также примерно за одну неделю до высадки американцев на Марианских островах, в полной готовности, как было приказано. Чтобы действовать наверняка, американцы в то время направили маленький флот к Иводзиме, который крейсировал здесь и обстреливал остров. Также несколько бомб было сброшено. Так как Курибаяси благодаря результатам авиаразведки знал, что речь шла только об отвлекающем маневре, он приказал своим солдатам, чтобы они вели себя абсолютно тихо.

Американцы также довольно быстро снова ушли, но перед этим они интенсивно фотографировали остров с воздуха. Двумя месяцами позже, когда Сайпан и Ти-

ниан были уже в руках американцев, и японское сопротивление на Марианских островах ослабло, американцы послали несколько звеньев В-29, которые сбросили свои бомбы над Иводзимой.

Это произошло 9 августа, и долгое время все оставалось на уровне таких проверочных налетов больших самолетов.

Курибаяси снова отреагировал только слабо, чтобы оставить американцев в неведении о фактическом оборонном потенциале острова. Он приказал взлететь нескольким из размещенных на острове истребителей, но ни один самолет не был сбит. Зенитная артиллерия, прежде всего, 20-мм пушки, получила приказ не стрелять.

Но после этой проверочной атаки дислоцированные на Иводзиме бомбардировщики с неравными интервалами взлетали в направлении Марианских островов или Гуама. Беспокоящие авианалеты. Истребители, которые к тому времени расположились на соседнем острове Титидзима, сопровождали их. И когда американцы, в свою очередь, отправляли свои бомбардировщики с Марианских островов на Иводзиму, происходили воздушные бои между их истребителями сопровождения и японскими истребителями. Бомбы падали, но они причиняли только незначительный ущерб. Коммуникации на Иводзиме в случае повреждений могли быть восстановлены за очень короткое время, так как система ремонта функционировала превосходно. Конечно, причиной этого было также то, что многое на острове было импровизацией. Пословица о том, что нет ничего более долговечного и постоянного, чем временная мера, здесь подтверждалась.

До сих пор все это было только предварительными мелкими стычками, думал Курибаяси, но это не продлится долго, и тогда американцы займутся Иводзимой всерьез. Сегодня у них есть 86 000 самолетов в тихоокеанском пространстве. Почти невообразимое число. У нас есть только крохотная доля от этого. Мрачные мысли приходили ему в голову. Тадамити Курибаяси был очень одиноким человеком. Ход войны отрезвил и разочаровал его. Во всей его военной карьере всегда считался правильным тезис о том, что, хотя американцы и обладают абсолютным преимуществом над японцами в военной технике и огневой мощи, но этот недостаток для Японии, можно было компенсировать, даже превзойти традиционным духом преданности воина императору и его безусловным самопожертвованием, которое не только пренебрегало жизнью, но и видело бессмертие в том, чтобы как раз пожертвовать этой жизнью в бою.

В последнее время, под впечатлением процессов на южно-тихоокеанских островах, мнение Курибаяси постепенно изменилось. Он больше не полагался абсолютно на «духовное превосходство». Вместо этого он начал выше оценивать

реальную ценность орудий, самолетов, боеприпасов, систем связи, кораблей и хорошо подготовленных солдат. В Токио он сказал одному своему старому знакомому в генеральном штабе: «Дайте мне корабли, самолеты и войска, и я удержу остров, даже если меня атакует сам дьявол!» Но ему признались, что резервов больше нет, и проинструктировали его, что самопожертвование японских солдат, с одной стороны, в честь императора и отечества, с другой стороны, для уничтожения противника, могло быть использовано, так сказать, как определяющий элемент в конечной фазе войны, чтобы, все же, добиться ее исхода в пользу Японии. И хотя у Курибаяси были серьезные возражения, он, тем не менее, подчинился без протеста.

После своего возвращения он приказал провести собрания, на которых обсуждалась тема самопожертвования ввиду подавляющего перевеса противника, причем, конечно, никто не говорил ни слова о том, что Япония сама целеустремленно подготовила, спровоцировала и начала эту войну. Солдатами раздавались «хатимаки», повязки на лоб с надписью «камикадзе» («божественный ветер»). Войска готовили к самоубийственным атакам с минами, которые нужно было донести до цепей наступающих, снова и снова проповедовалась стойкость перед лицом американской превосходящей боевой мощи.

Мысль о том, что достаточного обеспечения современной боевой техникой могло бы хватить для того, чтобы удержать Иводзиму, хоть и не покинула Курибаяси, но он, в конце концов, все же смирился с судьбой обреченного на гибель героя, имя которого должно было продолжать жить в памяти народа. История знала много таких примеров.

В этом настроении он через несколько дней после своего возвращения из Токио составил свою «Клятву отважных», что-то вроде самообязательства солдат защищать остров до самой смерти. Его шесть торжественных обещаний говорят о том, что он лично все-таки не исключал самопожертвования как средства в предстоящей борьбе.

1. Мы, солдаты Тэнно на Иводзиме не будем беречь себя и отдадим все наши силы, а также нашу жизнь для защиты острова.
2. Мы атакуем вражеские танки подрывными зарядами в наших руках и взорвем их.
3. Мы тайком будем пробираться в тыл врага и так распространим смерть в центре противника.
4. Мы будем убивать врагов каждым залпом, каждым отдельным выстрелом.

5. Каждый из нас чувствует своим святым долгом убить как минимум десять врагов, прежде чем он сам погибнет.
6. Как партизаны мы будем изматывать врага, пока также последний из нас не погибнет.

Надпись на повязках на лбу презирающих смерть воинов происходила из синтоистской мифологии Японии. По древней легенде, которая уходит своими корнями в тринадцатый век, бог ветров Исэ когда-то вмешался, чтобы спасти Японию от вторжения китайцев и монголов под командованием хана Хубилая. Хан приказал сотне тысяч воинов на более чем трех тысячах кораблей отправиться в морской поход в направлении Японии. Они вполне могли бы захватить в то время довольно расколотую внутри страну. Но бог ветров Исэ решил иначе. Он внезапно нанес удар по флоту вторжения в открытом море, разметал корабли ураганом и потопил большинство из них.

Естественно, ураган в действительности не был вызван Исэ, но вера японцев в богов преобразила метеорологическое явление в воздействие высших сил и приписала Исэ неожиданное спасение. С тех пор «божественный ветер» был синонимом для приходящего от Исэ действия, и за много веков слово «камикадзе» стало наименованием чего-то вроде бескорыстной преданности, которая помогала отечеству в час самой большой беды и вместе с тем продолжала традицию Исэ.

Командующий Первым воздушным флотом адмирал Такидзиро Ониси заново оживил старую легенду, когда нужно было защитить Филиппины от ожидающегося наступления американцев. Уже первые воздушные налеты научили Ониси, что он вряд ли смог бы обычными средствами защититься от огромного числа американских самолетов, которые взлетали с авианосцев. На штабном совещании с высокопоставленными офицерами авиации он поэтому также категорически заявил: «Мы больше недостаточно сильны, чтобы побеждать противника в воздухе. Поэтому мы должны позаботиться о том, чтобы он вовсе не смог взлететь со своих авианосцев. Я вижу только единственный эффективный метод. Мы должны встроить 250-килограммовые бомбы в наши самолеты и затем в пикирующем полете, который уже нельзя будет остановить, доставить их к цели».

Тем самым он дал сигнал к новому методу боя, мотивом которого было отчаяние из-за уже непредотвратимого поражения. Легенда о «Божественном ветре» определила конечную фазу авантюры, в которую политики Японии втравили свой народ и армию.

Командир авиагруппы, которого на совещании с Ониси спросили о воздействии, которого мог бы достичь пилот с 250-килограммовой бомбой при попадании в

американский авианосец, считал, что хотя каждое отдельное такое попадание необязательно сразу потопило бы авианосец, но зато оно вывело бы его из строя на довольно долгое время.

Странная смесь из почитания императора, вбитой еще в школе воли к самопожертвованию ради отечества, из ненависти к могущественному противнику и глубоко укорененной веры в мифы привела к тому, что уже через самое короткое время около двух десятков молодых пилотов выразили свое желание участвовать в самоубийственных атаках. Вместе с тем окончательно воскресло понятие «камикадзе», слово, которое определило конечный этап тихоокеанской войны. Начались подготовительные технические работы. Сначала в самолеты для «камикадзе» были переделаны четыре эскадрильи надежных, но уже уступавших современным американским истребителям самолетов «Зеро», одномоторных истребителей с предельной скоростью почти 600 км/ч. Каждый самолет получил, чтобы поддержать мотивирующий мистический элемент, имя из древней японской поэзии.

20 октября 1944 года первые американские части десантировались на восточном берегу филиппинского острова Лейте. В акватории перед островом начался ожесточенный морской бой. Здесь японское руководство впервые и очень неожиданно для американцев бросило в бой своих летчиков-самоубийц.

Американцам понадобится некоторое время, пока они приспособятся к этому методу ведения боя, думал Тадамити Курибаяси, но они не станут вследствие этого менее опасными. Генерал подумал, что это прекрасный вечер, и он попросил своего адъютанта накрыть ему стол под открытым небом, на утесе над морем. Обычай, от которого он никогда не отказывался в течение всего своего срока службы: ужинать под открытым небом, при свете садящегося солнца.

На следующий день в полдень произошел ставший уже почти привычным налет американских бомбардировщиков на остров. Две эскадрильи В-29 с Сайпана. Они сбросили свой груз над южным аэродромом, часть бомб взорвалась на пустошах под Сурибати. Огромные песчаные облака поднялись в воздух, но все это выглядело гораздо опаснее, чем это было в действительности. Песок лавы позаботился о том, чтобы большая часть действия взрывов была безрезультатной. Приказ Курибаяси отвечать только немногочисленными выстрелами, все еще действовал. Истребители на Иводзиме оставались в своих защищенных от осколков укрытиях. В общем и целом, остров с воздуха был похож на уже почти разрушенную базу.

И как раз такое впечатление и хотел создать генерал Курибаяси.

День «Д»

- Маленькая Америка, – с удовольствием констатировал Стив Рид, когда он, сидя на палубе «Рэндольфа», запил армейским лимонадом со льдом хороший глоток нелегального островного рома.

«Рэндольф» был одним из многих новых авианосцев, которые стояли здесь на якоре, одним из быстро переделанных из двухвинтовых пароходов кораблей, которые защищали конвои и с помощью которых ведение войны на море вообще все больше перекладывалось на авиацию, обычный после Мидуэя процесс. Теперь даже ненужные танкеры оборудовались на мощных верфях в Калифорнии полетной палубой и вступали в строй как так называемые эскортные авианосцы. Морская авиация, это доказала битва при Мидуэе в достаточной степени, в точно рассчитанном взаимодействии с флотом стала решающим фактором в этой войне на просторах Тихого океана.

(Ошибка автора. Авианосец CV-15 «Randolph» класса «Эссекс» был не переделанным из другого судна эскортным авианосцем, а тяжелым ударным авианосцем специальной постройки.)

Ведение войны на море пережило существенные изменения. Операции крейсеров, линкоров, подводных лодок и других морских боевых средств не являлись излишним, но современное развитие оружия придало тяжелым артиллерийским кораблям другое значение, чем, например, авианосцам, которые быстро доставляли множество самолетов-торпедоносцев, пикирующих бомбардировщиков и истребителей в районы боевых действий, куда «тяжелые» могли добраться только через много дней. В умной тактической комбинации различных родов войск, при особенном учете самолетов, которые быстро преодолевали большие расстояния в Тихом океане, главный акцент ведения войны подчинялся господствующим здесь масштабам.

- Выглядит скорее, как большая Америка, – заметил Фрэнк Уоллес, сидевший напротив Рида за наскоро сколоченным столом, и добавил: – Если бы кто-то через один день после Пёрл-Харбора сказал бы мне, что мы спустя три года будем почти полностью владеть южным Тихим океаном и всерьез обдумывать высадку в Японии – я только постучал бы пальцем по лбу.

Оба репортера сидели с двумя пилотами на краю полетной палубы и пили. На этом эскортном авианосце они снова встретились с летчиками, уже знакомыми им по прежним операциям. Уже во время довольно скучной, но все-таки содержательной конференции корреспондентов «Yank» на базе Улити им стало ясно,

что потом они отправятся к летчикам. Небольшая разрядка никогда не повредит перед будущими боями.

У «Рэндольфа» были повреждены подъемники, и корабль требовал ремонта. В Улити Соединенные Штаты устроили огромный склад разных военных материалов и снабжения, здесь ремонтировались корабли и самолеты, и располагались исключительно хорошо оснащенные военные госпитали.

Улити относится к островам Палау, самой западной группе Каролинских островов.

Атолл с огромной лагуной. Саперы с помощью взрывов настолько расширили вход в лагуну, что даже авианосцы с большой осадкой могли заходить внутрь. Как это обычно бывает на таких гигантских базах, здесь были также кинотеатры и столовые, так что, в общем, почти все, в чем нуждается солдат для отдыха в коротких перерывах между боями.

За последнее время из Штатов прибыло огромное количество десантных катеров и транспортеров-амфибий. LVT, LCM, LSM – только специалист мог по сокращению понять, доставляли ли они на берег личный состав, грузовики, танки или бульдозеры. Для этих специальных транспортных средств не были нужны никакие гавани, они за несколько часов способны были высадить тысячи солдат и тонн боевой техники на любом побережье. Опыт войны на Тихом океане также был учтен в конструкции этих десантно-высадочных средств, оборудованных в большинстве случаев носовой аппарелью для выгрузки людей и грузов. Они уже хорошо зарекомендовали себя в Атлантике и стягивались теперь в Улити для следующего «прыжка».

Японская авиация больше не осуществляла налеты на Улити. Ситуация здесь была почти как дома в Америке, хотя и было известно, что японцы снова и снова размышляли о том, как они могли бы напасть на этот гигантский оружейный склад США с использованием своих дальних бомбардировщиков, что стало бы сенсационной акцией. Но до сих пор это им не удавалось, так как их дальние бомбардировщики не могли преодолеть такое расстояние.

На атолле все происходило как в огромном грузовом перевалочном порту. Наряду с торпедами и бомбами, авиационными двигателями или противотанковыми пушками здесь разгружались и загружались туалетная вода для волос и сигареты, кетчуп и фруктовые шоколадки, а также ампулы с морфием или инсектициды. Всюду по вечерам горели лампы; музыка висела в воздухе, смешивалась с воем сирен, грохотом заклепочных молотков и каркающими объявлениями по радио для капитанов, бригад сварщиков, адъютантов или генералов.

Иногда между ними вклинивался женский голос, объявлявший результаты футбольных матчей из Нью-Йорка и Чикаго.

Оба репортера приехали – вместе со многими другими своими коллегами – на конференцию редакторов газеты «Yank», так как это почти равнялось отпуску из своего подразделения, и они теперь хотели использовать этот отпуск вплоть до последней минуты перед обратным полетом. В Корпусе морской пехоты репортеры и фотокорреспонденты были прикомандированы соответственно к тому или другому подразделению. Помимо обычного профессионального обучения они проходили еще и обычную подготовку солдата. Главная редакция «Yank», правда, использовала многочисленных фотографов и корреспондентов и для специальных заданий, но большинство фотоснимков и статей поступало от репортеров при воюющих подразделениях. Чтобы организовать теперь поступление репортажей для следующей операции, о которой каждый знал, что это с высокой вероятностью будет высадка на Иводзиму, руководство «Yank» пригласило корреспондентов на Улити и проинформировало их о новых возможностях передачи текстов и фотографий. К этому времени редакция «Yank» создала на Гуаме филиал, который должен был позаботиться о быстрой передаче сообщений и фотографий даже до Соединенных Штатов. Системы дальней связи работали там непрерывно, и для фотографов была возможна передача снимков по радио. Так репортер мог проявить фотографию на Гуаме в хоть и передвижной, но очень эффективной лабораторной установке за очень короткое время и затем попросить передать ее по радио в Сан-Франциско, откуда снимок за несколько часов распространялся по самым удаленным редакциям даже незначительных городских газет. Не только в том, что касалось военной техники или снабжения, Соединенные Штаты развили способности, которые поражали Японию, также в передаче информации американские методы ошеломляли. Когда Иводзима будет атакована, сказал «по секрету» полковник из редакции, тогда даже самая провинциальная газетка, вроде «Hottabooboo-Dispatch» в медвежьем углу Техаса, получит статьи и снимки высадки точно через семнадцать часов.

- Славный результат, – заметил Рид. Но он подразумевал под этим не столько превосходную систему связи, сколько комфорт, который появился здесь со времени его последнего пребывания на Улити.

Один из пилотов принес банки с пивом и весело плюхнул их на стол. Метод разливать пиво в банки был тогда еще на самой ранней стадии развития. Чтобы их открыть, надо было прокалывать крышки, из-за чего человек неизбежно получал фонтан прямо в лицо, если у него отсутствовал необходимый навык. У Уоллеса и Рида этот навык уже был. Собственно, пиво было запрещено на борту, но во время нахождения в порту или на такой базе, как Улити, ни один ко-

мандир не захотел бы терять симпатии своих подчиненных из-за своей излишней строгости. Ходили слухи, например, о том, что какой-то капитан сам вывез того или другого напившегося в стельку солдата из кабачка на своем джипе, привез его на корабль или в казарму, и оставил там, пока тот не протрезвеет – без каких-либо дисциплинарных последствий. Однако, если бы тот же капитан застал того же солдата пьяным или спящим на вахте или в карауле, то он, без сомнения, отдал бы провинившегося под трибунал. Тот, кто служил в морской пехоте, был уже со времен обучения приучен к самым суровым обычаям. Он знал, что в бою он должен был быть вдвое лучше любого другого солдата, но он также мог быть уверенным в том, что при самоотверженном исполнении своих солдатских обязанностей он найдет в своих командирах надежных друзей.

Они пили пиво и наслаждались вечером. Кто-то завел граммофон, и они слушали «Hillbillies». Затем другой принес несколько пластинок, которые он обменял на сигареты, и они слушали свинг Гленна Миллера и замолкли, когда пел Джо Стаффорд. Фрэнк Уоллес первым встал и предложил: – Давайте сходим в столовую медицинских сестер, там некоторые медсестры наверняка сейчас свободны от службы...

- Но завтра утром на восходе солнца быть на аэродроме, ребята, – посоветовал им один из пилотов. – Даже если бы я захотел подождать с взлетом, то это заметят, и тут наши шефы очень своеобразны. Они хотят избавиться от посещения сразу после завтрака.

Другой дал совет: – Не оставляйте следы, если только возможно!

Со следами получилось не очень гладко. Патруль военной полиции нашел Стива Рида в два часа ночи под окнами общежития медсестер из женской вспомогательной службы. Он был настолько пьян, что даже не проснулся, когда военные полицейские бросили его в свой джип. Один проверил его документы: – Он из 5-й дивизии морской пехоты. Должен рано утром лететь на Гуам. Отвезем его к нам в камеру, пусть полежит, пока не протрезвеет?

Командир патруля, чернокожий сержант, снял с Рида бюстгальтер, который тот застегнул поверх форменной рубашки. – Ого, как минимум, восьмой размер...

- Ты в этом деле знаток, – заметил его товарищ. Сержант объяснил, что у него, мол, у тещи как раз такой размер, потом махнул рукой: – Мы отвезем его на аэродром. Ребятам скоро десантироваться в ад, так что не будем строже той дамы, которой принадлежит вот эта штука!

Он повесил предмет нательного белья на куст плюмерии и сел за руль.

Фрэнк Уоллес проснулся рядом с Ридом в уже летящем С-47. Они оба лежали на куче одеял, которые, вероятно, обычно использовались как амортизация для перевозимых грузов. Уоллес мог только лишь вспомнить, что он подсел к нескольким солдатам, которые только что прибыли из Штатов, новые подкрепления для 5-й дивизии морской пехоты. И так как у них нечего было пить, Уоллес учил их, как из туалетной воды для волос с оригинальным именем «Bay Rum», которую можно было найти в любой гарнизонной лавке, и апельсинового сока можно сделать годную для питья микстуру, вызывавшую достаточно сильное опьянение. Эту бурду пили уже на Гуадалканале и Тараве, если японцы снова разбомбили подвоз других напитков.

- Похоже, вчера было многовато, – проворчал Уоллес, когда он заползал в кабину, чтобы попросить у летчиков глоток из их фляжки погасить свой пожар. Затем он снова улегся рядом с Ридом, и так как они оба не проснулись в Гуаме, несмотря на несколько тряскую посадку, летчики просто выкатили их из самолета на взлетно-посадочную полосу.

Сержант военной полиции, который подобрал их на этот раз, был из их собственной части. Он закатывал глаза и орал на них, чтобы они встали. Им обоим удалось встать, и Уоллес, подпирая при этом Рида, объяснял полицейскому в намеренно напыщенно-деловом тоне: – Сержант, дело в том, что это непереносимость такого транспортного средства, как самолет. Это серьезная болезнь. Если бы вы могли подвезти нас к месту расквартирования роты С, 1-го полка, пожалуйста...

Сержант исполнил их пожелание без комментариев. Ему совсем не хотелось везти военных в более высоких званиях в свой участок только из-за опьянения. Слишком часто его уже информировали после этого, что, мол, это было просто переутомление...

С августа по декабрь 1944 года ВВС снова и снова с нерегулярными интервалами подвергали Иводзиму сильным бомбардировкам. В большинстве случаев эти налеты осуществляли В-17, «Летающие крепости», которые уже не считались очень современными, с тех пор как появились бомбардировщики В-24 «Либерейтор» и В-29 «Суперфортресс».

Но из-за относительно незначительного расстояния, которое они должны были преодолевать от Сайпана до Иводзимы, эти самолеты могли полностью использовать свою бомбовую нагрузку, и их было здесь достаточно.

Потери были незначительны, так как генерал Курибаяси не использовал свои зенитные орудия в полной мере. Они молчали, в большинстве случаев хорошо

замаскированные, и ждали решающего дня. Только к концу ноября оборона над островом стала сильнее. С Бонинских островов прилетели «Зеро» и создали проблемы для В-17. Появились первые большие потери.

Так это выглядело, когда бомбардировщики В-29 сбрасывали свой смертоносный груз. Здесь они бомбят Иводзиму перед вторжением.

Затем командование перешло к ковровым бомбардировкам с использованием эскадрилий В-29. Эти налеты начались 8 декабря. Отныне каждый день в полдень появлялось звено В-29 и сбрасывало свои бомбы над островом. Время от времени они попадали в хорошо замаскированные бункеры, но устроенным в скалах пещерам на севере острова они едва ли могли нанести существенный вред, хотя разрывы бомб устраивали адский шум и поднимали настоящие облака осколков в узких утесах. На равнинах они поднимали огромные фонтаны из песка лавы, и иногда облако дымки часами стояло над островом.

Также соединение кораблей под командованием адмирала Аллана Э. Смита одновременно обстреливало Иводзиму, но тоже не добилось большого успеха.

Генерал Курибаяси управлял японской зенитной артиллерией очень осторожно, также в большинстве случаев закопанными и исключительно хорошо замаскированными пушками береговой обороны. Японцы открывали огонь только время

от времени. Они все еще хотели, чтобы их огневые позиции оставались неизвестны противнику.

Также истребительные авиационные группы, которые во время бомбардировок прилетали с расположенных севернее авиабаз на Хахадземе и Титидземе, устраивали в небе над Иводзимой только совсем короткие «гастроли». В большинстве случаев появлялись лишь отдельные самолеты, так что американским истребителям сопровождения, современным самолетам Р-38 «Лайтнинг», отличавшимся двумя хвостовыми балками с кабиной между ними, доставалось немало работы.

Чтобы заставить японцев перейти к более активным действиям, бригадный генерал Хейвуд Хэнселл, командир 21-го бомбардировочного командования, договорился с 4-м командованием морской авиации, чтобы использовать по ночам их бомбардировщики В-25 «Митчелл». Эти двухмоторные самолеты наносили беспокоящие удары не только по самому острову, но и по прилегающей акватории. При этом они довольно существенно мешали морскому снабжению японцев, которое осуществлялось преимущественно по ночам. Они подожгли своими неуправляемыми ракетами «воздух-земля» сорок девять японских судов, большинство из которых затонуло.

24 и 27 декабря корабельное соединение Смита снова примерно в полдень появилось перед островом одновременно с бомбардировщиками. Обстрелы становились сильнее, продолжались дольше часа. Теперь японские батареи береговой обороны стали активнее. Они подожгли один крейсер. Американцы перенесли эту потерю, но решающего успеха снова не было. Комбинированные атаки, вероятно, нанесли Иводзиме какой-то небольшой ущерб, но не имели решающего значения.

1944 год закончился. 1945 год начался, но на американской стороне все еще не было уверенности в том, что десант на остров можно будет осуществить легко. Поэтому бомбардировки продолжались. И теперь на совещании Объединенного комитета начальников штабов было принято окончательное решение: процесс на Филиппинах принимал четкие черты, и высадка на Иводзиму представлялась реализуемой без повышенного риска. Поэтому десант был назначен на 19 февраля, при этом предусмотренные для участия в операции войска сначала не почувствовали в связи с этим ничего особенного, кроме повышенной готовности, запрета увольнений и призыва еще раз отправить почту домой.

Корабли адмирала Смита были усилены линкорами адмирала Оскара Бэджера. То, что они теперь делали круглые сутки вместе с 21-м бомбардировочным командованием и летчиками морской авиации, называлось у них «атаками для

превращения в пыль». С начала февраля действовал новый приказ командования, согласно которому «... каждый имеющийся в распоряжении самолет должен был использоваться против Иводзимы». Теперь ежедневно проводилось до четырех бомбардировок. Остров, кажется, содрогался, но оборона продолжала держаться. Японцы ждали десанта, так как к тому времени адмирал Курибаяси получил по радио сообщение из Токио, что атака на его остров должна была состояться в самое ближайшее время. Адмирал оказался замечательным игроком в покер, и он сберег силы для решающего боя. Питьевую воду еще можно было доставить на берег однажды ночью, также провиант смогли привести еще раз, и запасы боеприпасов пополнились настолько, что они казались неистощимыми.

«Каждый солдат даже под самым сильным обстрелом остается на своем посту. Только когда будет отдан категорический приказ о контратаке, мы впустим врага в ловушку Иводзимы!», так говорилось в последнем приказе Курибаяси перед высадкой американцев. Тремя днями раньше, 16 февраля, началась последняя фаза «превращения в пыль».

Там, где разрывались сорокасантиметровые снаряды корабельных орудий, возникал, исходя из опыта, глубокий кратер, который можно было позже использовать как укрытие. Однако здесь на Иводзиме это было не так. Снаряды шести линкоров, крейсеров и эсминцев, которые три дня кружились вокруг острова и непрерывно стреляли, поднимали облака лавы, которые по прошествии довольно долгого времени снова опускались. И как раз из-за вида грунта на острове после разрывов снарядов оставались всего лишь небольшие углубления в земле. Зато воздух над островом был насыщен пылью; ничего больше нельзя было разглядеть. Самолет-разведчик пролетал над Иводзимой и снимал фильм. В Гуаме из этого киноматериала делали копии. Одна из таких копий была доставлена самолетом связи на движущуюся к тому времени в направлении Токио авианосную ударную группу «Task Force 58». Ею командовал вице-адмирал Марк Митчер, старый вояка, ветеран боевых действий на Тихом океане. Группу сопровождал отряд кораблей сопровождения, и она располагала в целом 1200 самолетами. Адмирал Спрюэнс решил присоединиться к этому внезапному удару по Токио, первой атаке с моря на японскую столицу со времен атаки подполковника Дулиттла в 1942 году на самолетах В-26. Ведь именно Спрюэнс в 1942 году уже принимал участие в защите рейда Дулиттла с группой крейсеров, которой он тогда командовал на «Нортхэмптоне».

(Автор указывает калибр орудий – по немецкой традиции – не в миллиметрах, а в сантиметрах, к тому же округляет, поэтому пишет о 40-см пушках линкоров. На самом деле, среди участвовавших в сражении за Иводзиму американских линкоров большая

часть (более старой постройки) была вооружена 356-мм, меньшая (новые корабли) – 406-мм пушками. – прим. перев.)

Токио должен был как раз к моменту, когда начался бы десант на Иводзиму, быть занят самим собой – отвлекающий удар. Когда в маленьком демонстрационном зале Митчера был показан фильм, снятый с самолета-разведчика, оба опытных морских офицера посмотрели друг на друга. Один ждал реакции другого. Пока Митчер не скривил затем свое морщинистое лицо, как будто от зубной боли, не снял свою вечную кепку для гольфа, и не произнес: – Это самое настоящее пекло. Ребятам там будет куда тяжелее, чем раньше на пальмовых островах. Намного тяжелее...

Спрюэнс осторожно кивнул. Он согласился с Митчером, не в последнюю очередь потому, что он знал, что инстинкт старого лиса обычно правильно оценивает масштаб опасности. – У нас будут потери, как никогда ранее. Но когда первый В-29 взлетит с Иводзимы в сторону Японии, тогда пусть бог пощадит этих мерзавцев!

16 и 17 февраля, за два дня до того, как войска должны были десантироваться на Иводзиму, самолеты с авианосцев Митчера осуществили несколько атак на Токио и промышленные районы на окраине города. В донесениях пилотов говорилось, что авиазаводы, склады, аэродромы и другие объекты были успешно подвергнуты бомбардировке. Но Митчер, как и Спрюэнс, хорошо знал, что эти выборочные бомбардировки ничего не решат. Лишь ковровые бомбардировки могли нанести решающий ущерб Токио с его бесчисленными центрами связи, прежде всего, с многочисленными так называемыми «фабриками на заднем дворе», маленькими и очень маленькими предприятиями. Легкие самолеты авианосцев несли лишь малую долю бомбовой нагрузки, которую мог бы нести В-29. Только стаи больших четырехмоторных бомбардировщиков могли бы добиться решающего ослабления противника в его собственной стране.

Обсуждение перед высадкой: Генерал-майор Клифтон Б. Кэйтс, командир 4-й дивизии морской пехоты (стоит в центре) на оперативном совещании со своим штабом.

Когда Спрюэнс и Митчер начали бомбить Токио, Иводзима лежала в густом тумане, и шел противный холодный дождь. Можно было подумать, что сам бог погоды стал на сторону американцев, так как при такой плохой видимости наблюдатели с земли мало что могли разглядеть.

Шесть преимущественно устаревших линкоров принадлежали к так называемой группе поддержки десанта, которую разместил на позициях контр-адмирал Уильям Блэнди, кроме них там были еще пять крейсеров и большое количество эсминцев, легких кораблей, а также небольших эскортных авианосцев.

К этому моменту бомбардировка острова продолжалась уже 72 дня, теперь она комбинировалась с огнем орудий тяжелых кораблей, достигала апогея. Остров нельзя было разглядеть из-за чада, но также и с острова корабли едва ли можно было рассмотреть. Только вспышки из орудийных стволов выдавали местонахождение противника.

Стив Рид плыл на катере к «Уэйк Айленду», эскортному авианосцу, на котором, как он знал, были некоторые из лучших пилотов авиаразведки. Со многими из них он познакомился во время прежних кампаний, и он знал, что они часто были готовы ему помочь. Он хотел убедить одного из летчиков взять его с собой, чтобы он смог сфотографировать остров под ударами корабельных орудий, ку-

сок дымящейся земли посреди океана. Все же, из этого ничего не вышло. Дэйв Фокс, один из его друзей по прежним боям на островах, пододвинул к нему свою пачку сигарет через стол в столовой и лаконично сказал: – Больше никаких шансов, партнер. Никакие полеты не предусматриваются. Мы ждем только лишь тяжелые «кастрюли» Митчера и большие авианосцы, тогда начнется...

- Я думаю, Митчер своей TF 58 бомбит Токио?

Летчик взглянул на наручные часы. – Они как раз возвращаются сюда. Самым полным ходом. Если ты спросишь меня – мы атакуем, как только они будут здесь. Осталось часов тридцать, может, сорок.

- Но войск для десанта пока еще нет! – возразил Рид. Он помнил о множестве неуклюжих войсковых транспортов амфибийной группы во время других операций. Или они спрятались где-то в дымке? В Гуаме было объяснено, что контр-адмирал Гарри Хилл приведет корабли десантного соединения к острову, а морскими пехотинцами, которые двигались на его кораблях в бой, командовал генерал-майор Гарри Шмидт. Всего три дивизии: 3-я, 4-я и 5-я.

- Они придут, – сообщил ему пилот. – «Гарри & Гарри». Шутники давно окрестили так это предприятие. Они уже в пути. Должны быть здесь приблизительно одновременно с лоханками Митчера. Кстатмити, я могу дать тебе подсказку, для фотографии одного видного деятеля. На каком-то из кораблей «Гарри & Гарри» находится военно-морской министр Джеймс Форрестол. Специально приехал из дому. А постоянный провожатый у него – Холланд Смит, который присматривает за ним и является, между прочим, главнокомандующим всех десантных войск в этом унылом Тихом океане. Что ты дашь за такую подсказку?

- Твою фотографию в кабине с открытым фонарем, – предложил Рид. – Но для этого мне хотелось бы знать, на каком именно корабле плывет Форрестол.

Другой скорчил кислую рожу, он этого не знал. И он утешил себя: – Мои фотографии как героя-летчика уже есть. Вчера тебе стоило бы быть там, там они во время последнего полета над островом, который еще стоил того, сделали мне две дырки в левом крыле. Правда, их уже заклеили.

На корабле резко завывали боевые сирены. Фокс спокойно сказал: – Пойдем со мной на палубу, там самые лучшие места.

- Откуда все еще берутся эти типы, – удивился Рид. – Я думал, что взлетные полосы там уже почти полностью разрушены...

Фокс просветил его: – С Кюсю. Там они кое-что собрали, с тех пор, как мы здесь начали по ним барабанить.

Японское командование действительно чуть больше недели назад разместило на острове Кюсю новую часть камикадзе, под командованием капитан-лейтенанта Муракавы. Она должна была атаковать американские десантные силы перед Иводзимой. Три дюжины машин различных типов с пилотами, которые уже несли на лбу повязку летчиков-самоубийц. Разведка сообщила об этом, и известие быстро распространилось.

Все же, когда Рид и Фокс поднялись на палубу, случилось неожиданное. Был подан сигнал об отмене тревоги. Ошибка. Воздействие снаряда.

- Воздействие снаряда? – Рид был настроен скептически. Но один из моряков указал на огненный шар, который можно было рассмотреть сквозь дымку. Пока Рид заряжал свою камеру «Speed Graphic», так как, вероятно, стоило запечатлеть эту призрачную сцену, огненный шар над темным объектом, который медленно приближался сквозь дымку, матрос закричал: – «Пенсакола»!

Его голос едва ли мог перекрыть грохот корабельных орудий, которые продолжали из тумана вести свой огонь по острову.

- Меня это тоже удивило бы. При молочном супе такого рода даже японцы летают очень неохотно, – заметил Фокс. Это, пожалуй, было артиллерийское попадание. Рид сделал первый снимок. Он процедил сквозь зубы: – Тебя, похоже, тоже уже больше ничем не проймешь, да?

- Только лишь редко, – признался Фокс.

В «Пенсаколу» попал тяжелый снаряд японской береговой артиллерии. Но командир крейсера Лоуи сохранял спокойствие. Он приказал кораблю отклониться в сторону от боевого порядка, пока пожарная команда отчаянно боролась с огнем в трюме для боеприпасов. Для Лоуи это был четвертый год на тяжелом крейсере. Он командовал им уже в дни Пёрл-Харбора; к его счастью он находился тогда не в порту на Оаху, как остальной флот, а направлялся к Филиппинам; он сопровождал войсковые транспорты. Когда ему сообщили, что пожары локализованы, так что катастрофы больше не нужно опасаться, он вздохнул. До Улити было далеко, но они там ремонтировали быстро – и борьба за Иводзиму продлится дольше, чем ремонт крейсера в лагуне там на юге. Он своевременно вернется обратно с «Пенсаколой».

Когда он проводил свой тяжелый крейсер, у которого была огромная дыра в кормовой палубе, мимо «Невады», он приказал просигналить: «Короткий пере-рыв в развлечении – скоро вернусь!»

В отличие от «Пенсаколы», «Невада» в момент японского нападения находилась в Пёрл-Харборе, а именно в так называемом «Battleship Row», ряду линко-ров, которые становились на якорь на восточной стороне острова Форд. Рядом с ней в акватории порта находились «Аризона», «Теннесси», «Уэст Вирджиния», «Оклахома» и «Мэриленд». Первые попадания линкор получил от пикирующих бомбардировщиков, но его экипаж открыл ответный огонь. В паузе между пер-вой и второй волной нападающих японцев командир быстро принял решение поднять якоря и попробовал выскользнуть из акватории порта, которая пред-ставлялась ему смертельной ловушкой. Он действительно прошел мимо горящих однотипных кораблей почти к самому выходу из бухты возле полуострова Вай-пио, где в плавучем доке находился эсминец «Шоу». Здесь в линкор снова по-пали, и на этот раз он пострадал сильнее. Горизонтальные бомбардировщики добились нескольких попаданий на баке и у мостика. Корабль сразу охватили пожары. Он потерял управление и сел на мель поблизости от «Шоу». Но его пушки все еще стреляли. Когда японские пилоты улетели прочь, «Неваде», не-смотря на тяжелые повреждения, и все еще горячей, удалось сняться с мели. Но пробоина была слишком велика, и корабль становился все более неуправля-емым. Чтобы спасти линкор от гибели, командир посадил его на мель непосред-ственно перед полуостровом Вайпио.

После ремонта «Невада» успешно действовала во многих боях. Экипаж был пол-лон энтузиазма расплатиться с японцами за нападение на Пёрл-Харбор. Неред-ко артиллеристы на 40-сантиметровых снарядах, которые выстреливались из трехорудийных башен, писали мелом лозунги: «Лично для Тодзио!» или «На память о Пёрле!» Также теперь, когда поврежденная «Пенсакола» отправилась в далекий путь к Улити, «Невада» выпускала по Иводзиме один залп за другим.

(Главный калибр линко-ров класса «Невада» был 356 мм. – прим. перев.)

Митчер и Спрюэнс после своей атаки на Токио еще 17 февраля легли на обрат-ный курс в направлении Иводзимы. Они не знали точно об успехе своей акции, но истинная ее цель все равно состояла в психологическом воздействии. Каж-дый должен был увидеть: Япония из опьяненного успехом охотника преврати-лась в дичь.

Еще прежде чем Митчер и Спрюэнс с «Task Force 58» прошли более тысячи ки-лометров до Иводзимы, Фрэнк Уоллес на эсминце сопровождения наблюдал за тем, как люди в темных резиновых костюмах, оснащенных различными устрой-

ствами, садились в маленькие лодки, которые должны были высадить их непосредственно перед восточным берегом Иводзимы: боевые пловцы. Подразделение, которое приобрело значение только во время «прыжков на островах» в Тихом океане и добилось при этом успехов.

Штабы долго пророчествовали о возможных минных полях перед Иводзимой, которые могли бы существенно помешать десанту. Много аэрофотоснимков было сделано с небольшой высоты, даже инфракрасная пленка, о которой никто по-настоящему не знал, принесет ли она в этом случае результаты, была использована. Без успеха. Предположение, что японцы заминировали воды перед островом, напрашивалось само собой. Но ничего точно не было известно, и иногда уже оказывалось так, что, все же, японцы не заминировали тот или другой остров. Поэтому теперь использовали боевых пловцов, чтобы еще раз проверить самое важное для высадки на берег прибрежное мелководье.

Фрэнк Уоллес говорил с некоторыми из них, спрашивал об их ощущениях перед такой акцией. В большинстве случаев боевые пловцы просили его только передать привет родным. Само боевое использование не было для них новым. Они знали опасности, и они не любили об этом говорить.

- Когда мы вернемся, то мы расскажем тебе, как это было, – предложил ему один петти-офицер. – Тогда нам, по крайней мере, будет что рассказать.

Уоллес делал свои заметки и наблюдал затем, как боевые пловцы садились в лодки. Откуда-то появилось несколько десантных катеров LCI, которые были вооружены скорострельными пушками и должны были прикрывать пловцов своим огнем. После того, как они исчезли в тумане, Уоллесу пришлось более часа ждать у борта эсминца сопровождения, пока внезапно из района действий боевых пловцов не донесся шум боя. Сразу после этого эсминец и целый ряд других кораблей открыли огонь по побережью. Между кораблями разрывались первые тяжелые снаряды японской береговой артиллерии. Уоллес знал, что это еще не был десант, но, все же, японцы на Иводзиме, кажется, стали, наконец, нервничать. И он не обманывался.

Когда японские наблюдатели через чуть менее густой поблизости от побережья туман увидели низкие десантные катера LCI, которые до сих пор участвовали в каждой высадке десанта американцев, они действительно предположили, что десантная операция началась.

Даже Курибаяси был сбит с толку. Он отдал береговым батареям на востоке острова приказ открыть огонь. Они смогли потопить один катер огневой поддержки LCI прямым попаданием и повредить несколько других. Но тогда тяже-

лые орудия «Невады» сразу снова вступили в дело. Расположение батарей на суше было определено, пока они стреляли. И теперь американские корабли стреляли в ответ.

Как можно скорее Курибаяси приказал пушкам снова спрятаться на своих позициях, которые состояли из прочных бетонных укрытий, и пока смогли выдерживать огонь американцев. Генерал был рассержен из-за того, что позволил себя дезориентировать. Для него все еще было важно беречь орудия. Они должны были заговорить только в том случае, если нападение действительно начнется. И вот он допустил непростительную ошибку.

Между тем боевые пловцы уже подплывали к побережью. Рифов здесь не было, это облегчало поиск мин. На атоллах далее на юге японцы иногда заваливали все коралловые рифы, через которые должны были двигаться десантные катера, взрывчаткой и в решающее мгновение подрывали их с суши. Здесь ничего такого не было найдено. Только песок лавы, который волны превратили в курьезные узоры. Время от времени несколько обломков, выброшенные консервные банки, которыми играли волны. Ни одной мины.

Уоллес не хотел верить тому, что сообщили возвратившиеся пловцы. Но сколько он ни спрашивал, ответом ему было только отрицательное покачивание головой. Кто-то попросил Уоллеса, чтобы тот передал привет его родителям. Он, пожалуй, думал, что репортер мог каким-то волшебным образом, наверное, уже на следующий день оказаться в Штатах. Любоваться красиво одетыми девушками, угощать их мороженым.

– А где живут родители? – поинтересовался Уоллес, записывая имя пловца. Детали такого рода иногда были полезны для репортажей и хорошо воспринимались читателями.

- В Пенсаколе, – пробормотал пловец и жадно затянулся первой сигаретой после многочасового перерыва. – Так же, как корыто, которое только что проковыляло прочь. Мне и самому очень хотелось бы оказаться там. В Пенсаколе или там, куда этот корабль идет для ремонта...

Уоллес усмехнулся. После войны на очереди также опять Флорида, подумал он. Пенсакола. В заливе. Нужно уже позволить себе пожить, там...

Десантные войска с тремя дивизиями морской пехоты под командованием генерал-майора Гарри Шмидта прибыли к Иводзиме лишь немного раньше, чем «Task Force 58», и оба репортера попросили доставить их на катере к своему подразделению.

Уоллес первым узнал, что высадутся по два полка 4-й и 5-й дивизий, в то время как 3-я дивизия и по одному полку из 4-й и 5-й дивизий должны будут оставаться в нескольких километрах к востоку от острова в полной готовности. Его командир роты, капитан Тиммерманс, урожденный голландец, который, однако, к началу войны прослужил уже шесть лет в морской пехоте, сообщил ему об этом. Худой мужчина с короткими белокурыми волосами ежиком нервно курил одну сигарету за другой, объясняя при этом репортеру, где именно они сойдут на берег. Он на своей карте уже все отметил и информировал Уоллеса, как он поступал также во время прошлых боев, чтобы репортер знал, что к чему.

- Юго-восточный кончик острова. На самом узком месте. Всего один километр до противоположного побережья. Но это очень опасный километр. Бункер на бункере; большинство из них исправно. Я думаю, разведка еще даже не обнаружила их все. К тому же этот естественный вал, в ста метрах за пляжем, где местность внезапно поднимается вверх почти вертикально.

Он провел пальцем по карте вдоль берега на самом южном месте пальцем: – Beach Green, пляж «Зеленый», затем пляж «Красный» – Beach Red. Это наш участок. Совсем на юге, на «Зеленом» 28-й полк, к северу оттуда, на «Красном» – 27-й.

- Направление? – осведомился Уоллес. Рид присоединился к ним. Ему хотелось, как всегда, поработать вместе с Уоллесом и при этом сделать как можно больше фотографий.

- Общее направление на запад, – объяснил Тиммерманс. – Мы выделим по одному батальону почти на 500 метрах. В целом восемь батальонов для первого удара. Мы попытаемся силами двух батальонов пробиться к северу от горы Сурибати к противоположному берегу и отражать контратаки японцев с северного направления...

У северной соседней части была подобная задача, а именно удар на западное побережье. Затем, однако, она должна была повернуть и продвигаться вдоль берега на север.

- Следовательно, мы единственные, кто будет наступать на юг, к этому остывшему вулкану?

Рид посмотрел на карту и проворчал: – Конус с кратером высотой всего сто метров.

Тиммерманс поправил: – Сто шестьдесят девять.

- И вот туда надо будет взбираться?

- И вот туда надо будет взбираться, – подтвердил Тиммерманс.

- Когда мы высаживаемся?

- Ранним утром. В 8.30 размещаемся по катерам.

Он о чем-то вспомнил. Затем обратился к Риду: – У вас достаточно материала при себе, пленки и всего, что нужно?

- На несколько дней хватит.

- Вашу линию связи вы знаете. Только в первые дни будет тяжело добираться до транспорта снабжения, со всей этой суетой на пляже. Вы и сами это знаете. И япошки будут стрелять по пляжу, из всех своих стволов.

- Если у них еще есть стволы, – заметил Уоллес сухо.

- У меня хороший запас, – заверил Рид капитана. Он посмотрел на несколько аэрофотоснимков кратера. Пробормотал настолько тихо, что, собственно, командир роты не должен был услышать: – Скалы. Голые, как задница у шлюхи, вот такая штука!

Но у Тиммерманса был хороший слух. – Да еще и с оспинами и язвами из бетона. Посмотрите повнимательнее, а затем ложитесь на циновку и поспите несколько часов, пока не начнется.

Уоллес и Рид сыграли еще партию в покер, так как на корабле был один корреспондент, который получал большее жалование, чем они – он был от «Ассошиэйтед Пресс», и в его сопровождении находился фотограф, с которого тоже хорошо можно было бы содрать деньги: Джо Розенталь. Он прибыл прямо из Австралии, из райской местности, о которой мечтал каждый солдат на транспорте: солнечные, мирные пляжи, пиво и – девочки!

Розенталь и Джордж Уайт из «АП» проиграли двузначную сумму в долларах. Только незадолго до полуночи они закончили игру. Тут и там у поручней стояли солдаты и задумчиво смотрели на ночную черную воду. Некоторые сидели вокруг тусклых коптилок и писали домой. Последнее письмо, вероятно.

Пляж Иводзимы в первые минуты высадки. Вокруг лежит разная техника и оружие, между ними трупы солдат, на заднем плане подошедшие к берегу десантные катера.

19 февраля 1944 года на восходе солнца начали грохотать корабельные орудия, каждый калибр был представлен, от огромных 406-мм орудий до 20-мм автоматических пушек. Полтора часа снаряды распахивали черный песок на Иводзиме, насыпали валы, разрушали бетонированные укрытия и более легкие позиции.

Марк Митчер приказал ста боевым самолетам с его авианосцев присоединиться к обстрелу. Наряду с фугасными бомбами они сбрасывали канистры с новым зажигательным веществом, загущенным до желеобразного состояния керосином, который на время превращал целые участки пляжа в море огня. Ракеты и бортовое оружие, примененные самолетами, дополняли хаос на острове. Там, где были попадания, едва ли мог остаться противник. По меньшей мере, так думали некоторые из американцев.

Уоллес, который наблюдал за берегом в бинокль, заметил: – Там никто больше не мог бы остаться в живых!

Но, собственно, он лучше знал это, как и капитан Тиммерманс, Рид и многие другие. Предыдущие бои за тихоокеанские острова показали, что основная

нагрузка лежала на пехотинцах. Несмотря на самые большие усилия авиации и корабельной артиллерии, именно пехотинцы должны были с большим трудом завоевывать на суше каждую воронку от снаряда в отдельности. Сопротивление японцев нельзя было бы сломить 90 минутами ураганного огня. Они выползут из своих дыр и начнут стрелять.

Здесь, вероятно, мы и умрем, на этом клочке вулканического песка, думал Уоллес. На этой войне репортер рисковал жизнью не меньше, чем обычный солдат. Вероятно, поэтому ему также давали оружие и обучали, как любого другого солдата.

Восемьсот кораблей стояли перед Иводзимой. Тяжелые линкоры, такие как «Нью-Йорк», «Арканзас», «Теннесси», «Техас», «Айдахо» и «Невада». Но также и крейсера, эсминцы, фрегаты и тральщики – все они стреляли. Истребители-перехватчики кружились над авианосцами. Самолеты-разведчики летали в облаках дымки над островом и передавали по радио на линкоры сведения о расположении стреляющих теперь время от времени японских орудий. В море вокруг кораблей десантного соединения взрывались снаряды. Тут и там они попадали в корабли. Свет от пожаров, дым, спасающиеся за борт солдаты.

Командиры рот схватились за свои свистки: «По катерам! В атаку!»

День «Д» на аэрофотоснимке. Десантные катера,двигающиеся к берегу Иводзimy, оставляют в море за собой пенные следы.

В 8.30 первые десантные катера отошли от транспортов. Пятьсот катеров доставили на берег первую волну солдат; восемь батальонов пехоты, 68 танков-амфибий, специальные катера с грузовиками, бульдозерами и боеприпасами. К ним добавлялись LVT, бронированные гусеничные транспортеры-амфибии, вооруженные 75-мм гаубицами, которые стреляли еще до прибытия на берег.

Солдаты цеплялись за высокие борта десантных катеров. Некоторые молились. Другие ругались. Поспешно курили последнюю сигарету, гладили талисман. Также Уоллес прижимался к стальному борту, рядом с ним Рид, держащий наготове свою камеру на груди, как пехотинцы держали свои винтовки «Гаранд». Один, который нес огнемет, утешал своего несколько более боязливого товарища: – Эти «чемоданы» из сорокасантиметровых корабельных орудий весят столько же, сколько автомобиль!

И другой ответил, глядя на небо: – Целая куча «Бьюиков» взрывается сейчас там на острове!

Этим утром, когда туман рассеялся, солдаты впервые отчетливо разглядели побережье. После ветреной и дождливой погоды последних дней, это было ясное утро, прямо-таки настраивающее на веселое настроение. Лишь за шесть часов до атаки небо окончательно прояснилось. Шторм утих, появилось солнце – один из тех удивительных дней, которые окрыляют все жизненные силы. Море было таким же спокойным, как пруд для уток.

Генерал Гарри Шмидт, командир Пятого десантного корпуса, который командовал высадкой, весело подшучивал над офицерами своего штаба: – До сих пор мы всегда хватали обезьяну за хвост и дергали за него – теперь мы ей окончательно отрежем эту штуку!

Прибой был слабым, идеально подходящим для высадки. Было девять часов утра, когда первые танки-амфибии устремились на пляж, стальные чудовища, с бортов которых стекала морская вода. И там хоть и был противник, который стрелял из винтовок и так называемых «коленных минометов», легкий огонь, но артиллерия крупного калибра почти полностью молчала. Также между десантными катерами только редко иногда поднимался с шипением вверх фонтан воды, вызванный японским снарядом. Один из бронированных катеров взорвался из-за случайного попадания. Люди закружились по воздуху. Кровь в воде. Но где было тяжелое оружие противника? Отвел ли он его назад? Или его больше не было?

Самолеты-штурмовики ревели сюда, чтобы подавить предположительно последних японцев на суше. Первые бронированные амфибии «Amphtrack» со скреже-

том выползли из воды на песок лавы, открыли свои аппарели, и морпехи выскочили из них.

Фрэнк Уоллес одним огромным прыжком оказался в выемке, которую, вероятно, устроил взорвавшийся в песке снаряд. Недалеко от него полз вперед Стив Рид, затем повернулся и поднял камеру. Первая фотография: бегущие из десантных катеров согнувшиеся фигуры, увешанные оружием и снаряжением. Дальше на море приближающиеся катера, транспортеры «Amphtrack», танки-амфибии, и на переднем плане первый погибший американский солдат. Он лежал на спине, его винтовка поперек груди, раскинув руки, одна ладонь, согнутая, поднята вверх. Борьба за остров началась.

Камикадзе

«Гинга» («Млечный Путь») был самолетом нового поколения, бомбардировщиком с двумя звездообразными двигателями, разработанным в 1940 году с использованием новейших технологий на военной верфи Йокосука. Даже на высоте примерно 6000 метров и при полной нагрузке этот самолет мог лететь со скоростью 550 км/ч.

Полная нагрузка, это могли быть 1000 кг бомб и дополнительно одна торпеда весом тоже примерно 1000 кг или две торпеды, или также 2000 кг бомб. Если можно было сэкономить на бортовом оружии и боеприпасах для него, то и бомбовая нагрузка могла соответствующим образом даже еще больше возрасти.

Этот хорошо продуманный, солидно сконструированный самолет производился фирмой «Накадзима» в двух вариантах, которые делали возможной для него как горизонтальную бомбардировку, так и использование в роли пикирующего бомбардировщика, без существенного переоснащения. Также опытная в авиастроении фирма «Каваниси» производила даже вариант ночного истребителя «Гинга» с двумя косо стреляющими вперед и вверх 20-мм пушками.

«Гинга» был принят на вооружение осенью 1943 года, к моменту, когда для японской военной авиации сухопутного базирования, собственно, было уже слишком поздно выполнять какие-то другие задачи, кроме защиты собственной страны. И теперь, в начале 1945 года, оперативные возможности для японских бомбардировщиков сухопутного базирования, какими бы хорошими они ни были с технической точки зрения, сократились настолько, что офицеры искали новые варианты их использования. Одним из этих вариантов было применение в качестве самолета самоубийц. Американские авианосцы и линкоры, по мнению наивысших правительственных кругов, оправдывали такое использование со-

временных двухмоторных самолетов. О смерти пилота, которая была неизбежно связана с этим, едва ли говорили. Людей, которые не могли дождаться того, что наденут на лоб повязку летчиков-смертников, оказалось намного больше, чем предполагали скептики.

Уже 11 февраля командование из стратегических соображений начало создание нового воздушного флота на Кюсю, самом южном большом острове японской метрополии. Японцы хотели испробовать все возможности, чтобы предотвратить продвижение американских войск в направлении Японии. Южный Тихий океан был практически потерян, дела в Бирме обстояли плохо, и на Филиппинах, пожалуй, скоро тоже пришлось бы спустить флаг. Когда будут утрачены Зондские острова, было только вопросом времени. Все указывало на то, что американцы направят свои возросшие до гигантских масштабов силы на море и в воздухе против самой Японии. Уже в недалеком будущем нужно было считаться с новой десантной операцией. При этом авианосцы играли бы доминирующую роль. Чтобы отразить ожидающиеся десанты, такова была теория штабистов, нужно было уничтожить корабли противника, причем как можно дальше в море. Логика, в которой что-то было. Однако отдельные попадания авиабомб не потопили бы тяжелые корабли, а привели бы в лучшем случае к их более продолжительному ремонту. А к тому времени Америка располагала уже слишком большим числом кораблей, чтобы не компенсировать эти временные потери. Нужно было применить более эффективные методы. В конечном счете, эти соображения привели к рождению эскадрильи «камикадзе» на Кюсю.

По мнению военных, наибольшей угрозе подвергалась Иводзима, а затем Окинава. После них самый южный остров Кюсю. Поэтому там в первую очередь нужно было обо всем позаботиться заранее.

За один день до ожидаемого нападения на Иводзиму, утром, которое было дождливым и туманным также на Кюсю, адмирал Кимпей Тераока, человек с опытом войны в Китае и на Филиппинах, приземлился на Каторе, одном из новых аэродромов около Нагасаки. Полный надежды, он спустился по маленькому трапу, где его ожидали несколько офицеров военно-морской авиации.

При приветствии он дольше задержался у капитана первого ранга Риити Сугиямы, известного всей Японии успешного боевого летчика, который командовал 601-й авиагруппой дислоцировавшегося на Кюсю Пятого императорского воздушного флота.

- Я рад, что могу сообщить вам, господин адмирал, что новая часть презирающих смерть летчиков, которую мы сформировали согласно вашему приказу, готова к бою, – сказал он, приставив ладонь к фуражке. Адмирал приветливо по-

смотрел на него и с улыбкой ответил на приветствие: – Вы докладываете о готовности к боевому использованию, капитан?

Когда Сугияма подтвердил это, адмирал сделал небольшой и чопорный поклон, чтобы выразить свое глубокое уважение за хорошую работу, и затем он проворчал: – Спасибо. Я хотел бы посмотреть на людей и на самолеты...

Они были готовы, когда он несколько позже зашел в отдельную, не для всех доступную часть аэродрома: 32 самолета и их пилоты-смертники, украшенные повязками на лбу. Один из них вышел вперед, еще очень молодой, крепкий мужчина, и представился: – Капитан-лейтенант Муракава, командир 2-й эскадрильи специальной части для защиты родины. Личный состав и техника готовы к бою!

Адмирал поблагодарил и выслушал привычный возглас «Банзай» в честь императора. Голоса летчиков, как показалось ему, прозвучали несколько слабо, но зато национальный гимн «Kimi Ga Yo», который заиграл оркестр базы после его обращения, показался ему более энергичным. Затем он удалился с Сугиямой и капитан-лейтенантом Муракавой в одно из штабных помещений, чтобы согласовать последние детали перед боевым приказом.

- Кроме «Тэндзанов» производства «Накадзимы», мы в большинстве случаев летаем на «Гинга», -разъяснял Муракава. – Мы кое в чем изменили этот замечательный двухмоторный бомбардировщик, чтобы добиться самых лучших результатов...

С самолетов было снято все не жизненно необходимое оснащение, чтобы они с наибольшей бомбовой нагрузкой могли долететь до Иводзимы. Дополнительная зажигательная жидкость еще больше должна была усилить воздействие.

- У нас, – объяснял Муракава, – объем баков достаточен только для того, чтобы долететь точно до Хадзикадзимы. Там надо еще раз дозаправиться. Это гарантирует нам полет до Иводзимы, господин адмирал.

- Без возврата?

- Без возврата, – подтвердил летчик.

Адмирал удовлетворенно кивнул. Он еще что-то произнес о похвальном мужестве и презрении к смерти молодых сыновей Тэнно, что обычно говорили при таких случаях, затем он задал вопрос о точной бомбовой нагрузке «Гинга».

Муракава постарался подготовить модель самолета, чтобы разъяснить высокому гостю, что летчики не боялись риска, используя грузоподъемность машин буквально до последнего грамма. Даже бортовое оружие было снято, вследствие чего первоначальная полезная нагрузка в 2000 кг увеличилась более чем в два раза. Тысяча килограммов взрывчатого вещества в бомбовом люке, затем по одной бомбе того же веса в отсеке шасси, несколько небольших бомб на узлах подвески под крыльями, и все внутреннее пространство настолько заполнено контейнерами с зажигательной жидкостью, что больше почти не оставалось свободного места.

- И никакой стюардессы? – пошутил адмирал.

- Никакой стюардессы, – серьезным тоном подтвердил летчик. – Для полной надежности взлета мы удлинили взлетные полосы здесь и на Хадзикадзиме, так что перегруженные машины смогут взлетать без проблем.

Адмирал был доволен. Перед летчиками он затем снова заговорил о большой опасности для Иводзимы, которая однажды может возникнуть также для Окинавы и позже для всей метрополии, если только не будет таких людей, как они, которые, верные клятве императору, не позволят чужеземным варварам даже одной ногой ступить на священную землю метрополии. Он осматривал места расквартирования и носовые кабины самолетов и пожимал много рук. Никогда такое не случалось раньше, только теперь, когда это рукопожатие было равносильно прощанию навсегда. Наконец, он подошел к самолету командира эскадрильи Муракавы и взял кисточку для письма, которую адъютант подал ему. Изящным почерком он нарисовал «хайку» на фюзеляже рядом с посадочным люком, одно из тех традиционных состоящих из семнадцати букв стихотворений, которое повествовало о цветах вишни весной, которые жертвуют своей красотой, о магнолиях, символах чистоты и мужества. Адмирал Тераока знал, что он обязан был что-то сделать для молодых летчиков-смертников, чтобы дать им ощущение того, что они – что-то особенное, герои, которых нация будет почитать в своих памятных ларцах.

Следующим утром американцы высадились на восточном берегу Иводзимы. Спустя два дня эскадрилью Муракавы разбудили раньше обычного. Пилоты собрались на торжественный завтрак. Мысль о том, что им осталось жить лишь несколько часов, кажется, не огорчала их, хотя большинство летчиков вело себя тише, чем обычно. Отечество, император призывали их. Убежденность в том, что они должны защитить драгоценные традиции от пошлого модернизма и отдать за это свою жизнь, еще сегодня, кажется, было сильнее страха или разума.

Они вместе выпили свою последнюю чашечку саке, затем двинулись к своим машинам. Техники из наземного обслуживающего персонала махали им на прощание. Капитан первого ранга Сугияма, командир авиационной группы, благоговейно приставил руку к козырьку, когда самолет Муракавы с «хайку» адмирала на фюзеляже проехал на старт мимо него.

В полдень они заправились на Хадзикидзуме, крохотном островке из цепи Рюкю, превращенном в аэродром подскока. Здесь было только несколько низких барачков и взлетно-посадочная полоса. Спустя несколько часов, незадолго до 17.00, эскадрилья подлетела к острову Иводзима, за который уже шли жестокие бои. Капитан-лейтенант Муракава напрягал глаза, чтобы разглядеть остров через туман и обрывки облаков. Или корабли. По его расчетам до цели оставалось лишь несколько минут. Он медлил с приказом переходить на меньшую высоту. Бывалые летчики заверяли, что противника легче всего можно застать врасплох, если подлетать очень высоко. Также радиолокаторы, как говорят, у американцев часто не функционировали достаточно точно, если самолеты двигались на большой высоте. Разумеется, раздавались также голоса, которые считали все это просто попытками приободрить людей, и говорили, что лучше всего было бы не питать иллюзий о техническом совершенстве американских радаров.

Один пилот в летящей на левом фланге эскадрильи машине был первым, кто увидел через дыру в облаках корабли, а также остров. Эскадрилья находилась довольно точно над целью. С этого момента, таков был принцип таких атак, каждый летчик получал свободу действий и был обязан сделать все, что он мог, для уничтожения противника. Смерть была, так сказать, печатью успеха.

- В атаку! – прокричал Муракава в радиопереговорное устройство.

После короткой паузы, когда и он точнее смог рассмотреть корабли, которые группировались вокруг острова, окруженные пороховым дымом от своей корабельной артиллерии, из которого теперь тянулись вверх трассирующие следы очередей легкой зенитной артиллерии, командир эскадрильи знал, что противник заметил их. Теперь оставалось только лишь отчаянное пикирование на цели.

Муракава считал, что узнал авианосец по размеру палубы. Он до предела двинул вперед ручку управления. Нос «Гинга» склонился в пикирующий полет, которому больше не смогли бы помешать также подскочившие сюда из своего кругового полета вражеские истребители. Даже подожженный ими самолет все равно продолжал бы пикировать в том же направлении, которое он начал раньше.

Муракава на мгновение удивился самому себе. Он не чувствовал страха. Осталось одно лишь честолюбие – попасть в этот авианосец. Поджечь его, заставить погибнуть. Сделать так, чтобы он разорвался на куски. Что такое его собственная смерть в сравнении с этим? Если даже страх и был в нем, то только совсем крохотный, как слабый голосок, который заглушался визгом моторов.

И затем прозвучал возглас Муракавы в радиопереговорном устройстве: «Банзай!» Призыв ликования, который предназначался императору. Он заглушил любую другую мысль.

Марк Митчер затушил сигарету, которую он только что зажег. День клонился к закату, через час опустится темнота, и тогда, по крайней мере, можно будет уже не опасаться налетов авиации. Ночью японцы едва ли прилетели бы из-за больших расстояний. Слабое утешение, если подумать о подводных лодках противника, которые могли бы учуять здесь, перед Иводзимой, богатую добычу.

На экране корабельного радара появились самолеты. Митчер схватил бинокль. Пасмурная, дождливая погода могла сделать показания локатора ненадежными, но Митчер не хотел полагаться на такую возможность. Его боевой опыт с японцами научил его всегда считаться с неожиданностями. На всякий случай он приказал поднять тревогу не только на кораблях его TF 58; всюду на тяжелых и легких кораблях вокруг острова ревели бортовые сирены.

«Лексингтон», флагманский корабль Митчера, первым открыл огонь, когда атакующие самолеты появились из облаков. Зенитчики Митчера были известны своей быстрой реакцией и своим хладнокровием. И Митчер также отдал истребителям-перехватчикам, которые кружились над кораблями, приказ пока оставаться на большой высоте, вне досягаемости зенитной артиллерии. Когда японцы пикировали, их и так едва ли могли бы перехватить истребители, но зато сами истребители нередко поражались шрапнелью зениток. Только если японцы, например, после неудачного захода на цель, снова должны были подниматься вверх, чтобы пикировать заново, они были уязвимы. До тех пор с ними могла бороться только зенитная артиллерия. Час истребителей наступал, если они не смогли раньше обнаружить и атаковать уже подлетающего врага, в момент его отлета. Слабое утешение, но девизом истребителей должно было быть: Тот, кого мы еще успеем сбить во время его полета обратно, никогда уже больше не прилетит!

Митчер, пожалуй, знал, что он мог полагаться на своих зенитчиков, но эта атака все же беспокоила его, так как большие корабли могли двигаться перед островом лишь с малой скоростью. Он сразу же приказал «Лексингтону» увеличить ход, двигаться зигзагообразным курсом, и сам не отводил бинокль от глаз, что-

бы увидеть подлетающие самолеты врага и суметь, вероятно, увернуться от них, хотя с таким большим кораблем, каким был авианосец, это казалось почти невероятным. Но Митчер, которого Радио Токио называло «серым призраком», так как он со своей уже легендарной группой «Task Force 58» снова и снова появлялся как-бы из ниоткуда, наносил удар и опять исчезал, не хотел ничего оставлять на волю случая. Когда только одно звено самолетов приступило к пикированию, он знал, что они прилетали волнами, по всей вероятности, с неравными интервалами. И он видел, что первое звено нацелилось на «Саратогу», самый старый авианосец флота.

Четыре дня назад «Сара», как все ласково называли ее, еще принимала участие в налете на Токио. После Гуадалканала она, пройдя бесчисленные бои, не получила ни одного повреждения. Но теперь ее час пробил. Митчеру пришлось стать свидетелем всего этого, не имея никакой возможности помочь «старой рабочей лошадке». Лишь его зенитная артиллерия могла обратить внимание на опасность, которая угрожала «Саре».

Было точно 17.00 21 февраля, когда первые «Гинга» врезались в центр полетной палубы «Саратоги». Сам капитан-лейтенант Муракава начал эту атаку своим сенсационным смертельным пикированием. Он сидел, нагнувшись за ручкой управления, видел, как с жуткой скоростью приближается к нему палуба с желтыми разметочными линиями, и потом он больше ничего не чувствовал.

«Гинга» врезался в палубу и взорвался с ярким пламенем. Пожар с неистовой скоростью распространялся в корпусе корабля.

Зенитная артиллерия «Саратоги» все еще стреляла. В один атакующий самолет зенитчикам удалось попасть, он взорвался в воздухе, не долетев до авианосца. Только черное облако осталось после того, как он с шумом грохнулся в море.

Зенитные пушки «Лексингтона» сбили следующую машину. Но еще один самолет, летя на малой высоте, смог беспрепятственно проскользнуть мимо зенитной артиллерии. Он двигался всего лишь в нескольких метрах над поверхностью воды, часто применяемая тактика камикадзе, которая практически не позволяла зенитной артиллерии прицелиться в них, так как стволы пушек просто не могли опуститься так низко. Машина врезалась в средней части корабля в борт «Саратоги», непосредственно у ватерлинии. Взрыв образовал огромную пробоину и разорвал топливопроводы, так что корабль теперь вспыхнул также в этом месте, и пожарную бригаду пришлось разделить.

- Отойти в сторону! – потребовал Митчер по радио от командира «Саратоги». Авианосец еще не потерял ход, и Митчер знал, что противник любит снова ата-

ковать горящие корабли, так как их оборона ослаблена. Если бы «Сара», смогла уйти прочь, по крайней мере, на полмили, это, вероятно, означало бы ее спасение.

Авианосец пришел в движение. На борту царил невообразимый хаос. Моряки без дыхательных масок с кашлем выползали из углов, в которых они спрятались от огня. Другие прыгали за борт, чтобы потушить воспламенившуюся одежду. И тот, кто мог, участвовал в спасательных работах, таскал раненых к шлюпкам, которые другие корабли послали на помощь.

Все же примерно триста моряков «Саратоги» выбыли из строя в эти минуты, прежде чем их корабль получил третий удар.

Снова японский самолет упал прямо на и без того уже сильно поврежденную полетную палубу и пробил в ней еще одну дыру, из которой немедленно вырвалось пламя.

- Всё! – сказал Митчер и опустил бинокль. – Истребители должны перейти на высоту атаки, пришло время...

Он и представить себе не мог, что «Саратога» не только сохранит плавучесть, а даже еще сможет двигаться. Она была прочным кораблем, и ее экипаж не сдавался так легко.

- Ухожу, в направлении дока! – передал ее командир по радио Митчеру. И он справился. Через три месяца отремонтированная «Сара» снова была готова выйти в море.

Вскоре после «Саратоги» японцы нанесли удар по меньшему авианосцу «Бисмарк Си». Почти одновременно два пикирующих самолета взорвались на его полетной палубе. Огонь сразу охватил весь корабль. Два поспешивших на помощь корабля были атакованы самолетами сопровождения, впрочем, их повреждения были незначительны. Зато «Бисмарк Си» досталось очень серьезно. Пока спасательные команды лихорадочно пытались потушить огонь и спасти раненых, произошло несколько маленьких взрывов в трюмах корабля. Боеприпасы начали взрываться от высокой температуры, вызванной пожаром.

- Прекратить! – посоветовал Митчер, который наблюдал за «Бисмарк Си». Но прежде чем командир смог отдать приказ оставить корабль, огонь под палубой перекинулся на одно из больших хранилищ боеприпасов. Взрыв буквально оторвал корму корабля. После нескольких последующих взрывов авианосец затонул. Несколько сотен моряков и летчиков погибли.

«Лунга-Пойнт», переоборудованный в маленький эскортный авианосец двухвинтовой паровой пароход, попробовал еще совершить маневр уклонения, когда подожженный зенитными пушками «Тэндзан» как вспыхнувший факел подлетел прямо к кораблю. Но было слишком поздно. Горящий бомбардировщик ударил эскортный авианосец в левый борт около ватерлинии, и его взрыв раскроил стальной бок корабля.

Так как пожар не распространился, спасательные команды смогли сохранить корабль на плаву. Только также здесь пришлось оплакивать много человеческих жизней.

Один авианосец утонул, еще два сильно повреждены, попадания на нескольких меньших кораблях – таков был баланс, который капитан первого ранга Сугияма еще поздним вечером того же дня передал адмиралу Тераоке. О жертвах, которые понесла эскадрилья Муракавы, не было сказано ни слова.

Сугияму похвалили. Концепция летчиков-смертников, кажется, была достаточно испытана. Для предстоящего решающего боя Япония создала себе оружие, которое хотя и не нарушало прямо законы ведения войны, но своими самоубийственными последствиями должно было еще создавать большие трудности союзникам.

В то время как члены семей погибших пилотов-камикадзе устанавливали ларцы памяти для мертвых героев, пехотинцы на острове Иводзимы следовали их примеру. Самопожертвование в начале конечной фазы тихоокеанской войны стало в японских вооруженных силах господствующим явлением.

Пляж «Зеленый»

Фрэнк Уоллес во время десанта на пляже Иводзимы с удовлетворением отметил, что командование, очевидно, извлекло уроки из более ранних похожих операций.

Если еще год назад при сравнимых высадках перед побережьем возникала едва ли распутываемая неразбериха кораблей и катеров, которые мешали друг другу, которые, загоревшись от обстрела противника, превращались в преграды и осложняли ударным войскам сначала молниеносно высадиться на берег, чтобы сделать возможным выгрузку последующих войск, пока они освобождали определенный участок пляжа и в некоторой степени обеспечивали его оборону, то на этот раз все происходило значительно организованнее. Еще перед рассветом

саперы морской пехоты с маленьких катеров расставили буи с флажками перед четырьмя зонами десантирования: зеленой, красной, желтой и синей.

Каждой группе танков-амфибий или пехотно-десантных катеров, грузовых барж или тяжелых катеров для перевозки автомобилей, был дан определенный знак, который они находили на «своем» флажке. Они кружились вокруг этого флажка на малой скорости, пока не получали по радио с командного пункта сигнал двинуться к берегу.

Когда поступит этот приказ, решали воздушные наблюдатели на самолетах-разведчиках. Таким образом можно было избегать неразберихи, в любое время определять новые направления главного удара, концентрировать силы в нужном месте, все протекало гибко и в то же время отрегулировано, насколько можно говорить об этом при таком предприятии. Во всяком случае, удавалось избегать потерь в живой силе и технике и при этом вводить противника в заблуждение.

Психологи точно проанализировали поведение генерала Курибаяси. Они предполагали, что он опасается, прежде всего, того, что имитация десанта заставит его выдать расположение японских артиллерийских позиций. Поэтому было решено разыгрывать перед ним такие имитации высадки как можно дольше.

В действительности Курибаяси, когда он следил через стереотрубу за процессом перед побережьем с севера острова, поверил в обманный маневр, когда транспортеры-амфибии и десантные катера бессмысленно, по его мнению, описывали перед берегом большие и малые круги. Ни одна машина или катер не двигались прямо к побережью.

- Они разыгрывают перед нами спектакль, – прорычал этот маленький, в равной мере как бесчувственный, так и недоверчивый человек. Он не отдал приказ тяжелым пушкам открыть огонь. Также усиливающийся артиллерийский огонь линкоров не заставил его оставить свое недоверие и приказать тяжелой артиллерии стрелять по двигающимся по кругу маленьким кораблям. Даже прилетающие в плотных волнах В-29, которые сбрасывали бомбы над островом, не могли устранить его скепсис. У Курибаяси была свой собственный взгляд на хитрость американцев, он думал, что они никогда не станут высаживаться там, где они так отчетливо демонстрируют намерение высадки, а сделают это в точно противоположном направлении, т.е. на западном пляже острова. Поэтому западный пляж также был сильно заминирован, зато восточный пляж, перед которым теперь сконцентрировались почти все силы американцев, был почти не защищен минами.

Ожидание перед прыжком. Плоский песчаный пляж заполнен американскими солдатами, которые приступают к прыжку на отвесный склон, через который они попали внутрь острова.

«Они хотят связать наши силы на востоке, заставить нас открыть огонь из тяжелой артиллерии, определить ее позиции, а затем они молниеносно перегруппируются и ударят по нам с запада!» Он считал, что разгадал своим острым умом планы противника, и хотел сорвать их. «Пусть приходят», приказал он, когда море перед восточным пляжем уже буквально кипело от десантно-высадочных средств американцев. Только время от времени он приказывал открывать оборонительный огонь из более легких орудий. «Дайте им высадиться на берег. Там, непосредственно на пляже, мы уничтожим их, а оставшихся загоним между Сурибати и аэродромом Мотояма 1. В этой ловушке мы затем расстреляем их нашей тяжелой артиллерией иотрежем им обратный путь к кораблям».

Только иногда у него возникало беспокойство, когда наблюдатели с западного побережья не сообщали ему абсолютно никаких новостей. Он все больше упорствовал в предположении, что противник пытается ввести его в заблуждение, и он хотел испортить ему эту игру. Насколько он обманулся, Курибаяси должен был заметить лишь через два часа после выхода на берег первых транспортов-амфибий «Amphtrack» и десятков катеров LSM. Большие десантные корабли за короткое время относительно спокойно высадили на сушу два батальона танков, гусеничных тракторов и бульдозеров.

Крупнокалиберные орудия японцев через два часа после начала высадки все еще молчали. Ошибка, которая возникла из тактической рискованной игры Куриба-яси, и которую уже нельзя было исправить. Только около 11 часов дня подразделения тяжелых пушек на Иводзиме получили приказ открыть огонь.

Фрэнк Уоллес думал о том, как он озаглавит свою первую статью. Он был поражен слабым оборонительным огнем, в большинстве случаев выстрелы из винтовок, только изредка из минометов.

«Сухая высадка», так это называлось на жаргоне морпехов. Катера LCP беспрепятственно подходили к пляжу, солдатам даже не приходилось идти пешком по мелководью, редкое явление в таких операциях. Также танки, тяжелая техника, боеприпасы и другие грузы могли доставляться на берег «посуху», и первые линии связи были установлены. Сооружались перевязочные пункты; тут были «Beach Boys», «ребята-пляжники», солдаты с особыми организаторскими способностями. Им предстояло регулировать все действия в узкой пляжной зоне, выделять каждому подразделению свое место, организовывать системы связи и центры распределения снабжения, провианта и боеприпасов, в общем, всего, что требовалось в бою. Они должны были организовать также первую помощь для легкораненых и транспортировку тяжело раненых на госпитальные суда. Всегда можно было услышать множество более или менее остроумных шуток об этих «Beach Parties», как они официально назывались. Например, поговаривали, что к их первым заданиям на суше относится также строительство отхожих мест для офицеров...

«Вперед!» Уоллес услышал приказ командира роты. Тот хотел как можно быстрее убрать своих людей с этой узкой и плоской прибрежной полосы. Поэтому он уже дополз под «террасу», где земля на несколько метров круто поднималась вверх. Это выглядело как обрушившийся склон. В некоторых местах снаряды ударили в почти вертикальную стену и проделали бреши. Через них теперь внутрь протискивались танки, которым в местах таких наклонов было легче преодолеть террасу.

Каждый из высадившихся на берег десантников стрелял. Собственно, так думал Уоллес, эта стрельба служит скорее самоуспокоению, чем уничтожению противника. Адский шум. И он исходит в меньшей степени от японцев, чем от нас. Пока, во всяком случае. Как долго это продлится так, еще станет ясно. В данный момент это собственные танки, которые стреляют непрерывно, вероятно, без ясных целей. Они, кажется, прощупывают пространство за крутым склоном в поиске японских орудий. И стрелки, они и без того почти автоматически стреляли по всему, что, по их мнению, двигалось. В большинстве случаев пули летели в пустоту.

Американская морская пехота пытается в день «Д» преодолеть лежащий за пляжем крутой склон.

Остров пережил ад, в течение месяцев. Сегодня утром Уоллес на информационной встрече на корабле отметил для себя, что только ВВС армии произвели 2700 авианалетов на Иводзиму. При этом было сброшено 5800 тонн бомб. Если прибавить к этому военно-морской флот с его авиацией, то этот показатель легко увеличивался в несколько раз. Самолет-разведчик сделал снимки поверхности острова. Они показывали на одну квадратную милю (примерно 2,5 кв. км) примерно 5000 воронок от бомб.

Сидя в своем укрытии, Уоллес записал для себя идею сравнить в своем репортаже эту плотность бомбометания с бомбардировкой Гамбурга. Согласно этому, Иводзима должна была быть разрушена так же, как был разрушен этот немецкий город. Но Иводзима не была уязвимым крупным городом. Скопление зданий над землей можно было буквально превратить в пыль с помощью соответствующим образом проведенной сильной бомбардировки. Но на Иводзиме не было зданий, все важные объекты тут существовали главным образом под землей. И Фрэнк Уоллес боялся, что вся эта стрельба на узкой полоске песка, еще до того, как солдаты за танками взобрались на крутой склон, была похожа на насвистывание в ночном лесу, чтобы приободрить самих себя. Солдаты просто успокаивали

вали себя, придавали себе смелости, все время снова и снова нажимая на спусковой крючок. Настоящая борьба, похоже, только еще предстояла.

Уоллес покинул свое укрытие и пополз до крутого склона на «зеленом» участке, чтобы пронаблюдать за группой солдат, которые помогали друг другу преодолеть этот природный барьер и при этом громко пели: «Happy D-day to you, Happy D-day to you, Happy D-day, dear Marines, Happy D-day to you...». Они почти разбушевались, когда в то же самое время звено «Хеллдайверов» с моря пронеслось над островом и выпустило свои ракеты по горе Сурибати. Там прозвучали взрывы, вероятно, взорвался штабель боеприпасов.

Это наша цель, думал Уоллес, когда он смотрел на вулканический конус. 28-й полк был самой южной частью. Севернее атаковал 27-й полк, затем 23-й и 25-й. Примерно по пятьсот метров пляжа были выделены каждому батальону. У двух батальонов 28-го полка был приказ продвинуться к северу мимо Сурибати и отрезать находящиеся на горе японские позиции от оставшейся части острова, в то время как 27-й полк должен был наступать дальше до западного побережья и затем повернуть на север.

Ближайшей целью 23-го полка был захват аэродрома Мотояма 1. Его правый фланг прикрывал 25-й полк.

Нам придется вскарабкаться на эту проклятую вулканическую гору, думал Уоллес. И они не будут такими тихими как сейчас, они будут стрелять по нам из всего, что у них еще осталось!

«Вперед!» услышал он снова крик Тиммерманса. Рота почти преодолела крутой склон. Уоллес автоматически посмотрел на часы. Одиннадцать утра. В этот момент это и произошло. Внезапно в сторону американцев полетели снаряды, из внутренней части острова доносился низкий рокот тяжелых орудий. Воздух дрожал. Из частично похожих на распаханые дюны поверх крутого склона стреляли пулеметы. Дальше справа, в окрестности аэродрома, который тоже лежал выше пляжа, скорострельные 20-мм пушки открыли беглый огонь по всему, что двигалось на пляже. И Сурибати проснулся к жизни: с бесчисленных минометных позиций на его северном склоне минометные мины градом посыпались на высадившихся американцев. Точно через два часа после начала высадки, когда все батальоны уже находились на предусмотренных для них участках на суше, противник начал свой оборонительный огонь. Не обращая внимания на продолжавшую стрелять корабельную артиллерию, на авиабомбы и ракеты, японцы осыпали высадившихся американцев градом снарядов крупнокалиберных орудий.

Фрэнк Уоллес едва успел взобраться на крутой склон и исчезнуть в дыре, которую сделал какой-то снаряд, как продвигающихся вперед рядом с ним морпехов внезапно начали обстреливать со всех сторон. Появились первые раненые. Еще никто не мог рискнуть оттащить их вниз со склона к сборным пунктам, огонь был слишком плотным. Генерал Курибаяси осознал свою ошибку, и теперь он приказал нанести ответный удар. Как могло такое случиться, что такой опытный боевой командир перед лицом столь острой опасности так неверно оценил ситуацию, этому позже было суждено оказаться среди тех многочисленных загадок, которые оставила эта война.

Внезапно группа, к которой присоединился Фрэнк Уоллес, натолкнулась на один из типичных для Иводзимы маленьких бункеров японцев. Вкопанный в землю железобетонный куб с амбразурами со всех сторон. Он едва ли на полметра возвышался из вскопанного песка, по своей окраске его почти нельзя было отличить от песка, и, очевидно, в нем находилось несколько стрелков. Стоило лишь кому-то из американцев приподнять голову, как выстрелы тут же хлестали из этого бетонного блока.

Курибаяси приказал строить эти маленькие бункеры сотнями, целая сеть, которая простиралась на весь остров. Один прикрывал другой. Рядом с ними были подземные сооруженные из массивных деревянных брусьев убежища, в которых личный состав спал и проводил свое свободное время. Теперь эти подземные блиндажи были пусты, солдаты сидели за амбразурами бункеров. Подавляющее большинство этих бетонных коробок пережили огонь корабельных орудий и бомбы В-29 – к большому удивлению американцев. Они были еще по несколько раз окружены комбинацией неглубоких траншей и стрелковых ячеек, и в них теперь, как по волшебству, всюду появлялись японские солдаты. Бои за эти укрепленные позиции должны были решить судьбу Иводзимы.

Стив Рид, фоторепортер, уже прошел бункер, который теперь задерживал оставшуюся часть роты Тиммерманса. Он лежал, относительно хорошо укрывшись, в углублении выше бункера и мог видеть, как его товарищи подступали к препятствию, которое так внезапно появилось на их пути.

Тиммерманс приказал сначала вести по амбразурам постоянный огонь из винтовок, в надежде добиться этим результата. Но когда двое его солдат были ранены ответным огнем из бункера, он приказал сделать перерыв.

- Остаться в укрытии! – ему пришлось кричать во весь голос, чтобы его люди вообще услышали его слова в этом адском шуме.

- Фарлоу! – подзвал он затем стрелка, который нес базуку. Морпех подполз к нему, и Тиммерманс указал на бункер: – Если попасть прямо в среднюю амбразуру, это заставит их замолчать?

Огнеметы часто были единственным оружием, которое приносило успех на Иводзиме, когда нужно было изгнать противника из расщелин скал или умело спрятанных бункеров.

Фарлоу был осторожным парнем из южных штатов; он некоторое время смотрел на цель, затем пожал плечами и заметил: – Лучше, если мы попробуем это, прежде чем эти типы нас прикончат...

- Ну, тогда давай! – скомандовал Тиммерманс. Солдат Фарлоу слегка приподнялся и навел толстую жестяную трубу на бункер. Со злым шипением ракета помчалась к бетонному кубу. Она попала в то место, где находилась амбразура, но это ничего не дало. Спустя пару секунд бункер снова извергал огонь. Бетонный блок, мимо которого так просто не пройдешь.

- Прорезь слишком мала, – констатировал Фарлоу. – Должно чертовски повезти, чтобы ракета попала точно внутрь. Иначе она только поцарапает бетон. Повторить еще разок?

Тиммерманс покачал головой. Ракетами здесь ничего не сделаешь. Но у него была, пожалуй, другая идея, так как Уоллес услышал, как он кричит: – Буссо! Сюда с огнеметом!

Уоллес знал Буссо, маленького, коренастого мужчину, который очень любил жевать жвачку, и которого почти ничего не могло вывести из себя, разве только, если бы он при игре в покер застукал кого-то, кто мошенничал.

Теперь он приполз на позицию, с которой он мог атаковать бункер, и оставшаяся рота прикрывала его прицельным огнем. Он кричал: – Ребята, все время стреляйте по амбразурам, а со всем остальным я справлюсь сам!

Тиммерманс внимательно наблюдал за происходящим. Буссо справится, так как эти огнеметы были хорошо сконструированы, их струя проникала даже в самую маленькую щель, кроме того, дым от зажигательной смеси, как показывал опыт, заставлял противника задыхаться. На других островах на юге снова и снова находили японских солдат, которые задохнулись. Но не в каждой роте были огнеметы. Тиммерманс, пока Буссо делал свои приготовления, жестом приказал солдату, тащившему тяжелую радиостанцию на спине, подползти к нему. Радиостов всегда особенно защищали во время таких атак. Именно от них зависело, сможет ли рота, оказавшись в беде, вызвать помощь. Но не только поэтому радисты были предпочтительной целью для вражеских снайперов, а еще и потому, что по опыту ротные командиры всегда находились где-то поблизости от них. Если удавалось вывести из строя командира роты метким выстрелом, то боевая ценность всего подразделения могла при определенных обстоятельствах значительно уменьшиться.

Черный песок лавы на Иводзиме. Здесь не было земли, в которую могли бы зарыться американские солдаты. Потому они всегда могли искать укрытие только в неглубоких ямах, так как песок постоянно осыпался.

Тиммерманс знал все это по долгому опыту. Он оставался с нагнутой головой, пока радист не присел рядом с ним, взял похожую на телефонную трубку комбинацию из приемника и передатчика, которую некоторые называли «Walkie-Talkie», и связался со штабом на корабле.

Он вышел на 1-А (офицер штаба ВВС, занимающийся личным составом), не совсем того собеседника, с которым он сейчас хотел бы говорить, но все-таки на человека, которого он знал с первого вместе захваченного острова.

- Морт, – крикнул он в трубку, – сейчас я сообщу тебе о двух вещах, прежде чем я забуду о них. У нас тут два врага. Японцы и песок. Здесь нет твердой земли. Люди и машины тонут в этой черноватой гадости. Солдаты до икр, джипы до осей. И танки часто размалывают этот песок своими гусеницами до тех пор, пока не садятся на брюхо. Мы не можем копать окопы или ячейки, только неглубокие углубления. Готовьте госпитали к тому, что они получат больше работы, чем когда-либо раньше. И затем нам нужны огнеметы. Теперь я в некоторой степени могу разгадать оборонительные приемы японцев. Остров нашпигован бункерами, и дальше наверху, в скалах, они сделали пещеры в камне. Это

можно увидеть в бинокль уже на склонах Сурибати. И единственное, что здесь может помочь нам, это огнеметы! Каждой роте нужно по полдюжины этих штук, тогда война за Иводзиму закончится быстро. Достаньте их для нас. Вместе с расчетами. Привезите их самолетами, сколько бы это ни стоило. От них зависит, продвинемся ли мы вперед, или же япошки перестреляют нас по отдельности из своих укрытий. Понятно?

1-А ответил: – Я понял, Джек. Спасибо. Ты не первый, кто сообщает об этом. Мы уже готовы устроить это дело. Вы сможете преодолеть эту паршивую милю до западного берега еще сегодня?

Тиммерманс видел, как Буссо выпустил с шипением первую струю жидкого огня по бункеру. Приблизительно полминуты он держал огонь на одном месте. Бетонный блок исчез в черном облаке чада. Это должно было стать их шансом! Тиммерманс закричал, когда Буссо опустил руку со спуска: – Вперед! Перестреляйте их, пока они еще задыхаются от кашля!

Солдаты вскочили и понеслись к бункеру. Другая такая коробка, на удалении примерно ста метров, попыталась помешать их атаке огнем из винтовок. Но американцы к тому времени уже разгадали эту тактику. Они бросили дымовую гранату точно в линию выстрела, и дым закрыл японцам обзор. И люди Тиммерманса уже были в бункере. Один засунул автоматическую винтовку в амбразуру и не отпускал палец со спускового крючка, пока магазин не был пуст. Не все японцы вследствие этого были выведены из строя. Некоторым удалось спастись в систему траншей, которая уводила от бункера. Один прыгнул вперед, вооруженный пистолетом, вероятно, офицер. Он выстрелил в американского солдата, который в этот момент перезаряжал автоматическую винтовку, попал в него и хотел тоже скрыться в траншее. Но тут один из солдат был уже рядом и воткнул в него штык.

Пока два солдата оттащивали раненого, Тиммерманс еще раз закричал в радиопереговорное устройство: – Морт! Скажи шефу, что мы попробуем все, чтобы справиться с этой милей. Но это будет стоить нам людей!

Другой отвечал: – О'кей, Джек. И мы попробуем все, чтобы сделать вам эту дорогу ровной. Будь осторожен и хорошенько следи за тем, что происходит прямо сейчас слева от вас!

Они смогли сначала беспрепятственно пройти несколько десятков метров. Затем на их пути оказалась минометная позиция японцев, которую прикрывали стрелки в неглубоких ямах в песке. Никакого пулемета. В таких ситуациях морские пехотинцы обычно вскакивали и бежали вперед. Это приказал теперь также

Тиммерманс. И как только он это сделал, он понял, что имел в виду 1-А, когда рекомендовал ему смотреть налево.

Там лежала гора Сурибати, и из огромного количества позиций на ее неровном склоне стреляли десятки пулеметов. У них была замечательный обзор, чтобы смотреть вниз, на песчаную равнину, где американцы пытались наступать. Но еще была авиация на больших авианосцах перед островом, и она в этот момент нанесла по Сурибати сконцентрированный удар.

Из ясного неба на потухший вулкан бросались десятками одномоторные самолеты и выпускали свои ракеты между его защитниками. Эти ракеты были относительно новым оружием, но они уже зарекомендовали себя исключительно хорошо, и японцы их боялись.

Ракеты не только разрывались на стальные осколки, но также в зависимости от снаряжения боеголовки могли распылять смесь из горючей жидкости и фосфора. Где такая ракета попадала, там вспыхивал пожар, который ничем нельзя было погасить. Люди превращались в горящие факелы, если на них попадала эта смесь. Одной капли было достаточно, чтобы сделать их небоеспособными.

Вновь и вновь самолеты роями атаковали черный, в расщелинах конус, метал молнии, разжигали пожар на грунте, который был, собственно, негорючим. Стив Рид был очарован картиной, которая предстала перед его глазами. Он сфотографировал мертвого японца возле нейтрализованного бункера, также еще несколько трупов в самом бункере.

Теперь он поспешно заряжал свою камеру и затем попытался поймать в объектив «Уайлдкэты» и «Хеллдайверы». Короткие, кажущиеся компактными авианосные самолеты со звездообразными двигателями как злые шершни сверлили в гору свои жала с длинными огненными хвостами. Он не знал, удалось ли ему запечатлеть на пленке все, что происходило там на самом деле, так как удаление было велико. Поэтому он снова и снова нажимал на спуск.

Близко от него полз по песку Джо Розенталь, фотограф «АП», и проклинал по очереди японцев и пыль, которую разрывы минометных мин вихрем поднимали в воздух. Японцы угрожали его жизни, пыль покрывала объектив камеры и угрожала этим успеху его работы. И то и другое возмущало Розенталя.

- Эта хреновина оседает на войлоке кассет фильмака! – ругался он. – Когда ты потом разглядываешь негативы, то кажется, что кто-то потер их о наждачную бумагу... Проклятая местность!

Рид успокаивал его. Он подумал, что на Гуадалканале Розенталь, конечно, ругал тропических паразитов, которые охотно пожирали желатин с поверхности пленки. Но он согласился с Розенталем и ответил: – Ты прав, Джо, чертова местность! Скажи мне, когда у тебя будет посыльный, который заберет твои пленки. Я ему тоже кое-что дам!

Розенталь пообещал помнить об этом, но до наступления темноты едва ли было бы возможно отправить кого-нибудь с киноматериалом обратно на корабли.

- Где Уайт? – спросил Уоллес, столкнувшийся с ними обоими.

Розенталь объяснил: – Этот идиот остался на пляже. Хочет посмотреть, как тыловые службы делают свою работу.

В действительности тогда он не идиот, а очень мужественный человек, подумал Уоллес, так как пляж – самое небезопасное место. Он оглянулся назад. Из-за поднявшейся пыли, которая висела как низкое облако в воздухе, можно было видеть лишь немного из того, что происходило там внизу, где морские пехотинцы сошли на берег и где теперь орудовали «Beach Boys».

Джордж Уайт был уверен, что продвигающиеся вперед войска, в конечном счете, справятся с японцами. Он был знаком с ожесточением морпехов, если требовалось вышвырнуть противника с его позиций. Интереснее, так считал Уайт, был в настоящий момент пляж. Здесь, на его взгляд, были созданы основы для того, чтобы морские пехотинцы, сражавшиеся в настоящий момент на расстоянии нескольких сот метров от берега, действительно могли одолеть противника с помощью своих превосходящих технических средств. Пляж с его службами, снабжением, центрами связи, непрерывно прибывающими машинами, перевязочными пунктами и передовыми пунктами управления – все это, в конечном счете, оказалось бы сильнее самой упорной обороны один на один, которой так славились японцы.

Здесь материальная мощь Соединенных Штатов, их организаторские способности, их изобретательность ложились на чашу весов, которую затем, в конце концов, прижимал вниз сражающийся солдат. Если эта чаша была полна, то солдатам легко было сделать это, но если она была пуста или едва наполнена, тогда это давалось им тяжело, и были значительные потери. Уайт считал, что то, что Соединенные Штаты совершали в настоящее время в Тихом океане, было выдающимся историческим достижением, которое не слишком часто видел мир. Он знал о героизме простого пехотинца, но он не хотел забывать при этом о героизме редко упоминаемых помощников, поэтому он также был теперь здесь, а не рядом с Розенталем и Уоллесом.

Одним из самых неприятных открытий, сделанных им на пляже, был рассыпчатый, мягкий вулканический песок, из которого состояла полоса побережья. В тактическом планировании это не было учтено в достаточной мере, и теперь последствия этого недочета стали заметными. Каждый шаг давался с большим трудом. Джипы, грузовики, противотанковые пушки, даже танки настолько часто застревали на коварном грунте, что помощники должны были стремительно нестись от одного места к другому, чтобы высвободить, по крайней мере, самые необходимые машины. К этому добавлялся отвесный склон, ограждавший внутреннюю часть острова. Даже танки не могли так просто преодолеть этот барьер, его сначала нужно было скосить, сделать более пологим. Только там, где разрывы снарядов это уже более или менее случайно обеспечили, открывалась возможность въезда.

Уайт с опасением видел, что большая часть машин как раз при попытке преодолеть этот склон была подбита японской артиллерией. Поэтому из танков только немногие продвинулись бы вперед, туда, где морские пехотинцы нуждались в них, чтобы наступать под их защитой. Сконцентрированная танковая атака не была возможной при таких обстоятельствах.

Трудности на пляже приводили также к тому, что боеприпасы прибывали с опозданием, раненые не попадали своевременно в главные медицинские пункты. К этому времени бульдозеры уже неистовствовали у отвесного склона. И боеприпасы и раненых транспортировали пока что колонны носильщиков.

Уайт сожалел, что с ним не было фотографа. Пляж, который, несмотря на облака пыли, можно было рассмотреть во всей его ширине, превратился в полдень в пустыню обломков. Машины всякого рода застряли в песке и стояли брошенными. Многие были повреждены или сожжены. Как и некоторые десантные катера, которые едва успев добраться до пляжа, были подбиты японской артиллерией. Всюду лежали погибшие или раненые; санитары едва могли двигаться под продолжительным беспокоящим огнем. Так сражение за Иводзиму, как констатировал Джордж Уайт, распалось на два фронта. Один состоял из наступающих рот, которые с трудом прокладывали себе путь по песку лавы в западном направлении и должны были при этом с большими усилиями выкуривать одно гнездо сопротивления за другим. А второй фронт образовывал пляж, где в это же время, собственно, тыловые службы должны были заботиться о том, чтобы сражающиеся роты наступали как можно быстрее. Но ритм на пляже пока что еще диктовали японцы. Они реализовывали, как минимум, часть того, что запланировал комендант Курибаяси: остановить наступление, отрезать американцев от всех связей с тылом, и затем разбить их по частям.

Недалеко от Уайта разорвалась минометная мина. Санитары, которые как раз хотели поднять одного раненого на носилки, остались лежать неподвижно. Мертвы. На пляже больше нельзя было даже просто выпрямиться. Уайт видел, как другие санитары закатили раненого на брезент и ползком потащили его к месту, которое они считали менее опасным. Если им повезет, то ни один японский снаряд не разорвется там, пока они делают свою работу. Но только если им повезет.

Постепенно американцам удалось углубить на пляже несколько воронок от снарядов и установить 37-мм пушки, которые пытались подавить огонь противника. Но было практически невозможно с расположенной ниже позиции, через отвесный склон, заставить замолчать, например, минометное гнездо. Борьба на пляже, как понял Уайт, была не менее трудна, чем та, которую вели атакующие роты.

И затем он пополз, следуя какому-то внезапному импульсу, к воде, где находился один из десантных катеров LST, которые были предусмотрены, собственно, для перевозки танков, с опущенной грузовой аппарелью. Кто-то укрепил на нем флаг с красным крестом. Врач, весь залитый кровью, сидел перед аппарелью, санитар держал ему сигарету в губах. Между двумя затылками он объяснил Уайту: – Мы должны считаться с тем, что они попадут своими снарядами точно в этот наш операционный пункт на берегу, но пока раненого, который теряет большое количество крови, наконец, доставят на одно из госпитальных судов там в море, он может умереть. Если мы получим его здесь на LST на наш временный операционный стол, мы сможем, по крайней мере, спасти ему жизнь, если не его ногу или руку.

Он снова затянулся сигаретой, затем он повернулся к санитару, расставив руки далеко от тела, и попросил его: – Давай, пойдём со мной за борт, и там расстегни мне брюки, мне нужно отлить.

К роте С прибыл танк. «Шерман» с опасной 75-мм пушкой, которая стреляла удивительно точно. Тиммерманс использовал его, чтобы как можно скорее продвинуться в западном направлении. И роте это удалось. В двухстах метрах за бункером, который американцы нейтрализовали с помощью огнемета, лежал глубоко вкопанный в песок массивный блокгауз, из которого, когда первые американцы приблизились к нему, выбежало несколько сравнительно хорошо одетых японцев. Как предполагал Тиммерманс, они принадлежали к штабу. Офицеры. Они искали укрытие в неглубокой траншее и оборонялись пистолетами и ручными гранатами.

Американская артиллерия стреляет по Сурибати.

Танк с грохотом покатился в их сторону. Пушку на таком маленьком удалении больше нельзя было использовать, но оба пулемета выполнили всю работу. Когда пехотинцы ворвались в траншею, они нашли там только мертвецов.

Стив Рид хотел сделать несколько снимков танка и трупов, когда ему показалось, что он не может поверить своим глазам. Из поврежденного стрельбой блокгауза выбежал одинокий японец, длинная винтовка с примкнутым штыком готова к штыковой атаке. Он подскочил к нескольким солдатам, которые сидели за танком и курили.

Укрытие в скале на Иводзима. Японцы использовали природные возможности, чтобы создавать оборонительные точки здесь в гротах и расщелинах скал. Американцам приходилось захватывать их один за другим после тяжелой борьбы.

- Эй! – еще успел крикнуть Рид, но его предупреждение запоздало. Японец ударил штыком одного солдата в спину, на другого, который прицеливался в него, он прыгнул и бросил его на песок. Только третий солдат, когда японец еще колот штыком лежавшего на земле, приставил ему револьвер к голове и выстрелил.

- Безумец, – констатировал он по-деловому, прежде чем он склонился над раненым товарищем и дал знак радисту, чтобы тот вызвал санитаров. Другие пробрались в обломки блокагауза. Они нашли только трупы. Но на всякий случай они заложили подрывные заряды между балками, и когда группа продолжила путь, блокагауз взлетел на воздух. Одна балка упала на мертвого безумца, но ему уже было все равно. Также санитары, которые позже забирали раненых, оставили его. О мертвых японцах должны были позаботиться другие команды. И бульдозеры.

Во второй половине дня, после того, как солдаты уже целый час пролежали под огнем нескольких умело распределенных японских минометов, и понесли дальнейшие потери, Тиммермансу с помощью огнемета удалось выкурить одну ми-

нOMETную позицию за другой. Но рота С продвигалась вперед, тем не менее, только медленно. Слишком много японских снайперов стреляли по отдельным солдатам, что вело к тому, что американцы очень неохотно покидали даже самое жалкое укрытие. Они привыкли безудержно атаковать противника, который сопротивлялся им лицом к лицу, но когда их обстреливали с невидимых позиций, они становились крайне осторожными.

Уоллес обратил внимание командира роты: – Обыщи-ка склон этой проклятой горы, я невооруженным глазом вижу там вспышки и маленькие облака дыма.

И действительно снайперы японцев сидели на хорошо замаскированных позициях между камнями лавы. Но у Тиммерманса был приказ продвигаться к западному побережью. Сурибати нужно было атаковать только после того, когда она будет изолирована от территории, расположенной севернее. Не будь этого приказа, Тиммерманс сразу распорядился бы атаковать гору. Но пока было еще слишком рано.

Наконец, Тиммермансу удалось по радио связаться с обустроившимся к тому времени на пляже штабом полка.

- Я получил двух солдат с огнеметами, – сообщил ему офицер там, – и старый танк М-3, тоже с огнеметом.

- Присылай танк! – сразу потребовал Тиммерманс.

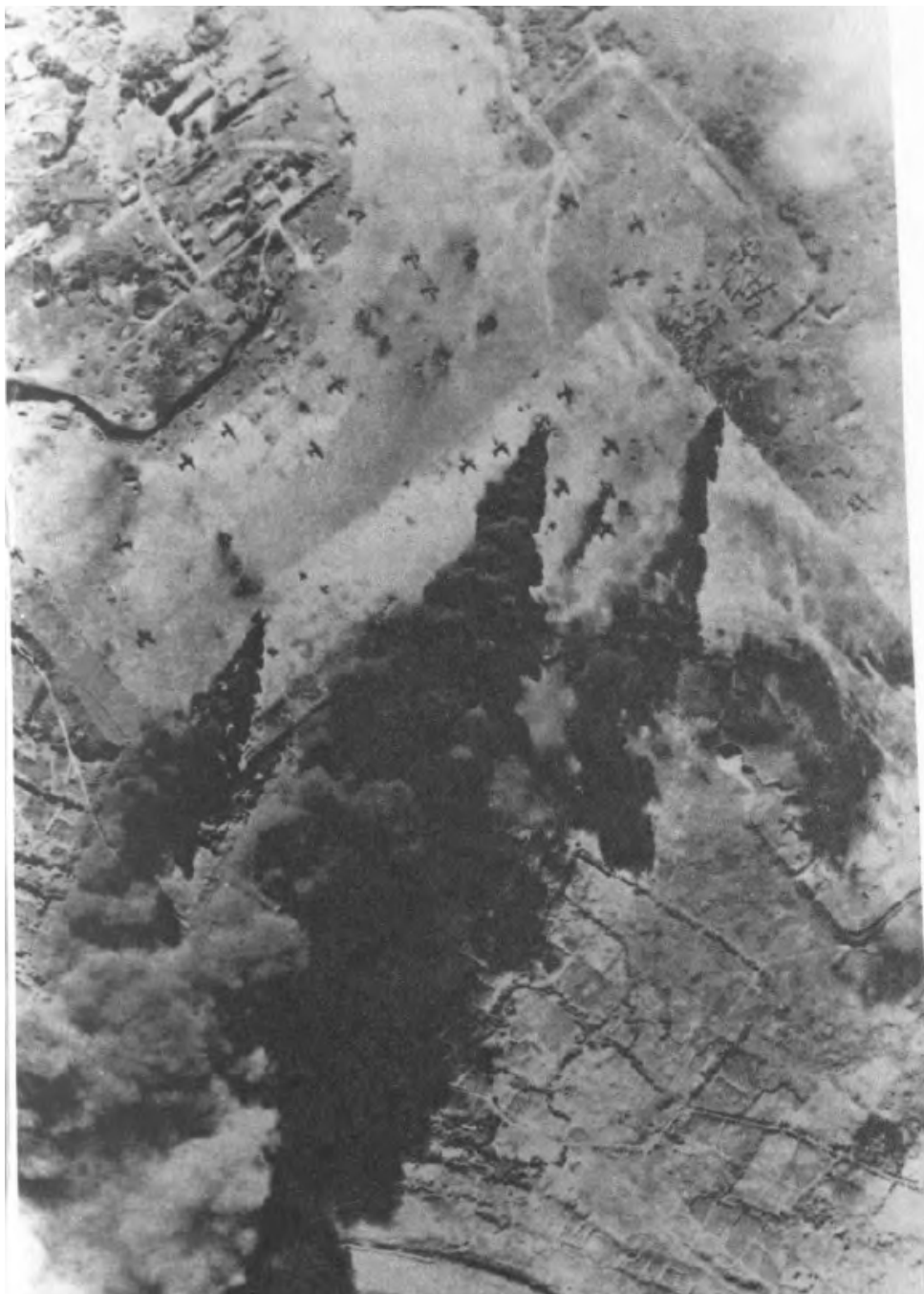
Штабной офицер обратил его внимание: – Это ветеран, Джек, он прошел еще Тараву!

- Я скажу япошкам, чтобы они пощадили его, потому что его нужно будет отправить в музей!

Спустя полчаса солдаты слышали лязг гусениц «ветерана».

Его командир осторожно высунул голову из люка и осмотрел склон на левом фланге роты. Затем он недолго побеседовал с Тиммермансом.

Через несколько минут после этого жидкий огонь пронесся над дырами снайперов. Но рота С не воспользовалась этим шоком, чтобы взобраться на склон, а продвинулась как можно скорее в западном направлении, пока кто-то не закрычал: – Вижу воду!

Воздушный налет на аэродром Мотояма 1 на Иводзиме перед вторжением. Когда американские войска высадились на острове, на этом аэродроме уже не было японских самолетов.

– О'кей, – сказал Тиммерманс. – Теперь мы сначала перекроем здесь остров от берега к берегу. Подумайте о ночи. Вы же знаете, что могут японцы ночью. Завтра на очереди мистер Сурибати-сан...

Когда американцы достигли западного побережья не только в этой одной точке, оперативный штаб отдал боевой приказ двум полкам, до сих пор еще находившимся в резерве на кораблях. 24-й и 26-й полк садились на катера. Еще далеко перед пляжем они попали под сильный обстрел. Курибаяси приказал своим орудиям, из которых до сих пор лишь немногие были уничтожены, стрелять по новой цели. Вода между кораблями и пляжем превратилась в горячий ад. Снаряды разбивали катера, пехотинцы пытались спастись, вплавь добираясь до суши. Мертвецы качались на воде, раненые цеплялись за обломки и взывали о помощи.

На пляже артиллерийский обстрел стихал. Солдаты за счет подходящих десантных катеров смогли вздохнуть, по крайней мере, на короткое время. Только когда катера подошли к берегу, и морские пехотинцы с них побежали вперед по песку, японцы снова перенесли свой огонь на пляж. Корабельные орудия отвечали. К этому моменту многие японские огневые позиции были уже обнаружены. Но все равно было трудно заставить их замолчать по отдельности, даже 356-мм и 406-мм снарядами главного калибра линкоров. На пляже «Желтом» («Beach Yellow»), дальше на севере, где десантировался 23-й полк 4-й дивизии, американцы достигли взлетно-посадочной полосы Мотоямы 1. Отсюда не взлетал уже ни один японский самолет. Несколько истребителей и двухмоторных легких бомбардировщиков стояли уничтоженные на когда-то самом важном аэродроме Иводзимы. Основную часть самолетов, вероятно, японцам удалось своевременно передислоцировать еще до начала американского наступления. Когда американцы собрались к востоку от аэродрома, нигде нельзя было найти ни души. Только расположенные поблизости 20-мм пушки открыли огонь. Американцы искали наилучшее укрытие и ждали команды к штурму. Но такой приказ так и не поступил в этот день. Солдатам дали несколько часов отдыха. Они ели свои пайки, опустошали бутылки с водой, собирали раненых и погибших и относили их на пляж.

Несмотря на сильное сопротивление японцев, плацдармы на суше были в некоторой степени закреплены к концу первого дня, хоть это и стоило больших потерь. Размер занятой территории на юге острова был определен штабом к вечеру того дня примерно в 700 метров, на севере только 200 метров. Но эти цифры не упоминали о том, что важный бастион Сурибати был изолирован на юге. До побережья на западе ни один японец больше не мог пересечь линии 5-й дивизии. И в центре острова 4-я дивизия удерживала под контролем самый важный аэродром, переводила дух, чтобы захватить его окончательно. После того как также резервные полки 4-й и 5-й дивизий были на суше, теперь на Иводзиме находились уже примерно 40 000 американских солдат. Все больше танков, огнеметов, бульдозеров, джипов и других машин доставлялись на берег, вопреки обстрелу. Штабы обустраивались ниже обрывистого берега.

В полночь японцы в сила батальона появились на самом южном краю аэродрома и дико стреляли во все стороны. Они, очевидно, хотели прогнать 27-й полк, который находился в этом районе, и пробиться к восточному берегу, чтобы прорвать фронт в этом месте.

Но американцы окопались настолько хорошо, насколько это было здесь возможно. Они помнили о многих ночах на южных островах, когда японцы всегда пытались добиться успехов в темноте. Специальные группы систематически выпускали сигнальные ракеты, и пулеметчики смогли отразить атаку перебегающих через бетонные взлетно-посадочные полосы японцев, не понеся существенных собственных потерь. Бой продолжался чуть больше часа, затем опасность миновала. Те из атаковавших японцев, кто остался в живых, исчезли во мраке ночи. Мертвые остались лежать. При первом свете нового дня, который на американском военном жаргоне принято называть «День «Д» + 1», части 4-й дивизии должны были окончательно взять в свои руки этот важный аэродром.

Морские пехотинцы 5-й дивизии должны были расширить свой контроль над областью между Сурибати и аэродромом и затем атаковать гору, которую некоторые теперь уже называли «Минометной горой», «Горой плазмы» или просто «Горячей скалой».

Сурибати

Полковник Гарри Ливерседж, на передовом командном пункте 5-ой дивизии морской пехоты, утром 20 февраля выполз из углубления в песке, которое не было достаточно большим для его роста. Ливерседж перенес свой штаб вперед, недалеко от подножия склона Сурибати. Если бы требовалось бить японцев в джунглях южных островов, Ливерседж был бы абсолютным специалистом, в этом деле у него была хорошая практика. Здесь, в пустыне лавы Иводзимы он чувствовал себя не так хорошо. Но что поделать?

Командование еще прошлым вечером приказало силами 28-го полка с 8.30 атаковать черноватый вулканический конус Сурибати, со скудной растительностью только в тех местах, где накопилась земля. Ливерседж больше не доверял полностью своим часам, так как у него было подозрение, что песок мог попасть в корпус и повредить механизм. Поэтому он приказал привести к себе радиста, которого все звали Тед, потому что никто не мог произнести его настоящее имя. Тед был индейцем из племени навахо. Он прошел специальную подготовку, как и несколько сотен других индейцев, которые еще знали языки своих племен.

Американские контрразведчики заранее задумались о возможности того, что японские специалисты могли бы сравнительно легко подслушивать радиотелефонные переговоры сражающихся войск и воспользоваться этим для достижения тактических преимуществ, точно так же, как это делали бы, конечно, и на американской стороне. Было понятно, что с необходимыми знаниями можно было взломать даже самый новый шифр, и поэтому родилась идея, которая была так же оригинальна, как и успешна. Языки коренных жителей Америки были знакомы лишь некоторым очень немногим специалистам. Теперь это целенаправленно использовалось. На особых учебных курсах индейцы из племен сиу и навахо, которые служили в вооруженных силах, получали специальную подготовку радиотелефонистов, и одновременно их обучали специальным выражениям для определенных военно-технических терминов, которых еще не существовало в языках индейцев.

После обучения индейцев распределили по боевым частям и определенным тыловым службам, так что переговоры по радиотелефону стали неожиданно для японцев вестись на языке, который они сочли особенно хитроумным шифром, и их специалисты потратили много времени для его дешифровки, но успеха не добились.

- Сэр, – доложил о своем прибытии Тед, который в военной форме едва ли отличался от остальных солдат, разве что только своим ярко выраженным крючковатым носом. Ливерседж показал ему свои часы, после чего индеец сравнил их с собственными и установил, что они на самом деле отстают.

- Свяжись с командным пунктом пляжа «Зеленый», – поручил Ливерседж индейцу. – Спроси там, когда они откроют огонь. Или же мы должны атаковать эту гору без подготовки?!

Индеец присел на корточки в углублении в песке лавы и установил связь. Он обменялся несколькими непонятными для Ливерседжа словами со своим собеседником, после чего сообщил: 8.30 остается временем начала атаки, сэр.

Генерал-майор Келлер Э. Рокки (с телефонной трубкой), командир 5-й дивизии морской пехоты. Его подразделения прорвались на юге от берега к берегу, захватили Сурибати и затем повернули к северу, где они к моменту окончания боев еще участвовали в захвате Китано-Пойнт.

- А огонь?

- Будет, – ответил индеец совершенно спокойно. Его не так легко было бы вывести из себя. Ливерседж уже собирался поручить ему, чтобы он еще раз переспросил, как тут внезапно с кораблей, стоящих в море далеко от берега, с ревом понеслись тяжелые снаряды. Из местности на пляже доносились выстрелы более легкой дивизионной артиллерии. И затем авианосные самолеты с шипением пронеслись в сторону горы над ждущими в своих укрытиях солдатами. Их ракеты с огненными шарами взрывались в исключительно хорошо замаскированной системе позиций, которая покрывала гору подобно сети.

- В укрытие! – еще смог прокричать Ливерседж, после чего разрывы сделали любое общение невозможным. Роты 28-го полка для защиты от ошибок собственных летчиков выложили перед своими позициями платки для обозначения своего местонахождения. Но они не учли хитрости японцев. Во время артиллерийской подготовки их маленькие группы выползали из своих надежных дыр и похищали желтые платки американцев, так что летчикам было трудно не нанести удар по своим позициям. Полностью избежать таких ошибочных попаданий все же не удалось, но потери оставались в допустимых пределах.

Вопреки ожиданиям, получасовая бомбардировка нанесла японцам на Сурибати совсем небольшой ущерб. У них были месяцы, чтобы подготовиться к нападению и превратить склоны в настоящую крепость. Система разумно сконструированных бункеров давала определенную защиту не только от снарядов, но и от струй огнеметов. Даже маленькие орудия были установлены в скалистых гротах на конусе высотой всего лишь около 180 метров.

Ночью, когда происходили только случайные перестрелки с бродящими японскими патрулями, подразделения 28-го полка были усилены огнеметами и саперами-подрывниками. Саперы принесли подрывные заряды, которые были укреплены на длинных трубах. И то и другое должно было облегчить борьбу с противником. К тому же американцы к этому времени уже получили больше танков, а также полугусеничные бронетранспортеры с 75-мм пушками, пусковыми ракетными установками или огнеметами.

Еще ночью новая техника была распределена, и танки были так же готовы к бою, как пехотинцы, которые сидели под противным холодным морозящим дождем в своих дырах.

Полковник Ливерседж наблюдал за попаданиями на северной стороне Сурибати. Пожары от зажигательных бомб пожирали последние и без того засохшие остатки баньяновых деревьев у подножия возвышенности и скудную траву, которая росла в каменных расщелинах.

Снова и снова очереди из тяжелых японских пулеметов «Намбу» трещали над ждущими солдатами, поднимали вверх фонтанчики песка, попадали в людей, машины, оборудование. Ночью японцы вели себя в большинстве случаев тихо, но теперь они сравнительно точно могли увидеть свои цели, и, кроме того, они знали, что за обстрелом последует атака.

- Пусть сперва выгорит зажигательная смесь! – предостерегал Ливерседж. Он посмотрел на свои часы и вспомнил, что они шли неправильно. Но, собственно, ему они и не были нужны. Атака начиналась в 8.30, командиры роты знали это, и не у каждого были бы проблемы с часами. Впрочем, конец бомбардировки и так стал бы сигналом к началу атаки.

- Ты остаешься возле меня, – приказал Ливерседж радисту, – но не поднимай антенну слишком высоко, а то они узнают тебя.

Индеец кивнул равнодушно. Его характеризовали Ливерседжу как хорошего солдата, но все усилия привить Теодору Ханахоно, как правильно звучало его имя, подтянутый, истинно военный внешний вид, потерпели неудачу. Тед носил

свою форму небрежно, он никогда не стоял навтыжку так, как другие, когда они говорили с офицером. И если его порицали, его лицо никогда не меняло своего выражения. Если гроза миновала, он не говорил ни слова, даже «Так точно, сэр!», как, собственно, предписывал устав. Он просто продолжал стоять и смотрел вдаль, пока его не отпускали. Или наказывали. Также наказание, похоже, ничего для него не значило. Во время своего обучения он своим стоическим спокойствием почти приводил в отчаяние некоторых офицеров. Даже если они отправляли его под арест, он воспринимал такое наказание, просто мягко улыбаясь.

Наконец, из него бросили делать подтянутого дисциплинированного солдата. Черты характера этого индейца просто игнорировали, так как не нашли средств их побороть. Этот солдат должен был выполнить на войне задание, которое было ему предназначено, и для этого ему нужны были не дисциплина и подтянутость, а скорее хитрость. И мужество. То, что у него оно было, в этом не сомневался никто из тех, кто знал его ближе. А тот, кто однажды видел его в драке в столовой, тот и без того больше не мог бы в нем сомневаться. Между тем также Ливерседж знал, что за кажущейся инертностью этого индейца, который раньше заправлял машины на бензоколонке в Огайо и продавал кока-колу, скрывался неустрашимый человек, который не берег себя и никогда не бросил бы на произвол судьбы своего товарища.

Точно в 8.30 морские пехотинцы поднялись из своих укрытий.

Когда он услышал свисток, заставивший солдат вскочить, Фрэнк Уоллес выполз из влажного углубления в песке, в котором провел ночь. Хотя противник вел в его сторону гораздо более сильный огонь, чем он испытал это во время операций на лесистых островах на юге, все же, он радовался тому, что смог сначала на короткое время подняться и распрямить затекшие ноги, прежде чем снова прижаться к земле.

Ночью он передал по радиотелефону индейца первый репортаж в центр связи, находившийся на борту одного из кораблей. Офицер на корабле знал его по прежним сражениям и посоветовал ему: – Только всегда нагибай голову, Фрэнки, там впереди по воздуху летает очень много железа. Первые товарищи уже возвращаются домой, навсегда...

Печальная реальность войны: мертвецы, которые будут отправлены домой, когда это только будет возможно, или, по крайней мере, до Гавайев. В охлажденных контейнерах. Ужасный груз. И раненые...

- У тебя есть цифры? – поинтересовался Уоллес. Хотя он и нарушал запрет, когда передавал такие данные открытым текстом, офицер ответил: – Каждые две минуты одно попадание, Фрэнк. Не все насмерть. Но все-таки люди выбывают из строя...

- Только у нас здесь?

- В среднем.

Позже Уоллес пересчитал. Два солдата за минуту... Он провел беспокойную ночь. Утром Стив Рид подошел к нему и попросил сигареты. Его были испорчены дождем. Уоллес дал ему пачку и посоветовал: – Засунь их в свою камеру, она ведь сухая, да?

- Я надеюсь, что сухая.

Рид хотел быть впереди, когда утром начнутся бои за Сурибати. Этот черноватый конус, плюющий огнем, но в то же время в дыму от сотен взрывов – этот вид представлялся ему интересной фотографией. В дыре, перед которой в это время еще желтый опознавательный платок сообщал летчикам местоположение самой передовой линии, он поделился сигаретами с солдатом, у которого был подрывной заряд на длинной палке. Когда Рид стал осматривать эту штуковину поближе, солдат предостерег его: – Осторожно, они иногда взрываются без предупреждения!

Это был один из зарядов, которые на военном жаргоне назывались «бангалорскими торпедами», один из терминов, перенятых у англичан, которые долго служили в Индии. Рид уже когда-то давно расспрашивал одного солдата, откуда взялось такое название. Солдат только рассказал что-то о пустотелых стволах бамбука, которые в Индии наполняли порохом и протаскивали под проволочными заграждениями, чтобы взрывом проделать проходы. Впрочем, он заметил, лучше было бы спросить Черчилля. Или лорда Маунтбеттена.

Штурмовые группы вскочили и, стреляя, понеслись вперед. Они преодолели несколько метров, затем огонь японцев снова заставил их прижаться к земле. Теперь танки стреляли, несколько закопанных 37-мм пушек вступили в концерт. Под прикрытием этой стрельбы солдаты с контейнерами, полными зажигательной жидкости, ползли вперед, направляли форсунки огнеметов на лабиринт песчаных валов, обломков скал и уничтоженной техники, громоздившийся там перед ними. Они выпускали вперед яркие лучи огня. Воняло бензином, и каждый раз, когда такая струя попадала хорошо направленно или случайно в одну из дыр, в которой лежали японцы, противный смрад сожженного человеческого

мяса смешивался с чадом горючего. Солдаты знали этот смрад с южных островов, они в большинстве случаев не говорили об этом, но каждый знал, если так воняло, то можно было быстро рискнуть сделать как минимум четыре или пять скачков вперед, прежде чем враг снова начнет стрелять.

Огнеметы, вперед! Всякий раз, когда пехота больше никак не могла продвинуться дальше, огнеметы должны были сломить сопротивление японцев.

В 17.00, когда роты прервали атаку, они приблизились в среднем примерно на пятьдесят метров к Сурибати. Плохой итог.

Новая ночь с холодным дождем, который проникал через одежду. Песок прилипал солдатам к лицу, хрустел между зубами, когда они раскрывали коробку с

пайком и проглатывали холодную колбасу, галеты и плодово-ягодное пюре. У тех, кому повезло, сохранились еще сухие сигареты.

Утром все снова началось сначала: артиллерия и авиабомбы, ракеты и жидкий огонь по Сурибати. Иногда снаряды взрывались на удалении не больше ста метров от линий американцев. Продвигаться вперед было трудно. Полковник Ливерседж приказал повернуть подразделения на флангах, так что вокруг Сурибати все более сжималось кольцо, и выход из кольца был только к югу. Но на юге здесь находилось море.

Японский беспокоящий огонь по позициям и полосам побережья не прекращался всю ночь. А также из бесчисленных артиллерийских позиций, пулеметных гнезд и стрелковых ячеек сыпался смертоносный град на американские линии у подножия конуса.

Между тем к Ливерседжу прибыли еще малые танки и огнеметы. Он созвал своих офицеров ночью и объяснил им новую наступательную тактику. В принципе, это была только приспособленная к изменившейся ситуации старая тактика, которую применяли уже на Тараве и Гуадалканале: систематически концентрированно атаковать одну позицию за другой с использованием огнеметов и подрывных зарядов, уничтожать их, и при этом разрушать имеющиеся там траншеи, туннели, которые вели к соседним позициям, пещеры, в которых прятались обороняющиеся, подземные проходы, через которые они убегали.

- Так и никак иначе мы сможем продвинуться вперед, – объяснял Ливерседж своим подчиненным. – Кропотливая работа. От бункера к бункеру, от одной стрелковой ячейки к другой. Кстати, я думаю, что так нам придется поступать на всем проклятом острове, иначе япошки еще долго день за днем будут играть с нами в кошки-мышки!

Утром после первого хаотичного дня высадки и беспокойной ночи добравшиеся до края большого аэродрома Мотояма 1 полки 4-й дивизии после короткой огневой подготовки поднялись из своих укрытий и последовали за ползущими с трудом по песку танками.

Японцы, которые защищали аэродром, стреляли из всех имеющихся у них стволов, подрывали мины и взорвали здание, но морских пехотинцев нельзя было задержать. Это было классическим заданием для них: штурмом вышвырнуть противника с его позиций – в этом они были мастерами, тогда как в обороне они чувствовали себя довольно неуютно.

Этим утром они разгромили буквально все, что противостояло им. Территория была в их вкусе – равнина, твердо утрамбованный пепел лавы, бетонные взлетные полосы. Несколько танков было потеряно из-за мин, и так как здесь было мало укрытий, также пехота понесла более высокие потери, чем опасались, но вечером аэродром прочно был в руках американцев. Уже скоро отсюда смогли бы взлетать первые В-29 в направлении Японии.

Теперь одна треть острова была под американским контролем, даже если уничтожение еще сохранившихся очагов сопротивления потребовало бы значительного времени и стоило бы человеческих жизней. Снова и снова струи зажигательной жидкости сверкали из огнеметов сквозь мокрую от дождя темноту, если какой-то спрятанный пулемет внезапно начинал стрелять. Нападения на отдельных солдат увеличивались. Американцы сражались ожесточенно, даже ножами и саперными топориками, и они смогли удержать всю южную часть острова в некоторой степени под контролем. Линия фронта проходила примерно в пятидесяти метрах к северу от Мотоямы 1, когда на Сурибати бои перешли в финальную фазу. И между Мотоямой 1 и расположенным севернее вторым аэродромом Мотояма 2 расстояние составляло всего двести метров.

Также полки 4-й дивизии сильно поредели после захвата аэродрома. Всю ночь напролет погибших и раненых относили на пляж. И на транспортах находящейся в резерве 3-й дивизии из корабельных динамиков раздавалось сообщение: «Привет, ребята, если вы подумали, что остров захватили только 4-я и 5-я дивизии, то вы ошиблись! Мы еще будем нужны. Япошки обороняются. Устраивайте ваши дела, утром 21-й полк первым садится на катера...»

Три понесших большие потери полка стояли в это время на линии, которая тянулась через остров с юго-востока на северо-запад. Перед ними лежал второй аэродром, а затем начинались скалистые возвышения, низкие поля пепла, изрезанные ущельями равнины с брошенными серными шахтами. Они воняли даже еще хуже, чем шахты на юге; земля дымилась как адская бездна. Морские пехотинцы комментировали это по-своему. Джордж Уайт, который принимал участие в штурме аэродрома Мотояма 1, записал для себя слова одного сержанта: «Когда Бог создавал ад, он, должно быть, знал Иводзиму».

Огнеметные танки. Комбинация двух видов оружия, которая хорошо проявила себя на Иводзиме.

Утром пятого дня после высадки на берег Джордж Уайт снова был на южной оконечности, где полковник Ливерседж приказал атаковать вершину Сурибати, событие, которое Уайт не хотел упустить. Этот вулканический конус царил над островом до утесов на севере, и пока с него могла стрелять хотя бы только одна пушка, опасность на равнине между аэродромами не была устранена. Говорили, что из Сурибати при относительно ясной погоде можно было невооруженным глазом разглядеть лабиринт скал на севере, где у генерала Курибаяси был командный пункт.

- Посмотрим, – заметил Ливерседж. Он был довольно лаконичен, когда Уайт опрашивал его, так как он заметил, что эта проклятая гора прямо-таки пожирает его людей. Потери росли. Хотя американцы и поднялись несколько выше по склону, но сопротивление еще далеко не было сломлено. Число случаев, когда японцы бросались на американских солдат из незамеченных до сих пор пещер, иногда вооруженные только большим камнем или ржавым штыком, возрастало. Танки больше не могли применяться здесь наверху, и огнеметчики спешили от одного входа туннеля к другому, от одного бункера к следующему.

- Наша рота Е возглавляет атаку, – разъярялся Ливерседж корреспонденту. – Она еще не понесла такие большие потери, как другие роты. 2-й батальон, можно сказать, еще вполне в порядке. Вы можете пойти вперед с ротой Е, если хотите быть впереди. Доложите о себе лейтенанту Шрайеру. Он командует ротой, и у него уже есть три других корреспондента при себе.

- Позвольте мне угадать, – засмеялся Уайт, – это Уоллес и Рид...?

- И Джо Розенталь, – дополнил Ливерседж. – Довольно многие хотят попасть сюда. Но ведь и такую гору как Сурибати тоже не захватывают каждый день.

Это было 23 февраля, когда штурмовой отряд роты Е, численностью около сорока человек, под командованием еще очень молодого лейтенанта Гарольда Шрайера из Монтаны, двинулся в направлении вершины.

В тяжелом рукопашном бою с японцами американцам удалось добраться до этого места, и теперь постепенно можно было обеспечить защиту склона, лежащего за спиной морских пехотинцев. Теперь солдаты штурмового отряда ползли в стороне от протоптанных тропинок, которые повсюду были заминированы, через голые скалы и острую гальку наверх, пока другие прикрывали их сильным огнем, который должен был помешать оставшимся японцам высунуться из своих дыр.

До края кратера оставалось лишь примерно шестьдесят метров. Там была последняя оружейная позиция японцев, маленькая траншейная пушка стреляла оттуда вниз шрапнелью. Снайперы значительно сократили число японских артиллеристов за последние дни, но там наверху, по-видимому, все еще находилась замена погибшим.

- Помедленней, парни, – предостерег Шрайер своих солдат, когда он увидел, что некоторые вскочили и понеслись вперед. Он видел, что распределенные вокруг горы подразделения полка систематически подвергали нижние части склона длительному обстрелу, чтобы предотвратить внезапные огневые налеты из не замеченных прежде стрелковых ячеек на его штурмовой отряд. Корреспонденты, солдатские качества которых он оценивал не слишком высоко, находились в хвосте отряда. Понятно, что они хотели принять участие в захвате Сурибати; здесь решалась, вероятно, судьба острова. Но до берега на севере был еще долгий путь.

Шрайер заметил, что разрозненный оборонительный огонь заставлял солдат следовать его указаниям точнее, чем они делали бы это в иных случаях: не ступать на протоптанную дорожку, перед каждым утесом сначала спрятаться,

затем осторожно, с готовым к использованию оружием, выглянуть над краем, потом быстрым скачком преодолеть преграду, сразу прижаться к земле, и никогда не терять местность из виду.

Время от времени, так это выразил Джордж Уайт в своей заметках, ад раскрывался, выплевывал из расщелины в скалах или спрятанного входа в пещеру японца, который тут же принимался стрелять. Уайт описывал день как сухой, но довольно прохладный, и воздух был полон смрада серы, смешанного с пороховым дымом. Отсюда можно было добросить камень до вершины, думал он, когда наблюдал за солдатами, которые, нагнувшись, шли вперед: стреляя, высматривая, снова и снова удостоверяться в том, что их товарищи рядом. Он был настолько очарован решающим штурмом на убогой вершине этого угасшего вулкана, что он не заметил, как за ним внезапно из щели в скале появился японец и совершенно спокойно прицелился в него из огромного револьвера.

Стив Рид обнаружил происходящее через видоискатель своего фотоаппарата. Он сразу прокричал предупреждение, но Уайт не слышал его, и японец выстрелил еще до того, как Джордж Уайт понял, что случилось.

Пуля попала ему в затылок, он умер мгновенно. Несколько американских солдат, которые в последний момент заметили, что там происходило, начали стрелять в японца. Они стреляли даже тогда, когда он был уже давно мертв. Только когда их беспомощная ярость немного утихомирилась, они повернулись к камням, из-за которых он вылез. Они нашли еще двоих японцев в убежище. Один бросил гранату, прежде чем американец смог направить свой огнемет на него. Стив Рид заметил, что что-то со звоном ударило о его камеру, как будто бы кто-то хотел выбить ее у него из рук.

Когда он слегка наклонил ее, чтобы посмотреть на объектив, его там больше не было. Оправа свободно болталась, вытяжной мех был разорван. Он быстро спас кассеты фильма, которые казались неповрежденными, и только тогда он громко и яростно выругался, как может ругаться только фотограф, который стоит перед главным снимком всей своей жизни, и в этот момент у него нет фотоаппарата.

Пулеметная очередь с позиции на вершине заставила его броситься на землю. Японцы построили там что-то вроде плато во внутренней стене кратера и поставили туда 37-мм пушку, которая, правда, была уничтожена при авианалете. Траншейный миномет был еще исправен, но для него не было боеприпасов, лишь один ручной пулемет еще мог стрелять. Но солдаты лейтенанта Шрайера были уже так близко к кратеру, что они могли бросать ручные гранаты. Шрайеру даже больше не потребовалось приказывать, один из его солдат вставил

взрыватель в гранату, совершенно спокойно отсчитал три секунды и затем бросил ее настолько умело над краем кратера, что она взорвалась в воздухе и убила обоих японцев за пулеметом.

Шрайер дал подождать еще несколько минут. Время от времени один из его солдат пытался заставить еще оставшихся, возможно, в живых японцев стрелять. Для этого он быстро поднимался и сразу снова падал вниз. Но ничего больше не двигалось.

- Они мертвы! – крикнул Шрайер, который первым пополз по краю и заглянул вниз через неровный край.

- Мы справились!

Солдаты поднимались, осторожно еще, так как они не забыли о смерти корреспондента. Но между тем последующие подразделения приступали к подъему, и, наконец, солдаты, которые стояли на самом верху, обнимались, озорно, немного ошеломленно, также от чувства, что они пережили этот бой. Лейтенант Гарольд Шрайер расстегнул рубашку и обнаружил маленькую тайну, которую он донес до самой вершины: сложенный американский флаг. Командир полка, подполковник Джонсон, дал ему его утром и лаконично сказал: «На тот случай, если там наверху нет ни звезд, ни полос!»

- Разложи его! – посоветовал один из солдат.

Другой шутил: – Стой на месте, подними его повыше и держи!

Но тут кто-то из солдат уже обнаружил, что японцы укрепили свою позицию железными трубами. Он оторвал кусок такой трубы. Они привязали к ней флаг, и Джо Розенталь, запыхавшись, прибежал с камерой в руке, чтобы сделать первую фотографию американского флага на Сурибати.

Стив Рид стоял неподалеку и тихо ругался. До тех пор, пока Джо Розенталь не сделал второй снимок солдат со знаменем для него и передал ему кассету с плоской пленкой со словами: – Неужели ты подумал, что я думаю только о конкуренции, после того как они здесь наверху почти не отстрелили яйца нам обоим?

Точно в двадцать минут одиннадцатого навахо Тед, сидя у подножия Сурибати, передал на языке своих предков сообщение генералу Холланду М. Смитту:

«От 5-й дивизии морской пехоты, 28-го полка, роты Е, 3-й взвод, командованию: Взвод первого лейтенанта Г.Г. Шрайера поднял американский флаг на горе Сурибати и занял ее вершину».

Холланд М. Смит схватил бинокль и долго смотрел на вулканический конус, который сегодня можно было хорошо видеть. Затем он заметил: – Прекрасный результат. Только вот флаг слишком мал. Его почти не видно.

Самая знаменитая и больше всего напечатанная в американских газетах фотография Второй мировой войны: На горе Сурибати после ее захвата поднимается американский флаг. Фотографом был Джо Розенталь из «Ассошиэйтед Пресс».

Несколько позже связной принес на вершину новый, гораздо больший американский флаг. С ним прибыл капитан, который произнес под флагом речь, в которой он поблагодарил солдат от имени адмирала Тёрнера и генералов Шмидта

и Холланда М. Смита. Капитан выглядел несколько комично – он потерял по дороге свою каску и при прыжке в укрытие разорвал зад брюк, так что теперь через дыру можно было видеть голую, очень светлую кожу.

Лишь позже обстановка снова стала серьезной, когда католический армейский капеллан вскарабкался на вершину и настоял на том, чтобы провести службу. Ему пришлось подождать, пока несколько солдат из лежащих вокруг камней соорудили что-то, что они назвали алтарем.

Между тем Джо Розенталь сделал еще одну фотографию нового большего флага на Сурибати. Он расставил солдат для этого точно так, как он хотел – фотография с «золотым сечением», идеальная предпосылка для того, чтобы ее опубликовали на первой странице, в «Yank», в «Life» или в других изданиях. Но и этого было мало. Корпус морской пехоты к полудню прислал еще кинооператора по имени Билл Генауст, и он запечатлел то, что уже лежало у Розенталя как фотография в коробке, еще раз с несколькими солдатами, попросил положить трубу с флагом на землю и затем установить заново, пока он все это снимал.

Когда Генауст закончил, он гордо объяснил, что использовал цветную пленку, что не вызвало, однако, большой реакции у участников.

Розенталь уже отослал негатив со связным на корабль – для проявки. И Стив Рид после всех этих торжеств спросил себя, не получил ли он, вероятно, в подарок от Розенталя единственную настоящую, первую фотографию – пусть даже флаг на ней был несколько поменьше.

К этому моменту морские пехотинцы 28-го полка не знали, что в системе туннелей у подножия Сурибати спряталась еще одна маленькая группа японских солдат под командованием капитана Самадзи Инойе. До сих пор необнаруженные, они могли наблюдать за тем, как американцы устраивались на вершине.

У этой туннельной системы один из выходов находился очень далеко. Капитан Инойе написал последнее печальное донесение своему главнокомандующему Курибаяси, находившемуся в северной части острова. Он сообщил ему, что Сурибати пал после пяти дней тяжелых боев, и он сам как офицер не хотел бы пережить этот позор. Он отправил с донесением связного, который даже достиг своей цели. Инойе удалился в нишу туннеля и выпустил себе пулю в висок. Остальные солдаты решили продолжать борьбу до конца. Они были, наконец, убиты во время продолжающихся еще весь следующий день зачисток.

5-я дивизия морской пехоты потеряла в боях за командную высоту острова в целом 895 солдат.

Генерал Курибаяси следил через стереотрубу за последней фазой боев за вершину Сурибати. Когда там развевался американский флаг, ему стало ясно, что судьбу острова больше нельзя было задержать. Он отдал солдатам в уже занятых американцами районах приказ пробиваться на север. Здесь – согласно приказу – все солдаты должны были защищать свои позиции и свою честь до смерти и вывести из строя столько американцев, сколько только будет возможно, прежде чем они сами отправятся к предкам.

Когда он приказал распространить этот приказ, первые технические специальные подразделения морской пехоты уже прибывали на Сурибати. Специалисты с оптическими устройствами, которые могли засечь вспышку от выстрела орудия. С этого замечательного наблюдательного пункта они лучше, чем на любом острове с джунглями, могли бы локализовать японские орудия и минометы и корректировать действия собственной артиллерии.

Пятый день на Иводзиме стал переломным моментом для американских войск.

Палубный бомбардировщик «Грумман» «Авенджер» над Сурибати. Он больше не подвергается обстрелу, так как к этому времени юг Иводзимы уже был очищен от врага.

Холмы смерти

В центре острова, на аэродроме Мотояма 1, между тем ничего особо не изменилось, лишь прибыл 21-й полк 3-й дивизии. Свежие силы из резерва, которые безотлагательно приступили к наступлению на стыке между 4-й и 5-й дивизиями.

На обоих флангах соседние полки тоже атаковали: на западе 26-й и 27-й, и на востоке 24-й и 25-й, хотя и понесшие потери в боях первых дней, но за это время усиленные новым тяжелым вооружением. В этой пустоши из черноватого песка и камней перед американцами лежала линия укреплений, которую японцы с использованием всех природных возможностей протянули сквозь остров с юго-востока на северо-запад.

Меньший аэродром Мотояма 2 лежал в несколько холмистой местности, равнина и скалистые плато сменяли здесь друг друга. Холмы здесь обычно были высотой не более пятидесяти метров, лишь у северного берега они снова достигали уровня Сурибати. Поэтому некоторые военные при оценке территории на картах говорили о миниатюрных горах. Тем не менее, в реальности эти холмы с их утесами и рифами не следовало недооценивать, тем более что генерал Курибаяси приказал превратить их в серьезный барьер с хорошо замаскированными траншеями и позициями.

Подразделения на флангах должны были продвигаться вперед вдоль побережья по песчаному грунту, в котором солдаты проваливались по щиколотку, мимо утесов и холмов, тогда как в центре необходимо было захватить аэродром Мотояма 2. Только за этим должна была последовать умело укрепленная Курибаяси территория с его самыми сильными резервами.

Итак, на шестой день после высадки линкоры «Айдахо» и «Пенсакола» начали обстрел аэродрома и японских позиций, построенных на его флангах и к северу от него.

С шумом разрывов сорокасантиметровых снарядов очень скоро смешался грохот гаубиц и ракетных пусковых установок. Также самолеты, специально вооруженные для этого ракетами, вмешались в бой, хотя ударная группа TF 58 адмирала Митчера с ее быстроходными авианосцами уже снова двигалась на север, так как необходимо было опять атаковать Токио. По мнению главного командования, в этой критической фазе, когда шла борьба за возможность атаковать Японию с воздуха днем и ночью, японской столице нельзя было давать ни минуты спокойствия. Но перед Иводзимой еще стояли авианосцы, которые не принадлежали к группе Митчера.

Самые высокие холмы у Мотоямы 2 и севернее получили тактические обозначения 382 или 382А. Еще севернее, уже в пределах видимости побережья, изрезанные ущельями вершины назывались 362В и 362С. Собственно, пустые обозначения без указания высоты, которые, однако, для многих американцев в течение следующих дней стали местами незабываемых боев или отметили последнюю часть жизни кого-то из солдат.

Фрэнк Уоллес прибыл сюда с Сурибати. Несколько позже появился также Стив Ред, как раз своевременно, чтобы лично испытать атаку 5-го танкового батальона, который наносил удар с южного конца западной взлетно-посадочной полосы.

Как и солдаты, Стив Рид сидел на «Шермане», когда войска двинулись вперед. Хотя маленький аэродром и не использовался, он, однако, имел значение для последующих боевых действий американцев, так как такой объект в тылу продолжавшей наступление армии означал значительный риск.

Фрэнк Уоллес сидел на другом танке. У него был с собой один из удобных карабинов «Гаранд», взятый им по настоятельной рекомендации командира танка. Он беседовал с ним перед атакой. Танкист был родом из Айовы, штата-житницы, он еще в молодости научился водить трактор, и он прошел много боев на отдаленных островах, прежде чем его направили сюда со своей частью.

- Будь очень внимателен, – строго внушал он Уоллесу, – эти типы могут дать нам проехать через свои окопы, или они сидят в убежищах, которые ты не узнаешь при всем желании. И когда мы проедем, они стреляют. Просто нагнуться – это тут не поможет. Единственное средство – стрелять по ним в ответ, тогда они втягивают головы. Но стрелять в ответ ты сможешь только в том случае, если они сами не попали в тебя раньше, ясно?

- Ясно, – подтвердил Уоллес. Танкисты любили возить пехотинцев на своей «спине». В остальном, их девиз звучал так: прорвать оборону, дико стрелять вокруг себя, пройти вперед как можно дальше, а все остальное предоставить следующей за ними пехоте.

- И потом, – продолжал танкист, – ты должен знать, когда время спрыгивать. Как только противотанковая пушка попадет в нас – прочь с танка!

Это Уоллес знал по прежним боям. Маленький, маневренный танк с эффективной 75-мм пушкой и 100-мм бронированием всегда хорошо проявлял себя. Но у него была одна обусловленная конструкцией слабость: если противотанковая пушка попадала в него так, что ее снаряд пробивал броню, для пяти членов

экипажа не было спасения, и сидевшие на его броне пехотинцы должны были спрыгивать как можно скорее. Боеприпасы хранились в танке довольно высоко, и при попадании в это место корпуса почти всегда сразу происходил взрыв. Уоллес видел такие обломки. Если сидевшие на броне танка пехотинцы при этом оставались в живых, это было очень большой удачей.

Чтобы защитить этот во всем остальном очень хороший танк от опасности, бронирование на новых сериях было усилено до 150 мм, кроме того, боеприпасы лежали ниже в нише корпуса и крепления для снарядов были еще раз особенно забронированы.

- У нас всего этого еще нет, – пытался успокоить Уоллеса командир танка, – но нам всегда везло, начиная с Таравы.

Они продвинулись примерно на сто метров рядом с ведущей на юго-восток взлетно-посадочной полосой. Уоллес увидел, как Рид при первом выстреле вражеской противотанковой пушки спрыгнул со своего танка и искал укрытие. Свою новую камеру, которую он получил лишь несколько часов назад, он держал на уровне лица.

Он вел себя так, как будто бы хотел сфотографировать танк, на котором он только что сидел, подумал Уоллес. Но затем он внезапно увидел, как на лобовой броне машины блеснула яркая молния. Спустя доли секунды танк взорвался. Первый снаряд противотанковой пушки пролетел мимо. Но Рид, похоже, предвидел, что второй попадет в цель.

Огонь винтовок, треск пулеметов и лающие выстрелы противотанковой артиллерии смешивались с лязгом танковых гусениц и стрельбой танковых пушек. Широкая взлетно-посадочная полоса, защищенная только невысоким заграждением из колючей проволоки, находилась точно под прицелом нескольких хорошо замаскированных японских противотанковых орудий. И когда танки уклонились на песчаную территорию рядом с бетонной взлетно-посадочной полосой, они столкнулись с еще одним неприятным сюрпризом. За несколько минут три «Шермана» наехали на мины и вышли из строя.

Справа и слева волнистая поверхность из песка лавы. Несколько дальше на севере высота 382А, с которой, в основном, и стреляли японцы. На песке или на взлетно-посадочной полосе – танки поворачивались все более осторожно, пока не были повреждены следующие машины и атака застопорилась. Очевидно, ни артиллерия, ни авиация не смогли своими бомбами и снарядами нанести существенный вред этому холму.

Командир батальона лихорадочно вызывал по радио бомбардировщики. Они прилетели позже обычного, и мало что смогли сделать. Японцы снова затащили свои противотанковые пушки назад в пещеры. Бомбы поднимали пыль лавы, но они не могли достать противника.

Один час все продолжалось в том же духе. Число раненых, которых нужно было спасти под огнем, росло. Несколько танков целились на вспышки выстрелов на холме, и, вероятно, они также попадали в цель, но огонь не ослабевал.

Командир батальона сообщил о ситуации в штаб, и очень скоро поступил приказ отходить. Уоллес как раз думал о том, что японцы, вероятно, использовали для бетонирования взлетно-посадочных полос песок лавы, так как трасса выглядела почти черной, когда командир его танка закричал: – На танк, быстрее!

Также Рид снова влез на одну из отходящих машин. Он сделал несколько хороших снимков. Так он сфотографировал еще дымящий танк, чья-то рука высовывалась из трещины в броне, через которую легко мог бы пролезть человек.

На Иводзиме было большое количество японских легких зенитных пушек. Закопанные пушки должны были использоваться также в наземных боях. На фотографии изображена захваченная орудийная позиция.

Но никто не вышел, и рука была единственным, что еще напоминало об экипаже. Привет из потустороннего мира. Лишь позже Рид вспомнил, что он перед отъездом пожимал руки всем членам экипажа.

Они отошли к участку, с которого 21-й полк на рассвете начал наступление. На полчаса позже они атаковали снова, на этот раз с востока.

Здесь также были густые минные поля, но противотанковая артиллерия не была так успешна, и пулеметные гнезда очень скоро стали жертвами огнеметов, так что батальон хоть и продвигался вперед с трудом, но все-таки больше не останавливался.

До тех пор, пока они затем внезапно не натолкнулись снова на холм, который образовывал почти настоящий полукруг и был полон противотанковых пушек. Один из танкистов окрестил его «амфитеатром». Сначала батальон стрелял по позициям противотанковой артиллерии с безопасного расстояния, пока самолеты не вернулись снова и не сбросили на холм желеобразную зажигательную смесь. «Амфитеатр» превратился в огненный ад, и когда пламя затухло, танки смогли рискнуть прорваться. Они достигли места, в котором встречались обе взлетно-посадочные полосы. Там уже появились рядом с танками первые пехотинцы 21-го полка, стрелявшие на бегу. Дивизионная артиллерия проснулась от своего временного сна и накрыла мощным огнем японские позиции на холмах вместе с «амфитеатром».

До вечера морские пехотинцы, поддержанные танковым батальоном, продвинулись примерно на триста метров. Ввиду ожесточенного сопротивления японцев это было значительным расстоянием. При последнем свете дня Рид сфотографировал, как морпехи выкапывали пулеметные гнезда в песке по ту сторону взлетно-посадочной полосы. Они должны были защищать захваченную местность ночью.

На пляже был, между тем, уже достигнут высокий уровень организованности. Возможно, бои внутри острова, которые требовали всего внимания японцев, способствовали тому, что беспокоящий огонь ослабевал. Артиллерия доставлялась на берег, устраивались центры управления, появлялись перевязочные пункты и склады продовольствия и боеприпасов, закопанные наполовину в песок.

Вечером генерал-майор Гарри Шмидт попрощался с капитаном «Обёрна», на котором до сих пор работал штаб Пятого десантного корпуса, и отправился на пляж, чтобы занять свой новый командный пункт.

- Ты уже заметил, что только весьма редко можно увидеть мертвых японцев? – поинтересовался мимоходом Стив Рид у Уоллеса, когда они сидели в ста метрах к востоку от западной взлетно-посадочной полосы Мотоямы 2 под защитой скалы и ели свой паек, состоявший из галет, колбасы и бананового концентрата.

Огонь стих. Совершенно темная ночь, небо закрыто темными облаками, из которых, однако, не пролилась ни одна капля.

О том, что почти не находили трупы японцев, также едва ли находили остатки их вооружения и оснащения, Уоллес уже раньше говорил с командиром одной из рот 21-го полка. – Он объяснил мне, что почти все их убежища связаны друг с другом туннелями, ответил он на вопрос Рида. – Поэтому они могут уносить раненых или погибших, куда-нибудь, где в данный момент все тихо, или где у них есть сборные пункты. Как раз в пещерах.

- То есть, также под нашими ногами мог бы проходить такой туннель, и если бы они хотели, они могли бы взорвать нас в воздух...

Уоллес сухо объяснил ему: – Ты делаешь успехи в логике, дружище. Вероятно, они этого не делают только потому, что им понадобится этот туннель завтра, чтобы ударить нам в спину, как только мы атакуем...

- Хорошенькое утешение!

Рид протянул ему сигарету. Пока они курили, появился солдат 25-го полка и несколько удрученно спросил: – Вы видели танки?

Они указали ему дорогу, и он простился с замечанием: – Хочу поискать моего брата...

Когда он через полчаса снова проходил мимо обоих, Уоллес простодушно спросил: – Ну как, нашел?

Солдат не отвечал. Он шел с постоянно опущенной головой и исчез в темноте.

- Проклятая война, – произнес Рид.

Уоллес согласился с ним. – Я тоже буду чувствовать себя лучше, когда я снова смогу писать о разведении кур или о торжественном открытии водоподъемной плотины!

Рид доверился ему: – Завтра я договорился с Кэри, получу удовольствие от этого дня.

- С капитаном?

Рид кивнул. Том Кэри был летчиком, которого они знали еще с боев в южной части Тихого океана. Он со своей машиной, которая была, собственно, самолетом гражданской авиации, высокопланом с вместительной, роскошно остекленной кабиной, использовался как наблюдатель, преимущественно для корабельной артиллерии. Но иногда он уже летал с генералами над штурмуемыми островами, доставлял личные и совершенно секретные сообщения или перевозил виски и сигареты с авианосца в штаб-квартиру кого-нибудь генерала на сушу. Рассказывали, что он возил на своем самолете одну знаменитую комедиантку, которая выступала перед солдатами в Тиниане, на следующий день до Рабаула и обратно. При этом ему пришлось спастись в облаках от двух японских истребителей. Некоторые люди подозревали Тома Кэри в том, что он даже привозил девушек легкого поведения из Австралии, которые тосковали по своим друзьям в генеральском звании. Слух, который упорно держался, хотя его длинноногая «птица» никогда не смогла бы преодолеть такое расстояние, уже только по одной той причине, что по пути не было возможности для дозаправки.

Том Кэри спокойно воспринимал такие истории. Он молчал, усмехаясь, так как ему нравилось, когда люди приписывали ему всё возможное. Он называл свой самолет «L-27», причем никто точно не знал, какой именно авиазавод выпустил этот бывший гражданский самолет, и кто, собственно, доставил его в Корпус морской пехоты. Об этом тоже ходил только слух: якобы какой-то генерал резерва из богатой семьи в начале войны отправился на военную службу со своим личным самолетом, и ни одному японцу до сих пор не удалось сбить эту странную «птицу». L-27 был первым американским самолетом, который утром седьмого дня вторжения приземлился на Мотояму 1, посреди всякой техники, развалин, американских солдат, ищущих спрятавшихся японцев, и технического персонала, который, с одной стороны, старался не попасть под пули еще оставшихся здесь и продолжавших сражаться в одиночку японских бойцов, и, с другой стороны, уже занимался подготовкой для размещения на аэродроме бомбардировщиков B-29 из воздушного флота генерала Лемэя.

В углу аэродрома, где еще стояли несколько низких строений японцев, уже лежала куча гофрированных стальных листов, из которых саперы должны были строить дома для техников и персонала управления. Стив Рид ждал в углублении рядом со взлетно-посадочной полосой, в котором когда-то стоял японский пулемет. Треножный станок еще был здесь, оставшееся, вероятно, разделили между собой охотники за сувенирами, но, возможно, что сами японцы забрали с собой свой пулемет.

В одном из полуразрушенных невысоких японских строений саперы, которые должны были все расчистить и, в первую очередь, устранить возможные мины-ловушки, нашли систему для водоподготовки. Очевидно, японцы, чтобы справиться с нехваткой питьевой воды на острове, придумали процесс, как с помощью дистилляции превращать морскую воду в питьевую и техническую воду. Части испарителя сохранились. Саперы рассказывали Риду, пока он ждал Кэри, что они уже находили похожие устройства на западном побережье, более или менее уничтоженные. Впрочем, у американской армии на острове, как только он будет окончательно захвачен, тоже возникли бы проблемы с питьевой водой. Перевозка больших объемов пресной воды, в которых современная армия нуждается ежедневно, стала бы слишком большой нагрузкой для транспорта, поэтому американцы собирались строить устройства, похожие на те, которые использовали японцы, по крайней мере, для технической воды. Но пока на острове не наступило окончательное спокойствие, эту технику устанавливать нельзя. Однако цистерны, в которых должна была перевозиться морская вода, уже стояли на плацдармах «Зеленый» и «Красный».

Рид уже увидел L-27, когда он подлетал с востока. Здесь, кажется, больше не было японской зенитной артиллерии, так как самолет снижался беспрепятственно. Правда, пилот должен был совершать с ним настоящие чудеса, чтобы не столкнуться с еще всюду лежащими обломками разбитой военной техники и другого оборудования.

Но Тому Кэри приходилось уже садиться и в куда худших условиях. Он приземлил длинноногую «птицу», притормозил, и затем покатился зигзагообразным курсом к куче гофрированных стальных листов.

- Никакого комитета по торжественному приему? – каркающим голосом сказал он, когда вылезал из машины и увидел кроме Рида только нескольких стоявших, нагнувшись, военно-морских строителей, так называемых Seabees, «морских пчел», которые пристально смотрели на него, как будто бы он прибыл из другого мира.

- Никакой торжественной встречи с музыкой, братишка. Смотри, чтобы ты снова быстро поднялся в воздух, иначе они расстреляют тебе твою игрушку, еще до того, как ты успеешь помочиться на песок.

Капитан, большой мужчина с широкими плечами, был человеком добродушным и уже достаточно долго был в армии, чтобы уметь обращаться с солдатами. Он приветливо кивнул строителям и крикнул: – О'кей, ребята, за то, что вы здесь делаете, вы все заслужили по кружке пива. Я передам его сюда с первым же В-29, который здесь сможет приземлиться.

Затем он повернулся к Риду. – Привет, Стив! Давно тебя не видел, давно тебя не слышал – что ты, человек цивилизации, делаешь в этой дикой стране без баров и девочек?

Рид, достаточно давно знакомый с гротескным юмором Кэри, ответил ему в таком же духе. – Смотрю, как brave американские вояки ведут войну против желтых людей, которые и начали всю эту хрень! Мы прямо сейчас полетим?

- Нет, – ответил Кэри с ухмылкой, – мы сначала сделаем сувенирную фотографию летчика-аса Кэри на японской Иводзиме, для мамы, и папы, и детишек...

- Стань перед своей вороной! – попросил его Рид. Он боялся, что японцы, которые иногда еще появлялись, могли бы выбрать его и Кэри своей мишенью. Поэтому он с облегчением вздохнул, когда, наконец, смог нажать на спусковую кнопку фотоаппарата.

- Так, а вот теперь полетим!

Кэри с удовлетворением рассмеялся и похлопал его по плечу. – Сейчас, парень, мне только нужно на минутку отойти за эти металлические листы.

На полчаса позже, после тряского взлета, которому лишь несущественно помешали несколько винтовочных выстрелов, они парили над Мотоямой 2, и Кэри ругался: – Невероятно, какие аэродромы здесь построили эти япошки!

Рид попытался сделать первый снимок Мотоямы 2, на котором еще можно было тут и там видеть фонтаны от попаданий снарядов. Высадившиеся на берег подразделения 3-й дивизии должны были возглавить штурм этого места. Но это был тяжелый бой. Одни только разрывы снарядов и американские солдаты, плотно прижавшиеся к земле, свидетельствовали о том, что сопротивление японцев еще далеко не было сломлено.

- Нет, куда там, совсем еще не сломлено, – философствовал Кэри. – Хоть это и безнадежно для них, так как никто не может помочь им извне, но я боюсь, что они и дальше будут сопротивляться. Несколько самолетов, которые еще есть у них на Бонинских островах, не осмеливаются вылезти из бункеров, потому что наши ВВС постоянно держат истребительное прикрытие в воздухе. По морю тоже ничего не придет. Они потеряли слишком много кораблей. И так, эти парни в туннелях глотают горсти холодного риса и стреляют. До тех пор, пока наши ребята их не перебьют. Или пока они сами не умрут от голода и жажды.

Когда Рид рассказывал ему, как много времени ему понадобилось, чтобы хоть раз найти мертвых японцев, пилот кивал с полным пониманием. Да, они уволакивали их через подземные проходы. Все дальше в скалистую местность на севере. Хоронили ли они их там? В песке? Или сжигали?

- По ночам летчики не видели там огней, – заметил Кэри. И он добавил: – Эта война становится все более жестокой. Никто не мог предвидеть это. Даже когда все это кончится – кто знает, забудут ли люди когда-нибудь об этом.

- Лучше всего было бы, если бы они об этом не забыли, – заметил Рид. – Ты можешь еще раз сделать здесь круг? Я хочу сфотографировать этот «амфитеатр».

- Амфитеатр? – спросил Кэри со смехом.

Рид показал ему полукруглый холм к северо-востоку от второго аэродрома, и пилот смог увидеть вспышки выстрелов орудий, стоявших там. Но как только он полетел на круг, чтобы рассмотреть их точнее, они исчезли.

- Превосходная маскировка, – отметил Кэри. Затем он пролетел короткое расстояние на север, пока они не достигли третьего аэродрома. Здесь пока была только взлетно-посадочная полоса длиной сто метров из твердо утрамбованного песка. В становящихся здесь не просматриваемыми утесах стояла зенитная артиллерия, и дымчатые следы 20-мм снарядов проходили угрожающе близко мимо самолета, в то время как Рид делал один снимок за другим.

Вокруг третьего аэродрома, находившегося еще на начальном этапе строительства, простиралась большая равнина, но там также снова были типичные для острова голые холмы. И на побережье на севере поднимались, отчетливо видимые из самолета, утесы, которые достигали приблизительно высоты Сурибати, как прикинул Рид.

Поблизости от летного поля можно было узнать остатки поселения. Восточнее, а также западнее имелись остатки строений, в которых, вероятно, раньше проживали рабочие серных шахт.

- А там наверху, где-нибудь между скалами, сидит этот японский генерал и кричит своим солдатам: «Банзай, Банзай!», – усмехался Кэри. Он указал вперед. – Китано-Пойнт, «точка Китано», так называли наши стратеги вон тот скалистый мыс. Крайний северо-запад. Там предполагается его штаб-квартира, но точно даже сам Гарри Шмидт не знает! Вероятно, японские солдаты тоже этого не знают.

Кэри пришлось совершить вираж и одновременно снижаться, так как с возвышенностей перед побережьем открыли огонь зенитки. Там, наверное, еще находилась артиллерия, которую не уничтожила самая сильная воздушная бомбардировка.

- Нам это все еще предстоит, – простонал Рид, когда он задвинул окно. Он был доволен своей добычей. Не каждый фотограф получал шанс сделать аэрофотографии местности, которую в это время штурмуют. Во время обратного полета он увидел, что на Мотояме 2 бои шли уже по ту сторону перекрестка обеих взлетно-посадочных полос. На восток, по направлению к берегу, было похоже на то, что 4-я дивизия медленно продвигалась вперед. За холмом, который получил обозначение 382, находилась вполне узнаваемая с воздуха отсечная позиция, с которой стреляла артиллерия. Но также и здесь орудия сразу снова исчезали после каждого выстрела. Причиной того, что они вообще перенесли бомбардировки, была их превосходная маскировка. На узнаваемых с воздуха пехотных позициях не было вообще никакого движения. Только если 4-я дивизия подошла бы достаточно близко к ним, японцы бы выползли быстро из своих пещер и туннелей, и позиция начала бы извергать огонь.

- На лесистых островах на юге почти ничего нельзя было увидеть, так как листва закрывала все, – вспоминал Кэри. – Только здесь можно окончательно понять, в каком аду, собственно, находится пехота.

На западном берегу они увидели принадлежащие, по всей вероятности, к 28-му полку передовые части, которые продвигались вперед прямо по пляжу, снова и снова сворачивали на восток и при этом создавали котлы, которые затем должны были ликвидировать последующие подразделения. Так они продвинулись вперед примерно до уровня второго аэродрома. Какой-то шутник, который, наверное, узнал L-27, стоял на пляже и выпустил вверх желтую сигнальную ракету, которая теперь медленно спускалась вниз на своем парашютике.

- Всё сфотографировал?

- Всё. Будешь садиться на Мотояме?

Когда он говорил это, Рид внезапно почувствовал, что он говорил об этом все еще очень беспокойном аэродроме как о каком-то пассажирском аэропорте, где-нибудь в тихой мирной местности. Он не мог не засмеяться над самим собой.

- Можешь полететь со мной и на авианосец, – предложил Кэри.

Рида это очень устраивало. На каком-нибудь катере он мог быстро доплыть до своего корабля связи, проявить снимки, сделать к ним подписи, съесть горячий ужин и, вероятно, даже поспать эту ночь в койке.

- Завтра утром, – объяснил Кэри, – ты сможешь высадиться на берег с 9-м полком 3-й дивизии. Они должны сменить на центральном участке 21-й полк, так как он понес довольно большие потери, измотан и нуждается в нескольких днях отдыха.

- 9-й полк?

- Кеньон, – сказал Кэри, – да ты ведь должен был знать его, с юга.

- Полковник Хоуи, конечно, кто же его не знает! Однажды во время киносеанса на одном острове я проворчал ему, чтобы он соизволил немного подвинуть свою толстую задницу на скамейке. Не узнал его в темноте. Он посоветовал мне, чтобы я лучше сразу сел на землю, потому что если кто-то говорит о его заднице, то она от гордости становится еще толще, чем она и так есть.

- Сумасшедший тип, – констатировал Кэри. – Кстати, сегодня вечером у нас должны быть антрекоты, яблочный пирог и шоколадный пудинг.

Это лучше, чем сухой паек, подумал Рид. Хотя, конечно, здесь у всего вкус армейской столовой, все равно, будь то кофе, чай или горячее молоко. Но упустить такую возможность я все равно не могу.

- Тогда на авианосец! – Кэри был рад, что ему не придется еще раз садиться на Мотояму. Его фотография на память была у Рида в коробке.

- Ты сразу получишь снимок, – заверял его фотограф. – Мне так или иначе нужно проявлять пленку, так что я сразу проявлю и твою фотографию.

В то время как газеты в Соединенных Штатах печатали первые сообщения о боях на неизвестном до тех пор острове, и появлялись первые снимки боевых действий морской пехоты на этом вулканическом острове, сам поход продолжался буквально шаг за шагом.

3-я дивизия в течение следующих дней своими подведенными силами взяла под контроль Мотояму 2 и с боями наступала дальше на север.

5-я дивизия продвигалась вперед по плохо просматриваемому прибрежному ландшафту на западе, и ей пришлось понести потери у холма 362А.

4-я дивизия наносила удар на восточном фланге также на север. Здесь был «амфитеатр», и немного восточнее, высота 382. За оба объекта бои шли целыми днями. С пляжа, который японская артиллерия больше не могла обстреливать так интенсивно, так как бои внутри острова требовали ее внимания, прибывали джипы с ракетными пусковыми установками. Это относительно новое оружие должно было впоследствии нанести японцам тяжелые потери. И способ ведения боевых действий изменился: больше американцы не проходили просто так ни через одну позицию, ни через одну систему туннелей, каждое возможное убежище противника было разрушено, прежде чем наступление продолжилось. Группы огнеметчиков проникали в подземные проходы и в буквальном смысле слова выкуривали японцев, так как тот, кто не сгорал, задыхался в едком чаде. Группы подрывников разрушали туннели, вне зависимости от того, находились ли там раненые или мертвые. Жестокость боев возрастала день ото дня. Если японцы и раньше почти никогда не шли в плен с поднятыми руками, то теперь солдаты Тэнно оборонялись буквально вплоть до последнего патрона, а затем атаквали одними штыками, до тех пор, пока они не падали изрешеченные пулями.

Все же продвижение для морпехов становилось все труднее. Местами даже несколько шагов вперед уже считались успехом.

Вечером одиннадцатого дня, 30 февраля, 5-я дивизия находилась перед японской системой позиций к западу от высоты 362А. 4-я дивизия между тем уже взяла в свои руки аэродром Мотояма 2, разрушила дальнейшие сооружения для водоподготовки противника, так что питьевой воды становилось все меньше, и уже владела на северо-востоке территорией, которая могла стать хорошей базой для последующих ударов. 3-я дивизия с боями прошла около пятисот метров к аэродрому, получившему обозначение Мотояма 3, и ее разведчики обнаружили то, что Рид уже заметил с воздуха: этот объект был просто одной только временно твердо утрамбованной взлетно-посадочной полосой, которую, однако, защищали крупные силы.

Три пятых части острова, так звучала статистика командования, все еще удерживались японцами или считались небезопасной местностью. Генерал-лейтенант Холланд М. Смит, вице-адмирал Тёрнер и генерал-майор Гарри Шмидт инспектировали войска. На последовавшем совещании они единогласно решили, что подразделениям нужна передышка.

Усилия последних дней были как никогда тяжелы. Нужно было организовать отдых для солдат, не подвергая при этом риску достигнутые прежде на поле сражения успехи. Наконец, было решено сменять роты в определенном ритме,

чтобы каждая из них могла провести как минимум одни сутки на спокойной резервной позиции.

Десантные катера были сконструированы специально для перевозки тяжелых грузов. Здесь изображен катер LST, из которого выгружается бульдозер, нужный армии для того, чтобы привести в порядок и подготовить к новому использованию старые японские аэродромы.

Стив Рид запечатлел на фотографии день отдыха своей роты С. Он снова встретил Фрэнка Уоллеса, который тоже после посещения различных участков фронта возвращался в свой полк. По крайней мере, на этот один день. Так как пока он вместе с Ридом писал сообщение для «Yank», он узнал, что дивизии уже на следующий день снова пойдут в атаку. Связой 3-й дивизии, которая все еще рассматривалась в некоторой степени в качестве резерва, передал обоим репортерам приглашение явиться к генералу Эрскину. Командир 3-й дивизии велел передать им, что если они хотят сообщить своей газете что-то действительно новое, то они могут испытать это у него.

- Мы сделаем это? – подумал вслух Уоллес, хотя он уже решил принять приглашение знаменитого рубаки.

- Еще бы! У Эрскина до сих пор всегда-то что-то происходило каждый раз, когда он посылал своего дворецкого с приглашением!

Джунгли из камня

Уоллес и Рид не смогли увидеть ни полковника Говарда «Хоуи» Кеньона, командира 9-го полка, ни командира дивизии, генерал-майора Грейвса Эрскина. Эрскин лишь поручил передать им, что они должны были наступать с ротой Е, пока еще не понесшим больших потерь подразделением. Командир роты, капитан, принял командование над ней только несколько дней назад, после того, как прежний командир был ранен. Прежде чем капитан проинформировал Уоллеса и Рида о предстоящем бое, он подробно расспросил их о том, какой боевой опыт у них уже был. Когда он услышал, что они пережили с самого начала самые важные кампании в южной части Тихого океана, он примирительно сказал: – Вы должны простить меня, господа, но к нам иногда прибывают люди, к которым мы буквально должны приставлять няньку. Итак, вы, в какой-то мере, ветераны, и я доверяю вас Чемберлену, моему ротному связному, который поддерживает связь со сражающимися взводами. Он может помочь вам – если вы нуждаетесь в помощи.

Уоллес, задав дополнительные вопросы, узнал кое-что еще. Например, то, что на острове величиной приблизительно двадцать квадратных километров к этому времени были захвачены почти две трети территории.

- Но не думайте, что речь в данном случае идет о захваченной территории в обычном смысле. Эта местность как завшивленная медвежья шкура. В самых невозможных местах сидят японские вши, и мы все время заняты тем, что бьем их. Если мы их не поймаем, то они прячутся, пока один из нас не утратит бдительность хотя бы на одну секунду – точно в эту секунду они убивают его...

3-я дивизия, примененная на центральном фронте, пробилась с боями до расположенной к северо-востоку от третьего аэродрома холмистой местности. Дивизии приходилось защищаться от подкарауливавших в бесчисленных убежищах японцев, страдать от жажды, невкусных сухих пайков, смрада серы; стертые до крови ноги и что-то вроде песчаных блох дополнительно осложняло солдатам жизнь. Перед ними лежал холм, который нес прозаический номер 357 и оставался непреодолимым для них уже несколько дней.

- Мы окончательно возьмем его, – заверял капитан, прежде чем он отпустил корреспондентов, – мы даже обязаны взять его, иначе мы подвергнем все взводы опасности быть обстрелянными сзади. Но мы действуем продуманно... А вот,

кстати, и Чемберлен, господа, ваш ангел-хранитель. Он – исключительный человек. Лично президент наградил его DSC, Крестом за выдающиеся заслуги. Рейд, это два твои протеже!

Мужчине, который вошел в скалистый грот, не пришлось наклоняться, он был невысок. Но он был также силен, и как было видно, хорошо тренирован. Мышцы и интеллект, подметил Уоллес. При этом у человека с темной кудрявой головой и тонкими маленькими усами была привлекательная улыбка, которая казалась даже немного стеснительной.

- Привет! – представился он. – Я Рейд Чемберлен. Родом из Эль-Кахона. Это в Калифорнии. Лучше всего, мы сначала познакомимся с ребятами из взвода. Да, трапеза тоже объявлена...

Командир роты посоветовал им на прощание: – Все время хорошенько нагибайте голову, парни, мы хотим еще своими глазами увидеть парад победы в Токио!

Уходя, Чемберлен пробормотал: – Моя бы воля, этот парад прошел бы на Хотел-стрит в Гонолулу.

Это замечание сразу вызвало у обоих корреспондентов симпатию к нему.

Чемберлен привел их к скалистому гроту, перед которым сидели несколько морпехов и разогревали мясные консервы на костре из мелко нарубленных ящиков от боеприпасов. Приятный запах окутывал их, и когда Рид сделал первую фотографию и с наслаждением принюхался к воздуху, Чемберлен спросил: – Хотите поесть с нами?

- Еще бы!

Уоллес и Рид знакомились с солдатами. Каждый из них через кое-что уже прошел. Им предстояла ночная атака, как корреспонденты узнали из беседы. Генерал-майора Эрскина беспокоили «карманы» с японскими солдатами в тылу его подразделений. Во время так называемых прыжков с острова на остров на юге он приобрел опыт, о котором он подумал теперь: по ночам японцы в большинстве случаев спали, так как они привыкли, что американцы не провоцировали ночной бой по собственному почину. Они использовали это для собственного отдыха. Но это могло послужить также для того, чтобы застать их врасплох, атаковав их теперь как раз ночью, в этом-то и состояла идея Эрскина.

Атака была запланирована на будущую ночь. Из уже сравнительно защищенной зоны на северо-востоке 3-я дивизия должна была наступать дальше к северному берегу, тоже под покровом темноты.

- По ночам япошки не очень мужественны, – размышлял Чемберлен, пока они ели мясо, разогретое в трофейной японской сковородке. – Если они могут, они избегают ночных боев. Иногда бывает какое-то маленькое нападение с большим криком, но большее они не замышляют, по ночам. Эрскина, кажется, снова не подвело его чутье.

К мясу был даже свежий хлеб, который был доставлен с кораблей, и пока они сидели вокруг маленького костра и беседовали, Уоллес и Рид узнали, за что именно президент Рузвельт лично наградил Рейда Чемберлена высокой военной наградой, «Distinguished Service Cross».

Через три дня после того, как японцы атаковали американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор, они высадились у Апарри и Вигана, на северном берегу острова Лусон. Скорейший захват Филиппин соответствовал их стратегии экспансии. Здесь имелись замечательные военные базы, и острова были необходимы японского ведения войны как поставщик сырья, и как резервуар самой дешевой рабочей силы. К этому добавлялось их значение трамплина для последующего продвижения на принадлежащие голландцам Зондские острова.

Последующая высадка, на севере от Манилы, стоила японцам больших потерь, но они не сдались, а лишь изменили свою тактику. Две недели, после того, как они захватили первые плацдармы, которые американцы еще не считали настолько опасными, воины Тэнно атаковали с моря и с воздуха, пока американцы не вынуждены были отойти. Затем последовала выгрузка на берег других частей.

Уже на Рождество американский главнокомандующий на Филиппины, генерал Дуглас Макартур, вынужден был объявить Манилу «открытым городом».

В это время Рейд Чемберлен находился на полуострове Батаан, на южной оконечности которого лежала военно-морская база Коррехидор, у входа в Манильский залив. Чемберлену повезло, что его не отправили для обороны военно-морской базы; вместо этого его подразделение получило приказ преградить путь продвигающимся с севера японцам.

- Мы делали это несколько недель, – рассказывал он, – потом они прошли мимо нас. У нас больше не было связи, не было командира, не было боеприпасов. Поэтому с несколькими другими я отправился к группе филиппинцев, которые к

тому времени уже оказывали сопротивление японцам. Позже мы захватили оружие и даже радиостанцию. Мы смогли установить связь с нашим командованием. И – ну, мы, скажем так, кусали японцев за задницу, где это только удавалось. Подводные лодки, которые позже появлялись под защитой ночи на побережье, привозили нам лучшее оружие, подкрепления, продовольствие. Я сам получил при нападении на японскую колонну пулю, она застряла у меня в груди. Не смертельно, но нужна была операция. Ее мы, однако, не могли делать в наших примитивных госпиталях на партизанских базах. Итак, подводная лодка вывезла меня. Через полгода я снова был в форме.

Когда он смеялся, как теперь, в нем было что-то мальчишеское. Рейд осмотрелся по кругу, и когда он почувствовал, что взгляд всех направлен на него, он быстро сказал: – Не надо делать никакой сенсации из этого. Просто исполнение своего долга, ну, так а кто не делает этого?

Он еще раз наполнил свою тарелку говядиной, отломал кусок хлеба и жевал с удовольствием дальше. Другой поддразнивал его: – Не набивай себе так сильно живот, Рейд, наш шеф всегда говорит, когда ты в таком состоянии получишь огнестрельное ранение в живот, тебя больше нельзя будет спасти!

Но Чемберлен только лаконично возразил: – Я видел, как умирала масса хороших людей с огнестрельными ранениями в живот, и у них целыми неделями нечего было есть – кроме нескольких бананов, вероятно. С тех пор я ем, если только есть еда, и мне все равно, будут они позже стрелять в меня и куда они попадут!

Он был опытным наблюдателем. Корреспонденты сразу заметили это, когда он этим поздним вечером инструктировал их о территории, которая лежала перед ротой Е. Один час они лежали там, совсем не двигаясь, и Чемберлен время от времени обращал их внимание: – Вон там, видите, как бродит тень?

Они учились тому, что луна распределяет на местности свет и тень равномерно, что, однако, хороший наблюдатель незамедлительно заметит даже самое незначительное движение человека, которое не происходит абсолютно в тени. Уоллес и Рид никогда еще не размышляли так интенсивно над тем, каким чудесным органом является человеческий глаз, и как неосторожен противник, который верит, что одна лишь темнота позволит ему укрыться от любых вражеских попыток наблюдения. Через некоторое время Уоллес прошептал: – Теперь мы знаем, где они лежат, значит, уже вряд ли многое тут может пойти наперекосяк, позже... Чемберлен так же тихо ответил: – Вы видели только каждого десятого, вероятно. Вы удивились бы, узнав, сколько еще их подкарауливают там в темноте, очень тихо, и следят за нашей стороной.

Примерно в ста метрах перед ними лежала эта опасно тихая область. Песчаная равнина, на которой в некоторых местах из земли поднимались серные испарения. Скалистые рифы тянулись через весь этот пейзаж. Ни деревьев, ни кустов. Как после землетрясения, думал Уоллес, когда сотни тысяч тонн камней нагромождались в диком беспорядке. И в каждой расщелине, за каждым камнем, в складках местности и в песчаных низинах подкарауливают в засаде сотни японцев с пальцем на спусковом крючке.

Совсем сзади в этом районе находилось то, что картографы обозначили как холм 357. Днем можно было видеть там остатки громоздкой японской радиолокационной антенны. Артиллерия расстреляла ее. Ее обломки усеивали склон. Два американских танка, которые стояли за ротой Е в укрытии, стреляли из своих 75-мм пушек по этому холму. Часами артиллеристы наблюдали за местностью, в которой они предполагали японцев, и если они, наконец, определяли местоположение их мастерски спрятанных позиций, то накрывали их осколочными снарядами.

На одном из танков был установлен огнемёт, но эффективно применять его было невозможно из-за слишком большого расстояния. Тогда по ночам пехотинцы с огнемётами ползли вперед и выкуривали одно или другое пулеметное гнездо. Не все возвращались из таких вылазок, хотя стрелки всегда прикрывали их сильным огнем из автоматических винтовок. Поздним вечером Уоллес и Рид наблюдали такую попытку, при которой один солдат хоть и смог из огнемёта уничтожить стрелковую позицию японцев, однако, сам был убит при этом. Минометы позже поставили дымовую завесу, под защитой которой санитары смогли вытащить погибшего.

Особенным и в то же время типичным для сражения на Иводзиме было то, что на штабных картах эта область была уже отмечена как захваченная. Подразделения 9-го и 21-го полка при поддержке танков два дня назад продвинулись на сто метров вперед мимо этого холма. Но уже первой ночью выяснилось, что в их тылу остались еще многочисленные сохранившиеся стрелковые позиции японцев, и сеть из убежищ и подземных проходов, которая могла серьезно воспрепятствовать любому дальнейшему наступлению. Поэтому подразделения снова отошли назад до холма.

- Здесь ничего нельзя было сделать, – заметил Чемберлен. – Они убивали каждого связного, уничтожали каждый бензовоз, боеприпасы больше не проходили. Такие позиции, как вот эти на холме, нужно уничтожать по очереди, одну дыру за другой. Находить и уничтожать. Иначе мы здесь не добьемся никакой безопасности.

Другой солдат рассказывал корреспонденту: – Собственно, мы думали, что там больше не могло быть ни одного живого японца. Наш огонь буквально перепахал холм. Минометы, ракеты, базуки, противотанковые пушки – и, тем не менее, система позиций осталась большей частью абсолютно неповрежденной, а мы этого и не заметили. Они просто погружались, ныряли под землю. Мы бросали в каждую дыру, которую мы находили, ручные гранаты. Убежища в скалах выкуривались из огнеметов. Мы были уже далеко по ту сторону холма, и местность была настолько спокойна, что они устроили перевязочный пункт, под несколькими навесами от солнца. Скажем лучше, навесами от дождя. Но внезапно в дырах снова проснулась жизнь. Только тогда мы заметили, что японцы прорыли своими подземными ходами весь холм. Это едва ли можно представить себе, но это действительно так.

И пока на перевязочном пункте оказывали помощь первым раненым, с холма 357 по ним внезапно начал стрелять японский пулемет. Снова были погибшие и новые раненые.

Рейд Чемберлен как раз в это время вел взвод морских пехотинцев к линии фронта за холмом. Он со своими солдатами сразу спрятались в укрытие, и они попытались определить, откуда стрелял пулемет. Чемберлен, наконец, обнаружил это место, попросил базуку и выстрелил из нее в пулеметное гнездо. После этого пулемет замолчал. Но когда затем морпехи вскочили и атаковали холм, их накрыли огнем из многочисленных других укрытий.

- Хуже всего было то, – рассказывал Чемберлен, – что в раненых, которые только что получили первую помощь, теперь снова попадали вражеские пули.

В этой ситуации маленький, усатый калифорниец приказал некоторым из своих морпехов, чтобы они оттащили раненых назад на носилках. Пока они делали это, японцы, местоположение которых было очень трудно определить, непрерывно продолжали стрелять с холма.

- Я тоже тащил такие носилки, – рассказывал Чемберлен. – Я шел впереди. Человеку, который нес их сзади за мной, они попали в голову. Я хотел взвалить раненого себе на спину, но и он тоже был мертв. В него тоже попали. Тогда я немного отполз в сторону от носилок, потом вскочил и зигзагами стремительно понесся назад. Я использовал каждый камень как защиту. Вокруг меня все разрывалось, но я прорвался... Он беззаботно рассмеялся.

На резервной позиции танков Чемберлен затем поднял тревогу. Командир роты сразу затребовал больше танков, огнеметы и подрывников.

Очевидно, противотанковых пушек на холме не было, так как танки оставались в безопасности. Под защитой дымовых бомб саперы подбирались к отдельным укрытиям и пытались уничтожить их подрывными зарядами. Совершенно неожиданно район, который командование уже засчитало как захваченный, снова стал зоной боевых действий. Настоящие джунгли из кусков скал, нагроможденных обломков, спрятанных стрелковых ячеек и их защитников, которые испытывали голод и жажду, которые устали, но не сдавались.

- Нам довелось буквально по отдельности застреливать или сжигать их в их дырах, – говорил Чемберлен. – Мы должны были направлять струи огнеметов в их пещеры, блокировать входы в соединяющиеся туннели – если мы обнаруживали их – с помощью взрывов. Все же снова и снова появлялись новые враги. Кстати, отнюдь не безумцы, как их всегда так любят описывать в газетах, нет, это были солдаты, которые знали свое ремесло.

Когда Уоллес несколько провокационно спросил его о том, не испытывает ли он все же уважение к японцам, калифорниец немного сердито взглянул на него и задал ответный вопрос: – А почему бы мне их и не уважать? Я уже на Филиппинах считал их бывальными солдатами. Их можно проклинать за то, что они напали на нас, можно осознавать, что их разработки вооружения не могут тягаться с нашими, также, что их материальные резервы недостаточны, даже можно обвинять их в том, что они гнусные оккупанты, которые больше всего хотели бы овладеть всей Юго-Восточной Азией, мистер, но вот только в то, что их солдаты плохи, я не верю. В противном случае исход войны, пожалуй, давно был бы решен. То, что могут делать японские солдаты, вы видите на примере этого холма – они не сдаются, пока их не убьют. Даже если их можно обвинить в некоторых гадостях, включая то, что они начали войну, как солдат их нельзя недооценивать. Если хотите, можете назвать это уважением...

Когда Уоллес быстро уверил его, что он никому не хотел давать уничижительных оценок, а только выслушать мнения, Чемберлен пожал узкими плечами и равнодушно произнес: – Мы побьем их, мистер. Но мы здесь сражаемся не с разбегающимися в страхе мышами, а с хорошо обученными воинами.

- Вы будете брать их в плен? – хотел узнать Уоллес.

Калифорниец осмотрелся по кругу, наконец, он ответил: – Мистер, на такой войне, как эта, случается так, что у кого-то внезапно вскипает кровь, потому что, вероятно, как раз погиб человек, который был его другом. Тогда бьешь всех вокруг себя, пока кровь не остынет. Каждый из нас уже был в таких ситуациях. Но я больше не стал бы стрелять в японца, который выходит ко мне с

поднятыми руками. Я обращался бы с ним так, как следует обращаться с пленными.

Другие кивали. Говядина уже была съедена. Сигареты дымили. Далеко позади можно было услышать шум танковых гусениц. Новые танки придвигались. Они оставались еще на надлежащем удалении, пока не начнется наступление. Подходили подрывники и один солдат с огнеметом на спине. Они знакомились с морпехами. С наступлением темноты, когда на холме стихла стрельба отдельных стрелков, сюда прибыл также полковник Кеньон, командир 9-го полка.

Он увидел Рида, с которым был знаком, пожал ему руку и сказал своим низким, хриплым голосом: – Ты мало что получишь на свою пленку, мой мальчик, ночью. Хочешь пойти в наступление вместе с нами?

Рид показал ему лампу осветительной вспышки, которую он мог включать ручкой камеры «Speed Graphic». – Вероятно, однажды одну из этих пещер, полных мертвых японцев, сэр...

«Хоуи» Кеньон выслушал эти слова без комментариев. Он знал Джорджа Уайта и слышал о его смерти на Сурибати. Теперь он спросил Рида о том, как это случилось. Репортер рассказал ему, как умер Уайт, рассказал также о своей неудаче с камерой и о том, как ему помог Джо Розенталь. Кеньон спокойно выслушал его. Затем он спросил: – Ты здесь один?

Рид указал на Уоллеса: – Текстовик.

Кеньон также с ним обменялся рукопожатием. Затем он снова стал тем командиром, которым его знали его солдаты. – Так, бойцы, только все время хорошенько нагибайте голову! В конце концов, мы хотим захватить еще Китано-Пойнт и взять в плен генерала! А пока – спать, у нас еще есть время, – напомнил он им.

О том, что для ночного нападения им нужно было зачернить себе лица, ему не требовалось говорить своим солдатам, они делали это по своей инициативе. Но наиболее впечатляюще выглядели Уоллес и Рид, после того как два солдата втерли им в лица кашлицу из пепла и воды. Этим двум солдатам «Хоуи» Кеньон, старый лис, тайком поручил во время атаки не отходить ни на шаг от корреспондентов, и, если те вдруг проявят непростительное легкомыслие, в крайнем случае, даже отправить ударом их в нокаут.

- Но смотрите, чтобы их резцы по возможности остались у них во рту, – пошутил он. – Мы не хотим иска о возмещении ущерба от «Yank». Но мы также не хотим репортерского трупa, как там на той проклятой горе на юге!

В последнем свете дня три бульдозера с толстыми отвальными щитами и бронированными кабинами двинулись вперед. В южной части Тихого океана американцы использовали эти тяжелые машины, чтобы проделывать просеки в непроницаемых джунглях, которые иногда давали морским пехотинцам шанс атаковать противника с фланга или тыла. Теперь на массивных машинах стояли бочки, полные бензина. Солдаты шутили с водителями: – Вы, что хотите доехать до Токио, по суше?

Водители многозначительно намекали: – Только подождите, пока мы будем там наверху на холме – вы еще от радости будете прыгать!

«Шерманы» ехали впереди, стреляли из пушек и пулеметов. Также морпехи, которые двигались за танками, стреляли во все, что шевелилось. Они неслись от одной скалы к другой и стреляли в каждую дыру и в каждое убежище. Сигнальные ракеты окутывали поле боя ярким светом.

Бульдозеры, которые были использованы американцами уже на южно-тихоокеанских островах, чтобы проделывать просеки, по которым могла наступать пехота, оказывали также на Иводзиме весьма ценную помощь.

Рид в свете этих магниевых факелов делал один снимок за другим, в надежде получить хотя бы одну хорошую фотографию этого призрачного нападения.

Чемберлен инструктировал солдат. У него был нюх на опасность, и он снова и снова приказывал солдатам не приближаться ни к одной дыре, скалистой расщелине, воронке на склоне, не стреляя при этом беспрестанно или бросая ручные гранаты.

При сильном оборонительном огне вызывались огнеметчики или гранатометчики с базуками. У японцев возникла неразбериха, так как они, собственно, сами планировали нападение. Под покровом темноты они хотели ударить по районам сосредоточения морских пехотинцев и нанести им как можно больше потерь. Теперь, однако, им пришлось снова полностью переориентироваться на оборону, и это удалось не настолько быстро, как должно было бы удасться.

Уоллес лежал рядом с солдатом, который целился в скалистую расщелину. В свете сигнальных ракет можно было видеть, что она, очевидно, после первого захвата на всякий случай была засыпана камнями. Но верхний слой был снова удален изнутри. Там появлялись два винтовочных ствола, из которых сверкали вспышки.

- Я с ними разберусь, – пообещал солдат и приказал Уоллесу, чтобы тот не двигался с места. На несколько минут он исчез в дымовой завесе, которую поставили саперы. Когда он вернулся, он нес базуку. Толстая жестяная труба уже была заряжена. Он сказал Уоллесу, чтобы тот откатился немного в сторону: – Они увидят выстрел. И следующие выстрелы перепашут здесь песок...

Он сам навел трубу на расщелину. Когда ракета с огненным лучом и шипением вылетела из ствола, он быстро отбросил трубу и откатился вбок.

Он мог бы не торопиться, так как ракета попала не в сложенные камни, а точно в отверстие, которое японцы оставили открытым в качестве амбразуры. Внутри расщелины прозвучал взрыв, камни и куски тел кружились по воздуху.

- Теперь там тихо, – лаконично заметил солдат, когда он снова лежал рядом с Уоллесом. – Дальше. Но ты всегда держись позади меня, писака!

Это был полезный совет, как скоро заметил Уоллес. Не всюду убежище удавалось уничтожить так быстро. Японцы группами атаковали сверху вниз со склона, и скоро они оказались в ожесточенном рукопашном бою с морскими пехотинцами. Пути назад для них не было, так как в то время, пока они дрались с морскими пехотинцами, солдаты с огнеметами и саперы прокрались мимо них и

«запечатали» их убежища, либо огнем и ракетами базук, либо подрывными зарядами, которые саперы несли на длинных жердях.

Через час морские пехотинцы взобрались на половину высоты склона. Был час ночи. Танки стреляли над головами нападающих по вершине, откуда одинокий пулемет спорадично стрелял очередями. Это был один из медлительных «Намбу», звук которых американцы хорошо знали.

В два часа ночи поднялась вторая волна морских пехотинцев, чтобы атаковать вершину холма. Всюду были огонь, чад и смрад от сожженных людей. Тут и там слушались глухие взрывы внутри холма. Окруженные японцы, наверное, сами подрывали себя гранатами.

Непосредственно рядом с убитым японцем лежал раненый американский солдат. У японца в груди торчала его собственная винтовка с длинным штыком, возвышавшаяся как мемориал. Уоллес увидел, что Рид фотографировал эту сцену, подполз туда и осведомился у раненого: – Это ты пригвоздил его к земле?

Раненого уже успели перевязать. У него было пулевое ранение в грудь, но он был в сознании. Санитары обещали ему, что скоро его унесут. Он медленно произнес: – Да, это я его прикончил. Он заколол Бенни, когда тот посмотрел вперед. Появился как привидение за спиной Бенни и ударил его штыком. Бенни они уже унесли.

Рейд Чемберлен участвовал в штурме вершины. Он долго наблюдал за пулеметным гнездом, и, наконец, он попросил у саперов один из этих зарядов на длинной жерди, «бангалорскую торпеду». Вместе с ним он пополз вверх по склону.

Наверху стрелял «Намбу». Чемберлен слышал стрельбу таких пулеметов еще на Лусоне. Он также знал, что время от времени требовалось менять ствол, который довольно быстро перегревался вопреки водяному охлаждению. Так как самому Чемберлену уже приходилось стрелять из захваченных «Намбу», он знал звук, который возникал при смене ствола. Всего в нескольких метрах ниже пулемета он неподвижно ждал знакомый щелчок. Как только он его услышал, он молниеносно вскочил, потянул за детонирующий шнур заряда и засунул его на жерди точно над пулеметной точкой. Он точно рассчитал время взрыва, так как японским пулеметчикам больше не удалось отбросить заряд. Он взорвался над пулеметным гнездом, и как внимательно Чемберлен ни прислушивался, после этого ничего больше не шевелилось там наверху.

Моментально приняв решение, он сделал скачок и оказался на том, что оставил взрыв от пулемета и стрелков. Он быстро оттянул оба трупа в сторону, затем помахал другим солдатам. Спустя пару секунд вершина была взята. Еще раз, подумал Чемберлен, и спросил себя, сколько времени пройдет в этот раз, пока японцы не появятся здесь снова.

Он увидел, как один солдат притащил сюда пулемет, сориентировал его на захваченной позиции, и потом, когда он уже собирался слезть вниз со склона, чтобы посмотреть на остаток своего взвода, земля внезапно зашевелилась под его ногами. На склоне земля как бы оторвалась, с яркой молнией. Песок, каменные глыбы, куски бетона, человеческие тела, все взлетело в воздух в свете мощного взрыва.

Чемберлен инстинктивно бросился на землю. Он видел, как медленно опускается вниз облако из дыма и грязи, он видел также на склоне огромную дыру. И он не поверил своим глазам, когда по прошествии некоторого времени из этой еще дымящей бездны выползали отдельные фигуры, шатались, падали и оставались лежать. Он видел, как тут и там американские солдаты поднялись и поспешили к дыре. В свете сигнальной ракеты он узнал также Уоллеса и Рида, за ними обоим их защитников. Когда он сам добрался до зияющего в склоне отверстия, он понял, что здесь была взорвана скала перед огромной пещерой.

- Как глубоко она может идти? – удивлялся Уоллес.

Рид воспользовался светом сигнальной ракеты для фотографирования.

- Это такие пещеры, – сказал Чемберлен, – у которых никто не может сказать, насколько глубоки они на самом деле.

- Это гражданские! – крикнул один из морских пехотинцев, занимавшийся людьми, которые после взрыва, ошеломленно шатаясь, вылезали из пещеры. Санитары были уже рядом и заботились о них. Также они заметили, что это были не японские солдаты, по-видимому, вообще не японцы. Только несколько позже, когда один из мужчин смог пролепетать первые слова, санитар, который в это время перевязывал его, закричал: – Это корейцы! Так он говорит! Они здесь работали.

Уоллес вспомнил, как он когда-то читал, что японцы использовали корейцев для принудительных работ на строительстве своих баз на Тихом океане. С конца прошлого столетия Корея была чем-то вроде японской колонии. Условия жизни там были плохи, как говорили, и поэтому некоторые корейцы видели для

себя шанс в работе на японскую армию. Где никто не решался на это, их часто просто отправляли на такие работы в принудительном порядке.

Появился капитан, ему доложили о случившемся, затем он приказал санитарам: – Доставьте их на перевязочный пункт. Надо надеяться, там найдется кто-то, кто сможет с ними поговорить!

Снова начал стрелять японский пулемет, у подножия холма, точно в том месте, которое только что покинули солдаты с огнеметами.

- Опять начинается! – простонал Чемберлен, когда он полз вниз.

Один из саперов, которые осмотрели место взрыва, предположил: – Похоже на авиабомбу.

- Как такое может быть? – удивился Уоллес.

Сапер пояснил: – Там лежат остатки стабилизатора. Вероятно, они притащили сюда эту штуку с аэродрома.

- Чтобы самим себя взорвать?

Сапер кивнул. – Они такое не в первый раз делают. Однако, вероятно, они еще хотели, чтобы корейские рабочие тоже бесследно исчезли.

Трое из пяти корейцев, которые вышли из пещеры, умерли по дороге к главному медицинскому пункту.

Рейд Чемберлен дошел до подножия холма, когда он увидел, что бульдозеры пришли в движение. Командир роты приказал: – Всем назад!

Уоллес спросил, почему он отзывает солдат назад, и капитан объяснил ему: – Нет смысла терять бесцельно еще больше людей. В любую минуту могут последовать новые взрывы. Мы разработали один метод, как можно очистить территорию...

Он махнул бульдозерам, и они медленно покатались на холм. Ни Уоллес, ни Рид не могли представить себе, что это должно быть.

- Ждите тут, – посоветовал капитан. Он, очевидно, сам с большим нетерпением ждал, пройдет ли все именно так, как он планировал. Когда три гремящих гусеницами чудовища достигли вершины, он дал им световой сигнал. Одновременно

он закричал ждущим ниже по склону американским солдатам: – Да убирайтесь же вы поскорее назад, черт бы вас побрал!

И тогда Уоллес догадался, что там предпринималось. Водители бульдозеров выпрыгнули из своих кабин, сняли с креплений установленные на машинах баки с горючим. Как только бочки подкатились, водители из пистолетов-пулеметов прострелили дырки в жести. Трассирующими пулями. Через пару секунд бочки как катящиеся огненные катки гроыхали вниз с холма, распыскивая бензин по склону, поджигали его. Спустя мгновения весь холм был объят пламенем. Как факел поднималась в ночи возвышенность, за которую шел этот тяжелый бой. Она горела ярче, чем сигнальные ракеты, которые качались над призрачными декорациями.

Капитан объяснил Уоллесу: – Когда это все выгорит, делу конец. Огонь прогонит последнего одиночного солдата. Сожжет его. Задушит его. Мы должны обеспечить безопасность нашему тылу, и все равно как, в противном случае мы будем терять все больше людей.

Как в подтверждение его слов санитары пронесли мимо солдата, которого они последним спасли перед акцией бульдозеров.

Но он не был последней потерей, которую 3-я дивизия должна была оплакивать этой ночью.

Бульдозеры возвращались обратно. Медленно гаснул огонь. Морские пехотинцы собирались, чтобы снова двигаться вперед, уже дальше за холм. На востоке небо становилось серым. Рид сидел рядом с невысоким калифорнийцем Чемберленом, и они курили, после того, как выпили по кружке горячего кофе. Оба устали, как и другие солдаты, молчали, и замечали, что того или другого их товарища не было с ними. С их лиц постепенно кусками отпадала корка из воды и песка лавы.

Уоллес был уже на пути к обоим, когда с холма прозвучал одинокий выстрел. Он не вызвал заметного движения у солдат, они продолжали жевать свои пайки, пили горячий кофе, курили, негромко беседовали.

Только один внезапно умолк. Рейд Чемберлен, невысокий солдат с маленькими усами, который прошел через многое на этой войне, медленно повалился на землю. Уоллес прыгнул к нему. Рид нагнулся к калифорнийцу. Но было слишком поздно. Чемберлен был убит пулей, попавшей ему в голову всего в паре сантиметров за правым ухом.

- О, черт! – выругался капитан, который тут же подбежал. – Кончится ли это вообще когда-нибудь?

Они накрыли Чемберлена брезентом, и санитары оттащили его в тыл. Солдатам, которые предприняли первую ночную атаку на острове, понадобилось еще два дня, прежде чем стрельба на холме 357 полностью прекратилась.

Китано-Пойнт

Генерал Курибаяси наблюдал через стереотрубу за эсминцем, который крейсировал на севере от Иводзимы, так близко к острову, как это допускала глубина моря.

Время от времени сверкали вспышки из стволов корабельных пушек, и Курибаяси слышал, как снаряды пролетали над Китано-Пойнт, местом, где он находился, чтобы взорваться на несколько сотен метров южнее, около района, который заняли американцы и из которого они готовились к последнему штурму скалистого барьера перед северным берегом.

Эсминец был того же самого типа, который Курибаяси осматривал в 1929 году на военно-морской базе США Сан-Диего. Тогда министерство иностранных дел Соединенных Штатов пригласило военных атташе иностранных посольств на смотр и показало им «Брукс». Эсминцу было примерно десять лет, он мог дать максимальную скорость 35 узлов, имел четыре 127-мм пушки и одну 76-мм пушку, а также двенадцать труб торпедных аппаратов. В сравнении с введенным в строй лишь в 1924 году в Кобе японским эсминцем «Камикадзе» «Брукс» был, по мнению Курибаяси, хуже. «Камикадзе» был современнее. Он был также быстрее, хотя всего на два узла. По вооружению оба корабля были примерно равноценны. Кроме того, «Камикадзе» принадлежал к серии эсминцев, в конструкции которых были учтены новые достижения в области военной техники. Напротив, американцы при показе своего «Брукса» объясняли почти иронично, что этот корабль был построен вскоре после окончания Первой мировой войны, т.е. он не был совсем новым. Разумеется, американские верфи вполне могли бы строить более современные эсминцы, и они также делали бы это, как только в этом возникнет необходимость.

Курибаяси был убежден в этом, так как он в начале своего пребывания в США уже смог оценить промышленный потенциал этой страны и сделать выводы о возможном мастерстве военных конструкторов и инженеров. Судя по тому, что он видел, американцев нельзя было недооценивать. Но высшие военные чины у него на родине, однако, придерживались иного мнения. Они чувствовали в себе

превосходство над сравнительно либеральной манерой американцев смотреть на военных. Американский солдат, таков был любимый тезис офицеров генерального штаба, был избалован цивилизацией, он мягок, слабоват и может вынести гораздо меньше нагрузки, чем имеющий к тому времени боевой опыт японский солдат.

Курибаяси был в своих оценках более осторожен, но он остерегался выражать свое мнение в кругу высокого начальства. Это неизбежно вызвало бы споры о его мужестве и интерпретировалось бы как паникерство. Подобно ему, большинство японских офицеров молчали также еще сегодня, хотя уже каждый мог видеть, что они недооценили противника. Но высшим чинам армии в Токио не хотелось бы слышать это.

После Иводзимы американцы приступили бы к прыжку на саму Японию. Об этом свидетельствовали уже только частые воздушные налеты, которые прежде никогда не считались возможными.

Их самолеты, думал Курибаяси, вот причина, зачем им нужен этот остров. Отсюда их четырехмоторные бомбардировщики смогут взлетать в направлении Токио, и их истребители смогут сопровождать их, наконец, на уменьшившемся расстоянии. Он точно не мог сказать, сколько дней назад это произошло, когда первый В-29 внезапно появился с севера над островом и совершил вынужденную посадку. Один двигатель у самолета вышел их строя, второй работал только с перебоями. Машина возвращалась из Токио, так как радио несколько часов назад сообщило о воздушной тревоге над японской столицей.

До Тиниана, где базировались В-29, он, вероятно, больше не дотянул бы, но аэродром Мотояма 1 на Иводзиме спас его.

Курибаяси мог наблюдать события на Мотояме 1 через стереотрубу. Если бы его артиллерия не понесла такие потери, что от нее остался лишь смешной остаток, то один короткий огневой налет мог бы положить конец происходящему. Но время японской артиллерии на Иводзиме миновало. Американцы систематически выследили орудийные позиции с помощью своих современных устройств определения местоположения и уничтожили корабельными пушками или авиабомбами. Все, что осталось, это были пехотинцы в своих убежищах, несколько малокалиберных автоматических пушек и мужество, которое должны были проявлять солдаты после чуть более трех недель боев.

Жизнь на острове никогда не была простой. Когда Курибаяси в июне прошлого года принял командование над гарнизоном, он нашел на острове 22 000 солдат и примерно одну тысячу пригнанных на принудительные работы корейцев, ко-

торые производили впечатление недисциплинированных, деморализованных созданий.

Я заново мотивировал их, думал маленький коренастый генерал, постоянными тренировками снова привил им порядок и решимость, заставил их много работать и превратить остров в крепость. За шесть месяцев возникли 150 новых бункеров, на севере было проложено около 25 км подземных соединяющих туннелей между отдельными укреплениями в податливом, к счастью, лавовом камне. Примерно 800 позиций были невидимо связаны друг с другом, стрелковые ячейки, пулеметные гнезда, включая примерно 120 позиций для 75-мм орудий, 60 минометов и ракетных пусковых установок, 58 противотанковых пушек, а также 130 мест для тяжелых 130-мм гаубиц.

Только на пляжах, где ожидали американцев, возникли 92 бункера, 32 огневые позиции для пушек различных калибров и 20 низких казарм для войск. Все шло по моему плану, думал Курибаяси, наблюдая, как эсминец спокойно двигался по морю, но все же этого оказалось недостаточно, чтобы не пустить американцев на остров. Было много жертв. Когда, пожалуй, настанет мой черед?

Курибаяси вопреки уверенности в своей правоте, которая отличала других высокопоставленных офицеров, всегда критически оценивал свои действия, если он не мог осуществить свои планы. Уже тогда в Маньчжурии, когда его войска атаковали русских, эту так называемую рабоче-крестьянскую армию, о которой никто точно не знал, могла ли она вообще сражаться по классическим правилам военного искусства.

Японские легкие танки были побиты на озере Хасан, и Курибаяси никогда не забывал этот урок: солдаты других стран не хуже японских, только потому, что пропагандисты постоянно это утверждают.

(Вероятно, ошибка автора. Курибаяси воевал с русскими не на озере Хасан в 1938 году, а на реке Халхин-Гол в 1939 году. – прим. перев.)

«Мы позволим американцам высадиться», приказал он своим офицерам, когда намечалось нападение на остров. «Мы предоставим им пляж. А потом мы ударим со всех сторон и загоним их в море».

План не сработал. Курибаяси должен был признаться в этом сегодня. Американцы не впали в панику под грохотом японской артиллерии, скорее они боролись за каждый метр земли и при этом смирились с множеством погибших. Метр за метров продвигались они вперед, и их упорство окупилось.

- Чай, – произнес кто-то наряду с Курибаяси. Это был его адъютант, еще молодой капитан, который поставил лаковый поднос с чашкой на грубо сколоченный стол на наблюдательном пункте Курибаяси. Курибаяси посмотрел на часы. В это время во второй половине дня он всегда обычно пил свой «Сентя», зеленый чай, приготовленный из листьев, которые росли на Фудзияме. Горькое воспоминание, каждый день, о священной горе на родине. Также последняя маленькая роскошь в становящейся все более безнадежной действительности острова. Даже вода для чая принадлежала к тем вещам, которых скоро больше не будет. К первым его действиям на новом посту на острове относилось больше не доставлять питьевую воду кораблями, как это было до сих пор. Этот процесс казался ему в кризисных ситуациях слишком рискованным. Вместо этого он приказал установить пять изготовленных в Японии установок по опреснению морской воды. Вода из этих дистилляционных систем была довольно безвкусной, так как при дистилляции пропадали все минеральные вещества, но она утоляла жажду. Лучше всего она подходила для стирки, но на это Курибаяси ввел ограничения. Он устроил доставку из Токио таблеток, которые компенсировали недостаток минеральных веществ у солдат. Сегодня в районе, который японцы еще удерживали на севере, больше не было ни одной такой опреснительной установки. Все пять устройств попали в руки к американцам. Только в нескольких резервуарах, которые были устроены на крайний случай, была еще вода. Но также и ее больше не хватило бы надолго.

Эсминец продолжал обстреливать побережье. Вероятно, там что-то двигалось. Может быть, его солдаты снова пытались в этом последнем углу базы собирать вынесенную волнами на берег мертвую рыбу. И ввиду количества крейсирующих перед Иводзимой американских кораблей такой рыбы была масса.

Генерал прислонился к каменному брустверу наблюдательного пункта и осторожно пил свой чай, наслаждаясь каждым глотком. Почему потерпел провал план обороны, на который возлагали такие большие надежды? Сначала намерение задержать высадившиеся на берег войска на пляже и расстрелять их артиллерией. Американцы сорвали это, подавив японскую артиллерию массивным огнем своих корабельных орудий во время высадки. Они превосходно определили местоположение наших оружейных позиций, говорил себе Курибаяси. Вследствие этого они смогли высадиться и продвинуться вперед, в то время как наши артиллеристы вынуждены были прятаться в укрытиях.

Сурибати, бастион на юге, продержался несколько дней, но после того как американцы смогли доставить на берег танки и артиллерию, и его конец был неизбежен. На проходящие через весь остров оборонительные линии Курибаяси надеялся даже больше, чем на Сурибати. Они должны были задерживать наступающих, заманивать их в засады, и постепенно изматывать. Но случилось со-

всем наоборот. Американские солдаты снова и снова упорно атаковали и в трудной и кропотливой работе уничтожили не только позиции, но и системы туннелей. Для этого они применили взрывчатые вещества, бензин, огнеметы и их новую желеобразную зажигательную смесь. Когда они надежно контролировали две трети острова, они двинулись на север и пробili даже в имеющей форму полумесяца позиции в скалах брешь, которая расколола немногие оставшиеся силы сопротивления на две части. Строго говоря, имеются два котла. С суши им угрожают американцы, с севера блокирует море. Маленькие котлы. Ни один из них не выдержит. Конец ясен. Еще несколько дней продлятся бои за скалистые рифы здесь перед северным берегом, потом все закончится. Что мы сделали неправильно? Курибаяси не находил ответ.

Он не осмеливался подумать о том, что вина могла лежать на японской политике территориальных захватов, ее стремлении к мировой державе, стремлении к доминирующему положению в Азии. Япония пыталась распространить преимущественно военными средствами свое господство не только на Китай, а на всю территорию от границ советской Сибири далеко до южных морей, в первую очередь на Филиппины и южные архипелаги в Тихом океане, с намерением включить сюда также британскую колонию Индию и далеко на юге Австралию и Новую Зеландию. Японцы переоценили не только свои силы, но и терпение своих противников. И они недооценили решимость этих государств сопротивляться японскому давлению. Особенно решимость Соединенных Штатов.

Генерал Курибаяси хоть когда-то и служил короткое время в политической функции на дипломатической службе, но привитое ему с детства мышление преимущественно военными категориями уменьшало его способности трезво воспринимать факты. В конце концов, он теперь понял, что Япония и он лично потерпели поражение на Иводзиме. Гнев вскипал в нем. Ему тяжело было видеть Японию в роли проигравшей. Мечта о великой державе разбилась вдребезги. Империя, на которую так надеялись, которой уже заранее дали звучное имя «Великая восточноазиатская сфера совместного процветания», больше не существовала.

Теперь десятки тяжелых военных кораблей и три американские дивизии морской пехоты отняли всякую надежду также у Иводзимы. Этот остров просто еще увеличит общее количество павших бастионов.

Генерал допил свой чай. На карте, которая висела на отвесной скале, он рассматривал самые новые места расположения американцев. Они расширили полосу от центральной области острова сквозь скалистый бастион вплоть до северного берега, вопреки ожесточенному сопротивлению. Из-за этого возникли оба маленьких котла, которые они теперь шаг за шагом суживали согласно

классическим законам военного искусства и сокращали этим количество защитников. У японцев больше не было артиллерии, одни лишь пехотинцы, голодные, испытывающее жажду, часто больные и страдающие от жара, которые оказывали сопротивление в своих убежищах. С винтовками, несколькими пулеметами, ручными гранатами и так называемыми коленными малокалиберными минометами, которые можно было пересчитать по пальцам. Это был вопрос дней, пока от обоих котлов больше ничего не останется. Лишь несколько рассеянных отдельных бойцов останутся, которые всерьез приняли свою клятву верности императору до собственной смерти. Конец. У Курибаяси больше не было желания размышлять об этом. О плене для него не могло быть и речи. Дело чести. Здесь он сражался, здесь он и умрет. И имя его будет беспорочным, как защитника бастиона Иводзима.

Медленно он поднялся со своего стула, подошел к деревянному сундуку, который стоял в мрачном помещении за наблюдательным пунктом и открыл крышку. Это было все, что принадлежало ему. Второй мундир, белье, сапоги, несколько фотографий из дома и самурайский меч, несколько лет назад изготовленный по традиционному образцу и врученный старшим офицерам. Генерал взял меч и пошел с ним на наблюдательный пункт.

- Исикава!

Адъютант поспешил к нему. Курибаяси передал ему меч. Он был уверен, что это церемониальное оружие распределялось только до звания майора.

- Я передаю вам этот меч для сохранения вашей солдатской чести, – произнес он сухо. Даже в этой ситуации ему не удалось придать своему голосу немного торжественности. Адъютант ошарашено схватил меч. На его подавленный вопрос, что намеревается делать сам генерал, Курибаяси ответил без видимого душевного переживания: – Я умру в бою.

Он покинул наблюдательный пункт на скалистом конусе, который картографы окрестили Китано-Пойнт, и пополз по тесным, частично обрушившимся туннелям до передового поста его штабной роты. Отсюда можно было видеть противника. Генерал лег за пулемет и ждал.

Уоллес и Рид остались при 3-й дивизии на центральном фронте. Войска генерала Эрскина должны были первыми атаковать последние утесы перед северным берегом и прорваться к морю.

Они договорились со связным «Yank» у побережья. Главная редакция была рада первой получить заметки и фотографии штурма последнего японского ба-

стиона. Если возможно, они должны были сфотографировать генерала Курибаяси, лучше всего – его труп.

Был семнадцатый день после высадки, когда оба корреспондента при 21-м полку наблюдали вторую попытку захватить скалистый барьер.

Американцам понадобилась одна ночь и еще полдня. Их дорогу обрамляли взорванные мини-бункеры, выгоревшие убежища в скалах и мертвые японцы, преимущественно сожженные огнеметами, которые в жестокой игре в кошки-мышки на этом острове все чаще проявляли себя как самое эффективное оружие пехотинцев.

Уоллес полз за взводом роты А, который находился на удалении лишь нескольких метров от самого высокого места. Все же понадобились еще часы, прежде чем солдаты достигли своей цели. Много раненых было вынесено назад, под огнем японских винтовок. Часто им не удавалось добраться до перевязочного пункта. Какой-то не замеченный прежде японец где-то на крутом спуске доказывал, что он не был готов сдаться, и что ему было все равно, в кого именно он стреляет, в санитаря или в раненого. Борьба на буквально последних метрах становилась все более ожесточенной, и с законами ведения войны больше не считались.

Во второй половине дня – Уоллес, взглянув на часы, увидел, что это было вскоре после трех часов дня – сержант, который принял взвод после смерти лейтенанта, внезапно радостно запрыгнул на самый высокий риф и закричал: – Вот оно!

Он имел в виду море, почти в трехстах метрах под скалой. Слабые волны накатывались на пляж из темного песка лавы. Солдат нельзя было удержать. Они спрыгивали за сержантом через каменные глыбы вниз на пляж. Рид сфотографировал сцену и мрачно пророчествовал: – Это может стоить им их задницы!

Вначале не было никакой стрельбы. Японцы на выходящей к воде стороне едва ли устроили позиции в рифе, так как они не рассчитывали на десант на этом пляже.

Кроме того, корабельная артиллерия много дней обстреливала северную сторону скал.

Аэрофотосъемка захваченного острова – побережье уже повсюду занято американским тыловым снабжением, с контейнерами и бараками. Иводзима быстро превращается в жизненно необходимую американцам базу.

Только когда опьяненные успехом американцы наполнили походную флягу морской водой для их командира дивизии и снабдили надписью «Для восхищения! Не пить!», внезапно начался огонь с обоих флангов. Японцы перегруппировались. Появились раненые.

Сержант дал приказ спрятаться в укрытии. Место, в котором взвод роты А достиг моря, находилось на удалении только лишь 120 метров от Китано-Пойнт. И там, как предполагали американцы, находился командный центр Курибаяси. На

самом деле генерал в этот момент находился совсем недалеко отсюда, он лежал за пулеметом и стрелял.

Когда остатки японских защитников справа и слева от места прорыва очухались от неожиданности, они с обеих сторон принялись стрелять из всего еще имеющегося у них оружия. Еще прежде чем американцы наши подходящие укрытия, из 28 солдат взвода, при котором находился Уоллес, семеро были ранены, трое из них тяжело. Санитары относили их в безопасное место на выступе скалы, который лежал за пределами досягаемости огня винтовок.

Рота А из-за вражеского огня не могла двинуться дальше почти целый час. Но затем подошла рота С, далее целый батальон 9-го полка.

Уоллес искал Рида и нашел его, наконец, в покинутой японскими стрелками расщелине в скале. Вместе они наблюдали, как новые подразделения сначала установили контроль над пространством для подъема и затем быстро стали продвигаться в обе стороны по лабиринту скал над морем.

Так остатки японских войск на крайнем севере острова были с трех сторон зажаты наступающими американскими войсками, только дорога к морю была открытой. Но вскоре и узкий пляж ниже скал контролировался морскими пехотинцами. – Вместе с тем, – сказал один офицер, – они окончательно находятся в мешке.

То, что последовало теперь, было множеством небольших боев, в которых американцы хоть и несли потери, но японцы день ото дня все больше изматывались и теряли боевой дух. В рукопашном бою их все еще следовало опасаться, но их силы таяли. Голод, жажда и болезни требовали своей дани.

Снова и снова маленькие группы пытались прорвать кольцо. Это удавалось только немногим, но и дальше доходило до ожесточенных боев. И, все же, даже бесчувственные воины камикадзе едва ли могли что-то изменить в исходе борьбы. Однажды ночью примерно двести японцев атаковали со стороны Китано-Пойнт. У морских пехотинцев было много потерь, но нападавшие были почти полностью уничтожены. Специалисты исследовали погибших японцев в надежде найти среди них Курибаяси. Но его там не было.

И снова и снова отдельные японцы появлялись как будто из ниоткуда, стреляли, на них охотились, наконец, они сдавались, или были убиты. По ночам они в трофейной американской форме нападали на перевязочные пункты и как безумцы стреляли во все стороны. Также поблизости от аэродромов японцы все еще прятались и при каждом представляющемся случае доставляли хлопоты

наземному обслуживающему персоналу. Специальные команды охотились на них. К тому времени уже несколько В-29, возвращаясь после налетов на Токио, совершили вынужденную посадку на Мотояме 1 и должны были ремонтироваться. Поэтому нельзя было допустить, чтобы ремонту и обслуживанию самолетов кто-то мог помешать. Команды прочесывали всю захваченную территорию снова и снова, работа, которая могла продлиться еще несколько недель, как думали командиры, хотя американская сторона уже 16 марта официально сообщила, что Иводзима взята.

18 марта Радио Токио также передало: «Американские морские пехотинцы после тяжелых боев смогли постепенно захватить последние японские базы на Иводзиме. Вследствие этого связь с островом прерывается одна за другой...»

Через день после этого сообщения, когда Уоллес и Рид снова прибыли в роту С на западном краю котла Китано, их вызвали в штаб, где допрашивали японского пленного. Рид должен был сделать фотографию допроса. Пленный офицер не был фанатиком и даже немного знал английский язык, так что он мог сказать американцам на их собственном языке, что он рад тому, что для него все уже закончилось.

- Вчера генерал Курибаяси, – сообщил он, – был убит. Он сожжен. Вы его вряд ли найдете. Он находился в туннеле в скале, вместе с другими офицерами. Огнеметчик вытеснял их, и они отошли за изгиб туннеля. Американец с огнеметом последовал за ними. Все офицеры задохнулись и сгорели...

Стали искать солдата, который использовал там огнемет. Он вспомнил о нападении и туннеле, но мертвых японцев он уже не разглядывал. Когда Уоллес интервьюировал его, человека, который, вероятно, убил генерала Курибаяси, этот солдат только равнодушно сказал: – Сэр, если бы я точно рассматривал всех японцев, которых мой огнемет превратил в обуглившиеся трупы, чтобы узнать, не было ли, вероятно, среди них генерала, то на это пришлось бы потратить слишком много времени, а ведь это не в духе армии, разве не так?

Также командование позже подтвердило, что труп японского командующего не был найден.

Японские солдаты на Иводзиме сдаются. Редкая фотография, так как японцы в подавляющем большинстве предпочитали погибнуть в бою. Или они умирали от болезней и голода.

Битва за Иводзиму не закончилась в определенную дату, хотя генералы Шмидт и Смит 26 марта простились с островом и отправились морем в Гонолулу для доклада.

На Иводзиме бои только медленно выгорали, и точно в тот самый день 26 марта отряд японцев численностью свыше двухсот человек внезапно появился как из ниоткуда на краю аэродрома Мотояма 2 и напал на американский полевой лагерь.

Когда Рид прибыл туда, он обнаружил, наряду со значительным количеством погибших и раненых американцев, 196 мертвых японцев. Некоторые, так сообщали американские солдаты, убежали на север. И они показывали самурайские мечи, которые они забрали у мертвецов. Сорок этих дешевых имитаций традиционного оружия древних японских рыцарей были найдены на поле боя.

Один солдат заметил: – Вероятно, они вернуться. Но, может быть, они умрут с голоду где-нибудь там наверху на скалах.

После окончания боев: Солдаты американских дивизий, захвативших остров, прощаются с погибшими товарищами на быстро сооруженном кладбище.

Кладбище героев под Сурибати. Оно было создано только тогда, когда бои закончились, и последние японские пленные, которых ранее содержали здесь у подножия Сурибати, были вывезены с острова.

Облик острова менялся. Стройматериалы громоздились на пляжах. Тяжелое оружие, станки, радиолокационная техника, краны и бульдозеры выгружались, и создавались проезжие дороги.

На Сурибати все еще развевался флаг, который подняли там солдаты 5-й дивизии морской пехоты. Рядом с ним оборудовалась радиолокационная станция.

У подножия конуса потухшего вулкана был устроен лагерь для пленных, но число японцев, которых Стив Рид мог здесь сфотографировать, было не очень велико. Из примерно 22 000 человек только 216 остались в живых.

Для США захват острова к этому времени, как узнал Фрэнк Уоллес, стоил жизни 6821 морских пехотинцев и моряков. Число раненых составляло 17 200.

4-я и 5-я дивизия морской пехоты были сменены 147-й пехотной дивизии, которая прибыла из Новой Каледонии. Она вместе с 3-й дивизией морской пехоты еще некоторое время охотились на рассеявшихся японцев.

Когда Уоллес и Рид последний раз видели Мотояму 1, здесь уже стояла радиолокационная установка. В-29 приземлялись, в большинстве случаев подстреленные машины, которые, возвращаясь домой, больше не могли долететь до Тиниана. Экипажи выскакивали и обнимали солдат наземного обслуживающего персонала. – Мы справились – мы на своей земле!

На северо-востоке острова особые команды закладывали первое кладбище для морских пехотинцев, которые погибли на Иводзиме.

Токио в огне

Когда он садился в В-29, у Фрэнка Уоллеса сосало под ложечкой. Некоторые опытные люди в ВВС поговаривали, что этот тяжелый четырехмоторный бомбардировщик непредсказуем. Якобы он хорошо маневрирует на больших высотах, но если опуститься ниже, то он реагирует на команды порой очень капризно, и даже не особо сильный косой ветер мог бы стать довольно неприятным для экипажа.

Одни приписывали это слишком длинным крыльям, другие думали, что моторы могли бы быть посильнее. Все же, вопреки всем недостаткам, в которых обвиняли первую серию дальнего стратегического бомбардировщика, В-29 в дневных налетах на Германию зарекомендовал себя хорошо. Также на Тихом океане

B-29 стал самым важным оружием ВВС при бомбардировках сильно удаленных целей.

Уоллес хорошо рассмотрел самолет перед вылетом на Токио. У него была герметичная кабина, в которой экипаж мог удобно работать, он был вооружен двумя дистанционно управляемыми башенками со счетверенными пулеметными установками на нижней стороне и такими же двумя на верхней стороне фюзеляжа, и еще одной в хвосте. Пилот разъяснил ему, что на бомбардировочном варианте – в отличие от его машины – четырехствольная пулеметная установка в хвосте отсутствует – чтобы увеличить бомбовую нагрузку. Кроме того, у его самолета было расширенное остекление носовой части фюзеляжа, чтобы можно было лучше наблюдать. Между тем Стив Рид, также приглашенный в полет, искал себе место в кабине, с которого он хотел попытаться фотографировать через плексигласовые окна, намерение, о котором он совершенно не знал, будет ли оно успешно, но это ведь во многих случаях бывает так. Фотограф не всегда находит то, что подходит как изображение, либо не хватает света, либо он не может приблизиться достаточно близко к объекту интереса, если свет в виде исключения однажды хорош.

- Я попробую, – сказал он Уоллесу, когда они сидели в бараке из волнистых стальных листов на Мотояме 1 за чашкой куриного бульона. Снаружи темнело. – Они намекнули мне, что они сбрасывают так много сигнальных ракет и зажигательных бомб, что будет так же светло как Рождество в витрине магазина «Woolworth» в Чикаго, – смеялся Рид.

Уоллес мало понимал в фотографировании, чтобы высказать свое мнение. Он вспоминал о днях, когда за Мотояму 1 еще шли бои. Даже сегодня солдаты 147-й пехотной дивизии все еще охраняли аэродром, так как никто не мог исключить, что где-нибудь попрятались оставшиеся японцы.

Только недавно, так рассказывал помощник повара, который подал им на стол суп, он ночью, когда выбрасывал мусор на кучу на краю аэродрома, увидел фигуру, которая копалась в выброшенных остатках еды из столовой. Он выстрелил, но фигура как привидение исчезла в ночи.

На Мотояме 1 еще не дислоцировались бомбардировщики. Сначала нужно было закончить расширение и усовершенствование авиабазы. Но самолеты связи уже использовали аэродром, и прибыла эскадрилья истребителей, которые сопровождали отремонтированные здесь бомбардировщики. Для раненых летчиков уже имелся хорошо оснащенный госпиталь, в котором даже могли проводиться операции.

Пилот крикнул им: – Залезайте, парни, мы взлетаем!

У стойки столовой они еще купили шоколад и жевательную резинку для длительного полета, и затем они влезли в машину. Пилот посоветовал им, чтобы они по возможности поспали до подлета к цели.

- Нам отсюда лететь вдвое ближе, чем от Тиниана! – заметил Рид. Оттуда и от аэродромов на Сайпане и Гуаме к ним присоединились приблизительно по сто бомбардировщиков, как только они были на нужной высоте. ВВС к тому времени уже организовывали такие встречи со сказочной точностью.

- Если все получится! – заговорил пилот, скептически отреагировав на замечание корреспондента. – Слишком часто это как раз и не получается!

Все же, триста четырехмоторных бомбардировщиков, которые летели начинающейся ночью в направлении Токио, сблизилась, и самолет-наблюдатель последовал за первой волной. Впереди летели двенадцать самолетов наведения, у которых вместо бомб на борту были горящие длительное время сигнальные ракеты. Они должны были отметить район цели в пределах большого города так, чтобы бомбардировщики не должны были позже долго его искать и могли вместо этого сбросить свой груз точно над отмеченным районом цели. Процесс, который к тому времени особенно доказал свою полезность при ночных налетах на немецкие города.

Бомбардировщики, которые подлетали на высоте 7 000 м, за несколько минут до цели спустились до 1200 м. Было 23.30, когда наблюдатель рядом со Стивом Ридом показал вперед: – Они уже поставили факелы – теперь начнется!

В Токио заканчивался прохладный, неласковый день ранней весны. Ледяной ветер заставлял людей на улицах дрожать от холода и заботился о том, чтобы стены легких жилых строений, которые были здесь часто сделаны из тонкой древесины или даже просто из картона, поскрипывали. Вместе с вовсе не радужными перспективами войны погода способствовала тому, что люди не были ни веселы, ни деятельны, а поскорее прятались в свои дома, чтобы съесть ту скудную еду, что выделялась им, и затем лечь спать.

Токио был построен на краю большого, плавно изогнутого залива. Две реки, Аракава и Сумида, которые проходят близко друг к другу севернее от императорского дворца, расходятся после этого снова, прежде чем они впадают в Токийский залив. Необычайно плотно населенная низменность между устьями обеих рек, когда-то место, на котором возникли первые поселения, стала сегодня местом проживания большей части населения японской столицы.

Здесь не было кварталов богачей. Между руслами обеих рек жили люди небольшого достатка, мелкие предприниматели, бедняки. Они проживали в дешевых квартирах, и многие перебивались случайными заработками. Немало здесь было и того, что американцы называли «фабриками на кухне». Семьи и одинокие люди производили в большинстве случаев на кухне или на заднем дворе все, что можно было продать. Диапазон работ охватывал всё, от вязания до штамповки по металлу, прессования бакелита, выточки винтов и изготовления гвоздей до производства деталей для электропромышленности, запасных частей для автомобилей, трамваев или военного оборудования. Тут на крохотных токарных станках делались стальные сердечники для патронов или дверные петли. Из-под прессов для металла появлялись как корпуса для ракет, так и чайные стаканы. Все это было крайне важно для страдающей от перенапряжения военной экономики Японии, все равно, использовалось ли оно теперь в гражданских или военных целях.

На протяжении войны это мелкое производство возросло, и оно существенно способствовало облегчению работы крупной промышленности, которая и без того страдала от целенаправленных бомбардировок американцев. Различные большие фабрики даже перевели все отрасли производства в этот жилой район между реками, сделали его жителей, так сказать, поставщиками отдельных частей, которые затем собирались на фабриках. Даже некоторые из больших авиазаводов пользовались этим методом. Поэтому американская разведка говорила о «кузнице вооружений».

Эта оценка не была неоправданной, хотя речь шла о кузнице вооружений очень необычного вида: а именно, об очень плотно заселенном жилом районе, который, кроме того, состоял преимущественно не из прочных зданий, а из одноэтажных фанерных построек с обитыми пергаментом окнами. В солнечный день, когда жители очищали калитки своего жилья от пыли и их краски сверкали, все это выглядело очень живописно, традиционная идиллия, как кое-кто из иностранных посетителей замечал еще перед войной, если он в своих прогулках добирался до этого «квартала бедноты».

То, что это было точно тем, что, например, американские пожарные на своем профессиональном жаргоне называли «огненной ловушкой», интересовало иностранных гостей меньше. Если здесь случался даже самый маленький пожар, то он в одну секунду распространялся на большую площадь, так как низкие строения почти без исключения были построены из очень легковоспламеняющихся материалов. Здесь бывали пожары время от времени, но токийская пожарная команда в большинстве случаев быстро тушила их, у нее был в этом хороший опыт, хотя этот район всегда оставался для пожарных немного зловещим.

У трехсот бомбардировщиков В-29, которые теперь подлетали к Токио в волнах на различных высотах и с разных направлений, были зажигательные бомбы на борту. Речь шла о так называемых «Firesticks», легких бомбах, которые сбрасывались буквально тысячами и вызывали пожары, которые было трудно потушить, так как в бомбах содержался фосфор, сильно сопротивлявшийся тушению. На воздухе он загорался снова и снова, даже если он был пропитан водой.

Также это оружие было много раз испытано в ходе многочисленных атак на цели в Германии, где война уже подходила к своему концу, и хорошо зарекомендовало себя. Время нападения было избрано необычно. До сих пор эскадрильи В-29 осуществляли только дневные атаки на Японию. Теперь они впервые прилетели ночью. И благодаря световым факелам они отчетливо видели под собой границы района, который был их целью. Собственно, они должны были только придерживаться курса и высоты, чтобы не столкнуться с другими машинами, и сбросить бомбы над районом цели – все остальное было точно рассчитано техниками.

Пилот самолета-наблюдателя смеялся над этим: – Даже идиот мог бы осуществить такой налет!

- Или робот, – заметил Рид.

Бортрадист сообщил: – Прожекторы, зенитная артиллерия и сильный встречный ветер в районе цели!

Они поднялись выше, и теперь они могли точно наблюдать, как волна за волной бомбардировщики заходили со стороны залива. Теперь район цели был обрамлен как будто сотней ярко светившихся «рождественских елок». Лучи света прожекторов бродили по небу, и на земле мерцали сотни кажущихся с этой высоты микроскопическими огоньков – вспышки выстрелов зениток. Но через пару мгновений к этому добавились разрывы зажигательных бомб, и маленькие огоньки превратились в огромное море огня. Над ним качался густой дым, как колышущийся от ветра занавес.

Стив Рид сделал свои первые снимки, прежде чем дым заглушил свет. Он сомневался в том, что это будут хорошие фотографии, но иногда, так он утешался, как раз технические недостатки снимка придавали ему особенную характерную черточку.

Внизу в городе бушевал хаос. Легкие дома горели как спичка. Тот, кто не погиб в пламени, бежал, спасая свою жизнь, бросался в одну из рек, или даже доби-

рался до местности, в которой зажигательные бомбы падали уже не так густо. Но это удавалось только немногим.

До этой ночи правители всегда уверяли жителей, что они в достаточной степени защищены от воздушных налетов. Власти неоднократно сносили дома, чтобы создать так называемые заградительные зоны для остановки огня, которые должны были не дать пожару перекинуться на другую сторону улицы. Только то, что бушевало теперь в городе, уже вовсе не было пожаром, с которым можно было бороться обычными средствами, это была катастрофа, сокрушавшая все преграды. Там больше не помогало и то, что гражданских лиц месяцами обучали бороться с огнем, готовили из них добровольных помощников пожарных, что многие жители умели обращаться с огнетушителями и пожарными шлангами и образовывали местные пожарные команды. Даже резервуары воды для тушения пожара, которые были предусмотрительно устроены, уже ничем не могли помочь. Пожарные машины, насосы и шланги сгорали в местах хранения, прежде чем они могли покинуть здания пожарной охраны. Уже через считанные минуты от них оставались только лишь железные рамки, обугленные, оплавленные, остатки металла, так же, как и в депо трамваев и городских автобусов.

К пожару добавились сильные горячие вихри, которые переросли в настоящий ад. Они неистовствовали с невообразимой силой и скоростью по переулкам, затягивая с собой все, что мешало им. Люди, которые думали, что уже добрались до края пылающего ада, подхватывались огненным штормом, поднимались им вверх, разбивались в падении или задыхались. Даже те, кто смог добраться до одной из рек или прыгнуть в канал, получали ужасные ожоги, как только они вытягивали голову и верхнюю часть туловища из воды, чтобы вдохнуть воздух.

Капитан-лейтенант Микихико Сакамото, молодой летчик, который своим «Зеро» таранил самолет майора Эпплтона во время одного из первых дневных налетов В-29, работал теперь контролером на парашютной фабрике, на удалении только примерно пяти километров от района, ставшего целью бомбежки. Тогда ему повезло, потому что, спрыгнув с самолета, он потерял только ногу.

Сакамото стоял на крыше главного корпуса и смотрел на прилетающие волнами В-29. Он сердился, так как зенитная артиллерия как в большинстве случаев стреляла очень неточно. Он стискивал зубы, так как его протез ноги доставлял ему мучения.

Когда налет начался, женщины ночной смены сразу заняли места, которые были выделены им на такой случай. Теперь они были готовы с огнетушителями и резиновыми шлангами. Но пока что бомбы падали намного южнее.

Сакамото пристально смотрел на подлетающие самолеты. Они летели настолько низко, что он мог в зареве пожара рассмотреть пеструю камуфляжную окраску и блеск стекол кабин. Один В-29 был подбит и взорвался.

Затем он увидел самолет, который трясли горячие восходящие ветры. Внезапно под его корпусом ярко вспыхнуло пламя, и машина круто упала вниз. Вероятно, вертикальный ветер поймал В-29 точно в те секунды, когда он сбрасывал свои зажигательные бомбы, и они взорвались при столкновении со снижающейся машиной.

Две потери. Он не мог радоваться этому, хотя другие, которые стояли с ним на крыше, хлопали. Что такое два самолета, по сравнению с той массой, которая там атаковала?

Сакамото также не мог радоваться тому, что бомбардировщики, очевидно, пощадил его фабрику. Сегодня. В следующий раз все могло бы выглядеть совсем иначе. Он с горечью понимал, что больше не было средств, чтобы задержать этого противника, которого японцы сами себе выбрали.

Над районом цели почти не было истребителей. Для ночных истребительных боев нужны были не только специально оснащенные самолеты, но и подготовленные для этого летчики. И не хватало и того, и другого. Для чего, тоскливо спрашивал себя Сакамото, мы каждый день все еще шьем парашюты? О том количестве самолетов, которое сейчас выпускают авиазаводы, едва ли еще стоит говорить. А летчикам-камикадзе парашюты вообще не нужны...

Микихико Сакамото утратил свою патриотическую способность к самопожертвованию. Он желал лишь скорейшего окончания этой войны, уже все равно с каким исходом, хотя он и не осмеливался говорить об этом громко. Но он был убежден, что очень много японцев уже думали так же, как он.

В-29 этой ночью буквально испепелили сорок квадратных километров наиболее плотно заселенной части Токио. Примерно через час после полуночи бомбардировка достигла своего апогея. Пожарные, полицейские, солдаты и гражданские лица, когда нападение стихало, лихорадочно пытались делать просеки по краям пожара, чтобы, по крайней мере, воспрепятствовать дальнейшему распространению огня. Ночь была холодной, и непредсказуемый ветер все время снова и снова раздувал огонь.

Только когда наступил рассвет, ветер стих. Самолетов больше не было. Город казался таинственно тихим. В разбомбленном районе повсюду выгоревшие

остатки человеческого жилья. Чад наполнял воздух, смешанный с запахом сожженных людей.

Разбомбленный район был усеян обгоревшими трупами. Выжившие бесцельно бегали вокруг, искали родных. Другие были странно безучастны, безразличны, когда они с пересохшим горлом и выжженными от дыма глазами перед доставленными армией походными кухнями ждали какой-нибудь еды или просили в санитарных палатках мазь для своей обгоревшей кожи.

В отчаянии они глядели на остатки своих прежних жилищ. Этой ночью они потеряли всё. Некоторые из них глубоко в душе думали точно так же, как думал Микихико Сакамото. Но и они тоже не говорили то, что думали, и Сакамото был почти уверен, что эти утратившие надежду люди до самого конца будут делать то, что ожидали от них их император, правительство, полиция или уличный староста.

Способность переносить страдания и безусловное повиновение императору и начальству были опорами того мнимого величия, которое Япония так охотно демонстрировала на протяжении последних лет. Потребовалось бы нечто большее, чем одни только такие воздушные налеты, чтобы эта позиция изменилась.

Когда солнце поднималось выше, вспыхнули новые костры. Армия и полиция собирали трупы, укладывали их слоями в кучу и сжигали. Запах должен был еще много дней держаться во всем городе.

В канцеляриях пропагандисты делали все, чтобы преуменьшить катастрофу, которая была только началом того, чему еще суждено было случиться. Газеты, как всюду в большинстве случаев покорные властям или, по меньшей мере, услужливые, даже если они внешне занимали умеренную или осторожную выжидательную позицию, сообщали о «некоторых убытках».

Также радио распространяло это. Фотографировать в пострадавших районах строго запрещалось, о публикации нелегально сделанных снимков нечего было и думать. Любопытных задерживали и отправляли обратно уже на большое расстояние от разрушенной территории города. Но, все же, в конечном счете, слухи о том, что произошло, распространялись. Об этом позаботились уже оставшиеся в живых, которые искали в не разрушенных районах столицы ночлег, чашку риса.

Позже ВВС США объявили, что большой воздушный налет на Токио, принесший японцам сто тысяч смертей, неизвестное число раненых, один миллион бездомных и гигантские материальные убытки, стоил самим американцам потерь толь-

ко четырех процентов их машин. Итак, точно двенадцать самолетов. Если рассматривать потери экипажей, то получалось примерно 150 человеческих жизней.

Фрэнк Уоллес подсчитывал это сразу в день после налета. Они ранним утром приземлились на Иводзуме, так как в правом внешнем двигателе В-29 возник пожар.

- В крайнем случае, – сказал пилот, – мы могли бы и на трех моторах добраться до Гуама, но, в конце концов, для чего же мы захватили эту вулканическую кучу!

Его примеру последовала еще примерно дюжина самолетов, которые получили повреждения от вражеских зениток. Хотя на острове уже стояла эскадрилья истребителей, ей даже не нужно было взлетать для защиты возвращающихся домоЙ. Атак со стороны японских истребителей не было.

Впоследствии на Иводзуме располагались В-29, которые – как и эскадрильи с Гуама и Тиниана – совершали авианалеты против больших городов Японии, чтобы сломать моральный дух империи. И Иводзума пользовалась у летчиков славой «надежной гавани». За первые три месяца после ее захвата в целом 850 поврежденных бомбардировщиков «дотянули» до одного из аэродромов на этом вулканическом острове. Девять тысяч членов экипажа спаслись таким образом. Ожесточенная и кровопролитная борьба морских пехотинцев за оцетинившийся оружием остров оправдала себя. Отсюда начался прыжок к японской метрополии.

Прежде чем последние морские пехотинцы покинули Иводзиму, они установили недалеко от аэродрома Мотояма 1 указатель: «До Токио 1500 км».

Библиотека Велесова Слобода, 2016 г.